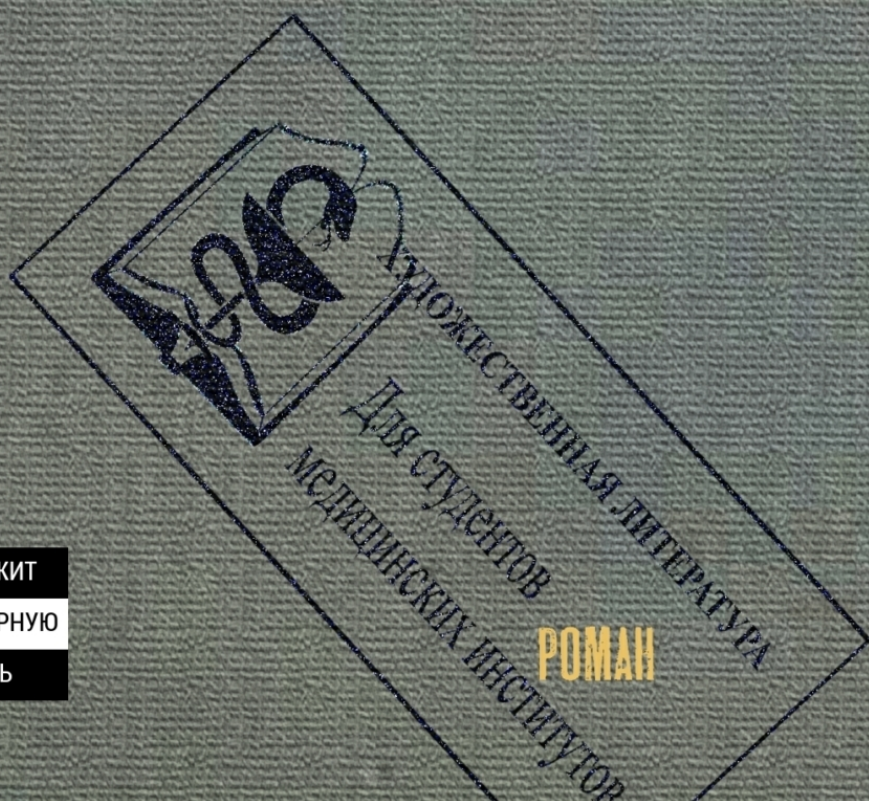

ДМИТРИЙ СОКОЛОВ

МЕДИЦИНСТИТУТ

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Дмитрий Соколов

Мединститут

«Автор»

2004

Соколов Д. Б.

Мединститут / Д. Б. Соколов — «Автор», 2004

Неромантическая история нелюбви последнего года учёбы в медицинском. Хладнокровный и циничный Антон в свои 22 года одержим идеей стать хирургом. В погоне за своей мечтой он идёт по головам и разбитым сердцам. Чьи-то чувства его совершенно не трогают, а своих ни для кого в мире не существует. Хирургия- суровая и даже жестокая специальность! Кажется, что нет такой жертвы, которую Антон не готов положить на кровавый алтарь этого молоха... но цена в итоге оказывается слишком высока даже для него. А жизнь, лишённая мечты, становится невыносима. Содержит нецензурную брань.

© Соколов Д. Б., 2004

© Автор, 2004

Содержание

Часть 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Дмитрий Соколов

Мединститут

Часть 1

Per aspera ad astra

I

«Принято постановление ЦК КПСС, Совета Министров СССР и ВЦСПС о повышении заработной платы работникам здравоохранения и социального обеспечения, в том числе врачей, провизоров, медицинских сестёр, младшего обслуживающего персонала. Новые условия оплаты труда имеются в виду ввести поэтапно в течение 1986 – 1991 годов. В первую очередь повышаются должностные оклады хирургов, анестезиологов-реаниматологов, врачей женских консультаций, родильных домов и других медицинских работников, выполняющих сложные и ответственные виды работ»

(Советская пресса, октябрь 1986 года)

Все знают, что медицинский институт отличается от прочих институтов, и в первую очередь тем, что учёба в нём длится не пять, а шесть лет. Но это не совсем так. Учёба и в мед-институте длится пять лет, а шестой год идёт уже не учёба, а «преддипломная специализация». На обычную учёбу она совсем не похожа. В 1986 году специализация будущих врачей шла по трём основным дисциплинам – терапия, акушерство с гинекологией и хирургия. Студенты шестого курса уже и назывались не «студенты», а «клинические субординаторы».

Слово это (хоть и резало с непривычки слух, и настораживало непосвящённых) ни к чему, в общем-то, не обязывало, никаких прав никому не давало, и шестикурсники как были «студентами» все пять лет, так ими и оставались. Но зато они уже были расписаны по клиникам, работали в них, принимали участие в лечебном процессе, самостоятельно вели больных! Молодые люди совершали свои первые шаги на врачебном поприще.

А первые шаги волнительны везде и во всём, первые шаги всегда особенно интересны. Порой случались анекдоты, забавные истории, словом – казусы, как говорят медики. Над некоторыми потом годами смеялся весь институт, некоторые и случались, и заканчивались как-то незаметно, но истории случались постоянно. Любой медик легко, с ходу, вспомнит их добрую сотню, если не больше.

Клиника – это не частная дорогая лечебница за городом, а некое лечебное учреждение, в котором идёт не только лечебный процесс, но и обучение студентов. Как правило, клиники мединститутуют создаются на базах крупных городских больниц. Например, 10-я городская больница, или «десятка», называлась Клинической больницей Скорой медицинской помощи, и служила базой К...ского мединститута. Это была крупная, современная, многопрофильная больница, построенная «в годы застоя», как в СССР начали называть конец 70-х годов XX века. Она включала в себя целый ряд клиник в составе больничных отделений: травматологическую, хирургическую, кардиологическую, гинекологическую, офтальмологическую, клинику профессиональных заболеваний, и ряд прочих. В каждом таком отделении, помимо заве-

дующего и палатных врачей, гнездились «кафедралы»— научные работники с соответствующих кафедр, «доценты с кандидатами», а то и целые профессора.

Несмотря на громкое название и научный нимб над собою, по своей сути «десятка» была обычной советской больницей конца 80-х годов прошлого века. Как и всё остальное в тогдешнем СССР, поражённой общим кризисом системы развитого социализма. Её многочисленные отделения были просто обречены на хронический недостаток во всём – от постовых медсестёр до наконецников клизм. Нянечки, санитарки и лифтёры встречались в ней куда реже профессоров, а тараканы и подвальные кошки размножались с невиданной скоростью- чему, видимо, способствовал недавний чернобыльский взрыв, задевший краешком и К... . Кормёжка больных осуществлялась в основном гречкой на горелом молоке и слизистыми толстостенными макаронами.

10-я больница служила клинической базой мединституту уже много лет. Особенно она славилась своей хирургией. Целое крыло занимали четыре 80- коечных хирургических отделения, каждое со своим оперблоком, в котором в образцовом порядке содержались и плановые операционные, и, в особенности, операционные для неотложных вмешательств. Отделения одновременно являлись и клиниками, в которых проходили преддипломную подготовку молодые хирурги- субординаторы, постдипломную подготовку молодые хирурги- интерны, окончательную подготовку молодые хирурги- клинические ординаторы. Всё это беспокойное хозяйство было объединено в Кафедру госпитальной хирургии, которую долгие годы возглавлял профессор Тихомиров В.В. – учёный с мировым именем и Лауреат Государственной премии СССР за 1971 год. Два года назад он был избран членом-корреспондентом Академии медицинских наук. Кафедра под его руководством занималась и научной, и преподавательской работой; кафедра придавала всей хирургии городской клинической больницы №10 особый блеск.

Человеку, впервые угодившему туда с приступом аппендицита или с нарвавшим пальцем, нелегко было разобраться в массе белых халатов, сразу обступивших его, и каждый день перед ним появлялись всё новые и новые фигуры. Всякий свежеступивший больной был уже случай, casus, как говорят медики, и принадлежал науке. Учебный процесс шёл параллельно с лечебным, и был не менее важен.

В хитросплетениях обоих процессов элементарно было запутаться. Многие больные, отлежавшие неделю и больше, так и выписывались в неведении, кто же есть кто – кто тут профессор, кто доцент, кто зав. отделением, кто лечащий врач, кто куратор, кто дежурный, кто ординатор, кто субординатор, кто врач-интерн, кто будет делать операцию, кто лечить потом, а кто будет просто приходить и спрашивать о самочувствии. Одно было ясно – раз такое множество врачей здесь, раз на именно таких, как ты, науку вперёд двигают – значит, попал ты правильно и вылечат тебя непременно!

II

«Темпы общественного прогресса, ускорение социально-экономического развития страны в значительной степени зависят от идейно-политической зрелости народа. Базисная роль в подготовке специалистов, вооружённых марксистско-ленинской теорией, способных применять её на практике, способных мыслить и действовать по-новому, принадлежит высшим учебным заведениям»

(Советская пресса, октябрь 1986 года)

Внешность у Аркадия Марковича была совсем не доцентская – невысок, но очень ладен, открытая мальчишеская физиономия и буйная шевелюра. Он был больше похож на тренера детской спортивной школы или на актёра кино, играющего разведчиков и гусаров,

причём все рискованные трюки самостоятельно. Даже очки, большие роговые очки в пол-лица, не спасали Самарцева от сомнений окружающих.

Поэтому Аркадий Маркович старался помалкивать о том, кто он по профессии, и всячески избегал называть свою должность – в то, что он оперирующий хирург, ещё верили, а вот то, что этот «шибздик» – доцент, воспринимали со смехом, вроде бы как кличку рецидивиста в фильме «Джентльмены удачи». Особенно если дело было в кругу незнакомых людей, например, где-нибудь в июле месяце в санатории в Судаче. Много безопаснее было представляться просто «научным работником».

Но это бывало только тогда, когда Аркадий Маркович отдыхал.

На работе же, в клинике, облачившись в хирургический костюм, халат и шапочку, он тут же становился доцентом кафедры госпитальной хирургии. Перепутать его тогда с кем-то просто невозможно было – по избытку деловитости, по пронизательному взгляду, по значительности, по всегдашнему окружению из студентов, по вескости разговора с больными сразу было видно, что перед вами настоящий специалист, настоящий хирург, настоящий человек. А узнав, что это ещё и доцент, все только одобрительно кивали – надо же, какой молодой. Но хваткий и энергичный, сразу видно, что на своём месте, и правильно, и очень правильно, пора, в конце концов, давать дорогу молодым.

Так бы везде.

Самарцеву было 44 года – по хирургическим меркам, совсем ещё юношеский возраст. Выглядел же он ещё моложе, максимум на 35. Хотя в этом году было как раз двадцатилетие окончания им мединститута и пять лет, как он являлся вторым лицом на кафедре. Помимо научно-преподавательской работы А.М.– так его называли для краткости– возглавлял первичную парторганизацию хирургической клиники.

В одно октябрьское утро – сразу отмечу, что было уже холодно, дождливо, бессолнечно, что весь лист с деревьев почти облетел, так что ясно читалось наступление сезона работы, делового и трезвого, сезона глубокомысленного, когда всякие летние мысли прекращаются сами по себе – Аркадий Маркович подъезжал к больнице на своих «Жигулях» шестой модели.

Он припарковал машину как обычно, у табачного киоска– уже два года, как руководство больницы боролось с его наличием на своей территории– рядом с белым «Москвичом-412» начмеда и бежевой «четвёркой» зав.орг.методотделом.

На кафедре даже профессор Тихомиров не имел машины и ездил на работу в трамвае, а из всех хирургов «колёса» имели только двое – Пашков из 2-й хирургии, заслуженный старенький врач, и зав. 3-й, торакальной, Емельянов. У Пашкова был «горбатый» «Запорожец», на котором ветеран ездил с 50-х годов, а у Емельянова «408-й», тоже выдавший виды. Он его заработал на Севере лет 10 назад, где трудился долго и добросовестно. Конечно, как заведующий отделением он имеет знакомства на СТО, и «Москвича» ему там постоянно ремонтируют, подновляют и красят, раз в году перебирают по болтикам, но всё равно видно, что машина не новая. Самарцевская «шестёра», как самая новейшая, долго лидировала в этом списке. Но с недавних пор тут появилась «семёрка» самой последней модели, новенькая, сверкающая как новогодняя игрушка, сиреневого цвета. Это автомобиль клинического ординатора Горевалова.

«Хорошая машина, – не смог в очередной раз не признать Самарцев и не приласкать «семёрочку» взглядом. – Совсем другой дизайн, да и «движок» чуть ли на два раза мощнее... Да, Пётр же дежурил вчера. Первое самостоятельное дежурство по клинике – не шутка. Нужно будет узнать, как прошло, и сделать это сразу же»...

10-я городская больница представляла собою кирпичное девятиэтажное здание в форме буквы «Ш» с несколькими входами. Весь первый этаж занимало приёмное отделение. Туда то и дело подъезжали и отъезжали машины «скорой помощи». Главный вход располагался на втором этаже, куда вела широкая просторная лестница, слева от которой был установлен на стенде огромный плакат с аршинными карминовыми буквами «XXVII съезд КПСС. Доверие

партии оправдаем!» Молодой рабочий с мечтательным выражением лица, в красной спецовке нараспашку и в красной каске, на фоне красного же цвета строительных конструкций, своим светлым образом подкреплял написанное.

Самарцев взбежал по лестнице так легко, что со спины его можно было принять за студента. К началу рабочего времени в больницу стекался многочисленный персонал и несметное число студентов-медиков. Аркадию Марковичу пришлось беспрестанно кивать головой, отвечая на приветствия, посыпавшиеся с разных сторон. Кивки были энергичные, поэтому пришлось несколько раз придерживать очки пальцем.

Его кабинет находился на четвёртом этаже, во 2-й хирургии. Оба грузовых и оба пассажирских лифта в этот час были битком набиты сотрудниками и студентами, которых старики-лифтеры, важничая и ворча, развозили по клиникам. Самарцев в их сторону даже не посмотрел, взбежал по лестнице. Лифтами он принципиально никогда не пользовался.

Кабинет был уже отперт – Лариса, лаборантка кафедры, всегда приходила первой, наводила порядок, включала радиоприёмник и проветривала. Уходя, она уже не запирала дверь.

Это было довольно большое помещение с двумя окнами. Ввиду стеснённости в площади, самарцевский кабинет служил одновременно и учебной комнатой. Вся середину его занимал большой стол со стульями, на стенах висели несколько плакатов с рисунками и схемами, использующиеся как наглядные пособия, в одном углу стоял личный рабочий стол с телефоном, в другом платяной и книжный шкафы. Ещё имелась небольшая банкетка-топчанчик для осмотра больного, умывальник и зеркало на стене. На самом видном месте висел небольшой плакат «КПСС-авангард Перестройки».

По радио как раз передавали новости.

– ...возвратился в Москву из Рейкьявика, где имел встречу с президентом США Рональдом Рейганом. Вместе с М.С. Горбачёвым возвратились секретари ЦК КПСС А.Ф. Добрынин и А.Н. Яковлев, помощник Генерального секретаря ЦК КПСС А.С. Черняев, первый заместитель министра обороны СССР С.Ф. Ахромеев. В аэропорту М.С. Горбачёва встречали члены Политбюро ЦК КПСС Г.А. Алиев, А.А. Громыко, Л.Н. Зайков, Е.К. Лигачёв, Н.И. Рыжков...

Аркадий Маркович сразу переоделся в хирургический костюм. Это был не очень новый, но очень хороший ГДР-овский комплект из 100-процентного хлопка. Два таких костюма Самарцеву посчастливилось приобрести с рук во время стажировки его в Институте Вишневского в Москве три года назад. Содрали бешеные деньги – 25р. за комплект, но форма того стоила – покрой её одновременно изобличал строгость, изящество и так сказать, избранность носителя, его принадлежность к интеллектуальной сфере, к тонким, очень сложным вещам. А качество материала! Швы хоть и вытерлись кое-где, но за три года постоянной носки костюмы почти не выцвели и не истончились. Так что расходы были вполне оправданы. Ещё год, по меньшей мере, их можно было носить.

Самарцев по праву гордился костюмами- не только в родной больнице, но и Областной, и в 17-й, и в 5-й, везде, где имелись хирургические отделения, аналогов его формы не было.

«Чёрт возьми, ну почему у нас никогда не сделают ничего подобного? Если ГДР, соц-страна, шьёт такие костюмы, то в каких же тогда ходят «проклятые капиталисты»? Что-то, наверное, вообще непредставимое. И если таковы их костюмы, то каково же всё остальное?»

Аркадий Маркович думал так каждый раз, когда одевал эти брюки, куртку и шапочку. Подобные мысли, он знал, были нехорошие мысли, тем более, что о достижениях СССР во всех отраслях науки и техники он был осведомлен более чем хорошо. Но всё равно, становилось досадно за «группу Б», тем более, что раз мы можем летать в космос и бороться за мир во всём мире, то не пошить простых дешёвых костюмов для хирургов – верх головотяпства и ведомственной неразберихи, если не что-то худшее!

– ...в беседе, прошедшей в атмосфере дружбы и сердечности, обсуждены пути дальнейшего развития и укрепления советско-кубинских культурных связей, в свете задач, вытекающих из решений XXVII съезда КПСС...

Он прикрутил ручку у радио, вздохнул, одел сверху тщательно отутюженный Ларисой халат, переобулся в замшевые болгарские туфли с дырочками, оглядел себя в зеркале. Смотрелось хорошо. Самарцев придал лицу одновременно наивное и вдохновенное выражение и закрыл шкаф.

Постучавшись, в кабинет вошла Лариса. Это была крепенькая тридцатипятилетняя женщина, незамужняя, из породы вечных секретарш и нянечек. Голова её была устроена на манер ЭВМ. Лариса могла хранить и перерабатывать колоссальное количество простой информации, никогда ничего не забывала, но и не вспоминала лишнего, сносно печатала на машинке, вела всю документацию кафедры, без возражений выполняла любое поручение. На этой тихой и незаметной женщине со средним библиотечным образованием держалась вся текучка кафедры.

Лариса получала 70 рублей в месяц.

– Аркадий Маркович, звонил Гафнер, – не здороваясь, точно они и не расставались со вчерашнего дня, сообщила она, переходя сразу к делу. – Он сегодня не выйдет.

– Заболел? – мигом прищурился Самарцев. – Снова?

– Да. Ангина. Голос нехороший, хриплый. Сказал, что идёт на больничный. А у него акушеры с сегодняшнего дня – новая группа.

В.О. Гафнер, довольно пожилой, совсем больной человек, раньше был неплохим практическим хирургом и даже защитился двадцать лет назад. Но после того, как его бросила жена, начал опускаться, *злоупотреблять*, ушёл из-за скандалов из отделения в кафедральные теоретики и несколько последних лет занимал должность третьего ассистента кафедры. Он вёл занятия с проходящей группой акушеров- гинекологов по неотложной хирургии.

Всё городское и областное акушерство знало «дядю Витю», знало, что он «пофигист» и добряк, что занятия у него – «полная халява», на которую можно «забить» и не посещать. Любые личные проблемы с Гафнером можно было уладить бутылкой, а на зачёт группа скидывалась по трёшке и покупала ему пару «пузыриков» пятизвёздочного коньяку, после чего все за пять минут сдавали на «отлично». Оперировать и вести хоть одну палату Гафнеру не давали, к больным не подпускали, и готовить будущих хирургов не давали тоже, предоставив ему ликбез для гинекологов. Но он и этому был рад, считал себя конченным человеком и не надеялся подняться. Раз в три месяца он внезапно «заболевал» недели на две, после чего приступал к своим обязанностям с опухшим лицом и трясущимися руками. Одну группу он ещё вчера провёл, зачёл и выпустил. А сегодня как раз придёт новенькая.

Самарцев досадливо поморщился. В силу своего положения он был ещё и завучем кафедры, отвечая за преподавательскую работу. Чёрт, поручить больше некому – два остальных ассистента заняты своими группами, да и программы не совпадают – у субординаторов – хирургов углублённая, у акушеров – азы и верхи. Придётся опять самому... Чёрт, ещё ведь и профессора сегодня не будет, он на Учёном совете...

– Хорошо, Лариса, спасибо. Тогда скажите старосте этой группы, чтобы поднимались ко мне сюда. Я пока буду вести занятия. А как Гафнер поправится, заберёт их у меня. Больше никаких новостей?

Лаборантка ответила отрицательно и ушла. Аркадий Маркович открыл и просмотрел ежедневник, затем набрал номер ординаторской 2-й хирургии.

– Доктор Горевалов? – спросил он, улыбаясь. – Да, доброе утро. Как отдежурил, Петя? Никого не оперировал? Проблемных не было? То есть, тебе всё по больным понятно. Тогда поздравляю – первое самостоятельное дежурство, целое событие. А тяжёлые как? Кто именно? Ну этот – огнестрельный, ломоносовский. С разлитым перитонитом. Рыбаков, 27 лет, из один-

надплатой палаты. Он как, не затяжелел? Что? – Самарцев напрягся, поплотнее прижал телефонную трубку к уху, привстал и прикрутил радио. – Стул был? И без стимуляции? Не температурит? Ну что же ты не поинтересовался. Интересный больной, дискутабельный. Но в целом – не хуже? Ладно, отчитывайся Гиви, поговорим потом. Я? Пока занят буду, две группы у меня сегодня. Но ты зайди часиков в одиннадцать. А, у тебя операция? Тогда зайди, как закончите. Ещё раз поздравляю.

Самарцев повесил трубку. Посидел, вертя в руках очки, поразмышлял. Думы были тяжёлыми, о чём сказала протянувшаяся от носа к губе складочка кожи. Анатолий Маркович несколько раз хмыкнул, отрицательно мотнул головой, потрогал себя за кончик носа.

В дверь постучали. Стучали особо предупредительно.

– Можно? – в учебную комнату заглянуло широкое мужское лицо. – Аркадий Маркович, здравствуйте, извините за столь ранний визит...

– А, здравствуйте, здравствуйте, Сергей Петрович! – Самарцев светло улыбнулся в ответ и встал навстречу посетителю. – Заходите, заходите. Что-то случилось?

Вошёл низенький плотный мужчина средних лет в не очень новой, но очень хорошей, «просто отпадной» кожаной куртке до колен, в белой рубашке, с галстуком, с портфелем под мышкой. Рукопожатие было взаимным и крепким.

– Вы уж извините, что я без предварительного звонка, – заговорил Сергей Петрович, улыбаясь ещё шире и искательнее, – но тут у дочки что-то живот прихватило, с пяти утра. То отпустит, то прихватит, бегаем всё вокруг неё. Я уж подумал, не аппендицит ли? И к вам, Аркадий Маркович, по старой памяти. Посмотрите мою выдру? Там, кстати, на неделе шкафы югославские должны завезти, вы, помнится, интересовались...

– О чём речь, Сергей Петрович, конечно, – гостеприимно развёл руками Самарцев. – А что, раньше такого с ней не было?

– Впервые, Аркадий Маркович, в том-то и дело. Может, там и пустяки какие. Но очень уж я аппендицита боюсь. У меня двоюродный брат от аппендицита помер в 67-м году. Всё думали – то ли гастрит, то ли лимфоузлы. Пока думали, аппендицит лопнул, полный живот гноя был...

– Сейчас разберёмся. Если что, то и анализы, и ФГС, и даже УЗИ можно будет сделать. Пусть заходит девочка...

III

«Почти все студенты, живущие отдельно от семьи, получают от родителей денежную помощь (97%, кроме натуральной помощи (одежда и т.д.) По размерам ежемесячной денежной помощи студенты распределяются так: до 30 рублей-38%, от 30 до 50- 43%, от 50 до 100-11%, больше 100 рублей-5%. Размеры стипендий у большинства студентов незначительны (40-50 рублей в месяц), и, естественно, не обеспечивают прожиточного минимума»

(Советская печать, октябрь 1986 года)

На часах было начало девятого, и в хирургических отделениях дежурный персонал готовился к сдаче смены.

В ординаторских дежурные врачи, сдвинув шапочки на затылок, торопливо дописывали истории болезни поступивших и наблюдавшихся по дежурству, им помогали несколько субординаторов-шестикурсников, оставшихся дежурить эту ночь. На постах медсестры заканчивали колоть утренние инъекции, мыли и упаковывали шприцы в крафтпакеты и укладывали в большие железные биксы для последующей отправки в стерилизацию. В 4-й хирургии в urgentной операционной заканчивалась операция удаления червеобразного отростка у больного, посту-

пившего как раз под утро; дежурившие хирурги заключали между собою пари на то, что уложатся в стандартные полчаса и успеют закончить до начала пятиминутки. По палатам ходячие больные приводили в порядок себя, койки и тумбочки; лежачие делали это при помощи ходячих или родственников. У некоторых были нанятые сиделки.

Ночных санитарок ни в одном отделении не было.

Понемногу на рабочие места сходилась дневной медперсонал.

Крупными шагами прошёл в свой кабинет заведующий 2-й хирургией Гаприндашвили Гиви Георгиевич, и уже со входа в отделение послышался его громкий сердитый голос – он, как обычно, выговаривал курильщикам.

– Здэс болница! Это запрещено приказом Мынздрава! Сосат дома будэте, кто нэдоволен – на выписку! В самом-то дэле! Рыбаков, тэбя это тоже касается...

В ординаторской дежурный врач, клинический ординатор первого года Горевалов, заканчивая первое дежурство в своей жизни, трудился над историями болезни.

В процедурной, единой на два поста, обе ночные медсёстры в спешке доделывали уколы и брали анализы крови из вены. Точнее, медсестёр ни одной не было. На первом посту вчера дежурила Света Изосимова, 17-летняя студентка медучилища, а на втором – вообще мужик, студент 6-го курса мединститута Антон Булгаков.

Света, худенькое создание в просторном грязном халате, с сосредоточенным и простеньким личиком, только называлась медсестрой, поскольку училась ещё на втором курсе училища, и никак не могла иметь необходимых среднему медработнику теоретических знаний и практических навыков. Она была оформлена ночной санитаркой, да и то с нарушением КЗоТа, поскольку была несовершеннолетней и не имела права работать ночами вообще. Однако работала. Администрация больницы из-за остро-хронической нехватки доврачебного персонала шла на всё, чтобы «заткнуть дырку». Света работала на посту уже третий месяц, ещё с лета. Работала не очень хорошо, даже «отвыратытельно», как в сердцах говорил зав.отделением, под личную ответственность которого Изосимова и работала, но увы, никаких других желающих «вкалывать за копейки» не находилось.

Антон, представительный 23-летний юноша в очках «-3» и со вьющимися чёрными волосами, являл собою иную крайность. Медсестрой, точнее, медбратом, он работал в этом отделении третий год, с начала четвёртого курса, когда студентам мединститута разрешено выполнять обязанности фельдшера. Булгаков собирался стать хирургом, и в настоящее время проходил субординатуру в этой же клинике в группе доцента Самарцева. До диплома ему оставалось чуть больше полугода.

Медбратом же он работал по ночам потому, что не хотел обременять родителей лишними расходами на своё содержание. Зарплата у медсестёр хирургии была ерундовая, всего 80 рублей в месяц, но совокупно со стипендией (45 рублей) выходило неплохо. Став врачом, он начал бы с начальной ставки врача-интерна в 110 рублей. Так что особо торопиться заканчивать институт существенного материального стимула у него не было. Его работой Гаприндашвили был очень доволен.

– Зачем хочешь хирургом стать? – спрашивал он иногда. – Работы много, овэтствэнность огромная, платят с гулкин нос, – перечислял он. – Потом, закончишь, гыде работатъ собираешься? В земстве каком-нибудь, в амбаре при свэчах опэрироватъ? Сопыёшься...

– А к вам если, Гиви Георгиевич? Вы ж меня давно знаете, сколько раз я вам ассистировал. Есть же в отделении свободные ставки? – нажимал Антон.

Вопрос распределения начинал его понемногу тревожить. Тучный грузин фыркал в чёрные с проседью усы.

– Есть дыве ставки дэжурантов, но ты нэ мылься, – строго отвечал он. – Эти ставки мы всё тут понэмногу разрабатываем, пара лишних дэжурств вы месяц никому нэ помешает, у всех

сэмы. У всех. Да и нэ нужны мыне врачи, своих прэдостаточно. Мэдсэстры нужны. Ой, как нужны. Мэдбратом вазму, а врачом – ызвини...

Света торопливо кольнула своего последнего больного, сверилась с процедурным листом, поставила окончательную галочку, промыла шприцы под краном, разложила их на подоконнике для просушки, закрыла стеклянный шкаф и объявила Антону:

– Ну чё? Я всё, своих всех переколола и переклизмила. Я пошла?

– Как «пошла»? Света, блин, – тут же вскипел напарник. – А отчитываться кто будет? А? Ну, блин, – он как раз надпиливал ампулу, не рассчитал, и, отламывая носик, поранил палец острым краем. – Света, коза! Всё из-за тебя. А у меня полостная операция сегодня. Что, опять мне за тебя отбрёхиваться Гиви?

– Ну ты чё, хочешь, чтоб я на уроки опоздала? Ни фигя себе. Мне к первой паре на Свердлова аж ехать! Тебе хорошо – отработал, и всё, дальше здесь остаёшься. А мне мотылять через весь город...

– Света, меня твои пары как-то мало волнуют, – сердито ответил Булгаков, крепко прижав к царапине ватку со спиртом. – Я тебя уже раз отпускал, когда у тебя половина уколов осталась не сделанной. Получил тогда от Гиви по полной программе. А тогда, когда к тебе подруги приходили и ты их тут учила уколы делать? Нет уж, хватит с меня, сама иди и «сдавайся».

– Да всё я сделала, чё ты? – Света столь внимательно посмотрела на Антона, что у того только укрепились подозрения в её правдивости. – Тем более, старшуха в курсе. Я у ней вчера отпросилась.

– Ничего не хочу знать, – отмахнулся Булгаков. – Отчитываться за тебя не буду. Мне своего поста хватает во как.

– Нет, Антон, ну я же тебя отпускала, – заныла Света. Несмотря на очевидную неразвитость, она уже научилась прекрасно обращаться с этим без пяти минут врачом. – Отпускала всё время, когда тебе на операцию или в приёмник нужно, уколы за тебя делаю, капельницы, больных оформляю. А ты гавнишься...

Света решительно обиделась.

Антон тяжело вздохнул.

Действительно, он довольно часто во время своих дежурств оставлял пост на Свету, а сам уходил надолго в операционную, особенно если дежурил с Ломоносовым. Приходилось уступать.

– Ну ладно, если у тебя нет никакой фигни... Ты точно всё сделала? Смотри, я за тебя п...дюлей получать больше не буду.

– Да всё я сделала. Анализы, биксы отнесла, и свои, и твои. К ирригоскопии Федоренко готова.

Наркоту списала?

– Ой... шас!

Света тут же убежала. Антон разложил свои разобранные шприцы для просушки, навёл порядок в шкафах с лекарствами, и, торопливо поработав шваброй, включил кварц и закрыл процедурную. Несмотря на своё почти законченное высшее образование, врач-субординатор очень старательно относился к обязанностям среднего медработника.

IV

«Давно уже меня и моих товарищей мучает вопрос: «Почему комсомольская организация стала такой доступной?» Мы справедливо беспокоимся об упадке престижа звания «комсомолец», так не эта ли доступность снизила роль, которую комсомол играет в жизни молодёжи?»

Не это ли породило все те многочисленные проблемы, которые стоят сегодня перед комсомолом»

(Советская печать, октябрь 1986)

Работа в хирургии «десятки» начиналась в 8.30. В отделениях проходили летучки-«пятиминутки» по сдаче смены дежурными врачами и медсёстрами, затем в 9.00 все хирурги собирались на третьем этаже в конференц-зале на общехирургическую пятиминутку. Или, как она более правильно называлась, «конференцию». Вёл её профессор Тихомиров, присутствовали прочие сотрудники кафедры, все заведующие отделениями, все дневные врачи. Дежурные врачи присутствовали обязательно, так как их черёд был теперь отчитаться о дежурстве перед профессором и всем коллективом хирургов. Присутствовала так же и молодёжь – клинические ординаторы, «семикурсники»-интерны, шестикурсники-субординаторы, пятикурсники-студенты. Иерархия в хирургии была очень пёстрой и запутанной. Зато собрание получалось представительным и многочисленным. Дежурным хирургам иной раз предстояло отчитываться перед аудиторией из двухсот человек.

Порой даже просторный зал не мог вместить всех собравшихся. Опоздавшим из-за отсутствия мест приходилось стоять вдоль стеночки в два и три ряда. Совсем опоздавшие могли просто уже не поместиться.

Среди шестикурсников, самой многочисленной и самой пытливой публики, не все были субординаторами-хирургами. Присутствовала здесь сегодня и новенькая группа акушеров-гинекологов. Будущие специалисты по женским болезням (если беременность и роды можно было назвать «болезнями»), придя в этот специфический мир, сразу же ощущали на себе то особое высокомерие и насмешливое презрение, с которым все, особенно самые молодые хирурги, относятся к нехирургам, а особенно к тем, кому тоже приходится пользоваться скальпелем в своей работе. Гинекологов или демонстративно не замечали, или ехидничали, поддразнивая, или просто молча мирились с их присутствием. Поэтому тем приходилось держаться дружно и кучно, стараться придти первыми и сразу же занимать для своих самый дальний уголок зала, «забывая места» для опаздывающих.

Надя Берестова была одним из 12 студентов в этой группе. Она приехала сегодня специально пораньше, одной из первых, чтобы успеть оглядеться на новой кафедре и понять что к чему. Собираясь вполне осознанно связать свою дальнейшую жизнь с практическим акушерством, Берестова тем не менее питала определённую слабость к хирургии и к хирургам. Ещё до поступления в институт, она, будучи девушкой романтической, находила в этих словах что-то априорно прекрасное и манящее к себе, точно белый парус на морском горизонте. На последнем курсе мединститута, когда каждый студент знает каждого, Берестова была известна под идиотской кличкой «Крупская», которая приклеилась к ней давным-давно. Наверное, это было связано с тем, что её звали Надежда Константиновна, как и супругу Ленина. Неизвестно, что за остряк придумал ей эту кличку, это так и осталось неразъяснённым. Было ясно, что у него не всё в порядке с ассоциативным мышлением и моральным кодексом – одним словом, дебил.

Кличка оказалась цепкой. Многие ребята, особенно с соседнего потока, совершенно не зная ни имени Берестовой, ни фамилии, при упоминании «Крупской» ехидно ухмылялись, показывая, что обладательница им хорошо известна. Надя лишь гордо пожимала плечами и вздёргивала голову повыше. Возникало впечатление, что весь курс состоял из дураков и дебилов...

Одев поверх платья тщательно накрахмаленный вчера халат и устроив на голову шапочку, Надя заняла место среди группы. Рядом уселась Галка Винниченко, её лучшая подружка последние два месяца. Обе девушки продемонстрировали бурную радость по поводу встречи и начали оживлённый брифинг о последних институтских новостях.

Обмен новостями тут же поглотил обеих, как могло показаться со стороны, но на самом деле 90% надиных чувств и внимания были ориентированы вовне. Её чуткий слух и острый

взгляд фиксировали и мгновенно анализировали всё происходящее в зале. Слева в задних рядах рассаживалась смущённо и робко совсем зелень – пятикурсники. Эти ещё изучали госпитальную хирургию как предмет, а не специальность, наряду с иными клиническими дисциплинами. Спереди, уже много раскованней, занимали места шестикурсники-субординаторы, делавшие хирургию своей будущей профессией. Всех их Надя знала – одних лучше, других хуже, кого-то вообще только в лицо и по фамилиям. С ней здоровались. Одни только сухо кивали и отворачивались, другие радостно улыбались и что-то кричали. Гоша Шелест, курсовой Казанова, так вообще, пробрался к ним с Галкой по рядам, целовал ручки и сыпал комплиментами, девушки смеялись. Сумрачно пролез на своё место в предпоследнем ряду, как раз перед Надей, Серёжа Говоров, высокий серьёзный молодой человек, член Комитета комсомола института. Этот даже не поздоровался. Свинья...

Самое интересное начиналось в передних рядах. Туда понемногу сходились врачи клиники, настоящие хирурги. Принцип был тот же – молодёжь садилась подальше от сцены, опытные – поближе. В основном это были видные умные мужчины 30-40 лет, уверенные в себе, расслабленные, насколько возможно, исполненные спокойной иронии и самоуважения. Никого из них Надя не знала. Некоторые сразу садились, некоторые сначала обводили конференц-зал прищуренным взглядом, кому-то приветственно кивали, уже потом садились. Наде было очень приятно, что почти все эти прищуренные обязательно задерживались на них с Галкой, что потом, уже сев, многие начинали усиленно шептаться с соседом и ещё раз или два взглядывать на двух новеньких студенток с сияющими глазами и чёлками из-под шапочек.

Самые первые ряды заполнялись в последнюю очередь, заполнялись представительными пухляками дяденьками. Вид их был избыточно суров – это были заведующие отделениями, научные работники, преподаватели – словом пожилые и ответственные товарищи.

Общеклинические конференции проводились каждое утро, кроме субботы и воскресенья, и обстановка, подобная описанной, повторялась и повторялась. Ровно в 9.00 на сцене, точнее, помосте, появлялся профессор Тихомиров, здоровался, ронял своё обычное «Начинаем работать, товарищи», садился за стол и внимательно выслушивал отчёты дежурных. Тем обычно задавали вопросы с мест, иной раз очень хитрые и каверзные. Дежурный хирург порою затруднялся с ответом, тогда с места поднимался его зав.отделением и сам отвечал. Тут же ещё кто-нибудь поднимался с места и возражал. Начинался научно-практический спор, или «дискуссия», к которому подключались всё новые и новые лица, так что порою рабочая конференция перерастала в часовую полемику со множеством выступающих.

Понять иной раз, о чём идёт речь, было невозможно, настолько сложные вопросы затрагивались. Хуже всего тогда приходилось студентам пятого курса, совсем новичкам в хирургии. Но это нечасто случалось, в основном, конференцию удавалось закончить в течение получаса, максимум – сорока минут.

Любой дежуривший врач боялся не вопросов с мест, а вопросов самого Тихомирова, которые тот обязательно задавал в конце. Мощнейшая эрудиция Всеволода Викентьевича была общеизвестна, как и его умение всегда нащупать слабое место в докладе дежурного хирурга и «обуть» не только врача, но и заведующего, поднявшегося в поддержку «поплывшего» ординатора. «Отбиться всухую» от Тихомирова считалось большой удачей среди всех хирургов клиники.

Но сегодня профессор не появился, а в 9 часов на сцену вышел доцент Самарцев, поправил очки, кашлянул, дождался, пока шум в зале не стихнет и все обратят взоры на него, объявил:

– Всеволода Викентьевича сегодня не будет, так что начнём. Тишина в зале! – он слегка повысил голос, отодвинул стул, сел, и не то попросил, не то приказал:

– 1-я хирургия.

На трибуну вышел невысокий полненький доктор в распахнутом белом халате и без шапочки, положил перед собой стопку историй поступивших за ночь и начал что-то тихо, так что в задних рядах ничего слышно не было, докладывать, поминутно оборачиваясь к Самарцеву. Доцент слушал очень внимательно, кивал, делал пометки у себя в блокноте.

Кто-то, виновато пригнувшись, начал пробираться по заднему ряду. Рядом с Надеей оставалось последнее свободное место не только на ряду, но и во всем зале. Она заняла его для Вальки Кравцовой, ещё одной девчонки из группы, сдружившейся с ними с Галкой. Вальку Берестова заметила у входа среди опоздавших и сделала ей знак лезть сюда. Но вместо Кравцовой на сиденье тяжело плюхнулся какой-то небритый тип, примяв её сумочку. Надя еле успела её выдернуть из-под самой задницы типа.

– Осторожней нельзя, что ли? – внятным шёпотом спросила она. – Здесь, между прочим, занято!

Она бросила на с неба упавшего соседа уничтожающий взгляд. Это был её однокурсник, из хирургов, очкастый заумный тюфяк с какой-то писательской фамилией. Зошенко или Пастернак... Странно, но он был чуть ли не единственный, чью фамилию Берестова затруднилась вспомнить. А ведь учились в параллельных группах...

– Здесь что, электричка, – вызывающе отозвался тот. – Места для инвалидов Куликовской битвы?

– Во-первых, спрашивать надо, а во-вторых, смотреть, куда жопу пристраиваешь, – вскипела Надя. – У тебя вообще понятие о культуре имеется?

– У себя на кафедре будешь командовать, – немедленно отозвался тот, не глядя на неё. Надя открыла рот для ответа, но Галка толкнула её в бок. Оба говорили гораздо громче, чем надо. На них уже оглядывались с передних рядов, и даже доцент посмотрел в их сторону и укоризненно постучал ручкой по графину с водой.

– Придурок, – одними губами прошипела Берестова.

Булгаков, точно, однофамилец автора «Мастера и Маргариты». До чего ж неприятный тип, небрит, нечёсан, халат несвежий. Фу! Она отодвинулась от него как можно дальше и начала слушать отчёт 2-й хирургии. На трибуну вышел довольно молодой врач, не старше 25, и начал зачитывать с бумажки:

– Состояло 75, поступило трое, состоит 78. Поступившие- Фёдоров, 36 лет, острый панкреатит, Збруева, 59 лет, частичная толстокишечная непроходимость, Афанасова 24 лет-кишечная колика...

По тому, как он силился не сфальшивить где-нибудь, было видно, что дежурит совсем недавно. Как бы в ободрение ему все разговоры в зале прекратились, все внимательно слушали. Действительно, очень внимательно, хотя больные даже на Надин взгляд были простенькие, которых не требовалось ни оперировать, ни наблюдать, просто «откапать».

Самарцев тоже, казалось, обратился в слух.

Вообще, молодой доктор, вещавший с трибуны, выглядел импозантно. Это был довольно высокий, упитанный, даже холёный, мужчина с открытым лицом с крупными оформившимися чертами, говорившими о достижении зрелости. Несколько портили лицо маленькие глаза и реденькие брови, зато причёска была что надо, модный, когда убрано с боков, слегка спереди и в меру оставлено сзади. В городе так не везде и пострижёшься. Разве только в салоне «Астра» в центре, напротив Танка. Но там такие очереди...

– Спасибо, Пётр Егорович. Нет вопросов? 3-я хирургия...

Отчитавшийся ещё раз взглянул на доцента, на зал, не спеша собрал истории в стопку, и, высоко вздёрнув голову, спустился в зал. Чувствовалось, что он горд собою. Сидел он не очень далеко от сцены, в четвёртом ряду. Надя вопросительно взглянула на Галку. Та пожала плечами и тихонько тронула сидящего впереди знакомого.

– Серёжа, – прошептала она, – а это кто сейчас был? Ну тот, что выступал.

– Горевалов, – отозвался тот, не оборачиваясь. – Клинический ординатор.

Надя и Галя снова переглянулись. Фамилия им ни о чём не говорила, но молодой хирург явно произвёл впечатление на обеих.

Следом за 2-й хирургией пошла отчитываться 3-я, торакальная, т. е. лёгочная, за ней-4-я, или гнойная. 1-я и 2-я считались абдоминальными, специализирующимися на хирургическом лечении заболеваний органов брюшной полости. По дежурству же особых различий между клиниками не было. Экстренные операции делались в каждой, в той, в какую направит поступившего ответственный хирург.

Аркадий Маркович вёл конференцию почти молча. Приняв отчёт дежурного, он кивал и отпускал, не задавая вопросов. Аудитория, привыкшая к «придирам» Тихомирова, облегчённо вздыхала и ободрялась духом. Самарцев, выслушав, хоть и спрашивал: «Есть вопросы?», но было видно, что лично у него вопросов нет, а раз так, то и у других их быть не может. Это чувствовалось сильно, и желающих задавать вопросы сегодня не возникло, хотя обычно поднималось сразу несколько рук с разных рядов.

– Спасибо, Иван Захарович, – поблагодарил он последнего докладчика, – есть вопросы по его дежурству? К Ответственному хирургу? Нет? Что ж, товарищи, – Аркадий Маркович встал, подавая пример всем, – конференция окончена. Благодарю за внимание.

V

«Сегодня Советское государство расходует на содержание одного больного 10 рублей в день. В санаториях, домах отдыха и туристских пансионатах ежегодно проводят свой отпуск около 65 000 000 человек»

(Советская печать, октябрь 1986)

Собрание, загудев, начало расходиться. Булгаков, досадуя, что пришёл сюда сегодня, когда конференцию провёл Самарцев, а не Тихомиров, первым в зале вскочил с места и поспешил догнать высокого хирурга с густыми, абсолютно седыми волосами, в золотых очках. С высокомерным, брезгливым и ироничным видом тот не спеша проследовал между рядами к выходу и был застигнут Антоном на выходе из конференц-зала.

– Виктор Иванович! – окликнул он. – Здравствуйте!

– Привет, – буркнул тот, рассеянно подавая студенту широкую сухую ладонь. – Опоздал сегодня на эту пятиминутку – транспорт, сука. Везде бардак... Гиви не очень ругался?

– Ничего не сказал, Виктор Иванович.

Обладатель столь своеобразной лексики носил фамилию «Ломоносов» и был выдавшим виды хирургом с 30-летним стажем.

– Да? Ладно, хоть на конференции я ему показался. Видел меня. Ну да хер с ним. Дежурил? Наши палаты как?

– Нормально, Виктор Иванович. Больная к операции подготовлена. Свиридову я на ирригоскопию без очереди пропихнул. Петляковой выписку написал...

Оба, высокий хирург и черноволосый студент, пошли по длинному коридору в толпе врачей и студентов. После конференции штатные сотрудники отделений, включая интернов и клинординаторов, расходились по рабочим местам, а субординаторы должны были собираться по группам, отмечаться у преподавателя, получать от него вводную на сегодня, и лишь тогда могли самостоятельно подключаться к лечебному процессу.

– А этот мудака как?

Вопрос был некорректен и предельно неконкретен. Но Булгаков сразу понял его.

– Большой Рыбаков: состояние средней тяжести, ближе к удовлетворительному. Особых жалоб нет, температуры нет, встаёт, ходит. Появился аппетит...

– Просрался?

– Да, стул был вчера в 19.30. Я до восьми ждал с клизмой, так он сам...

– Даже сам?

Виктор Иванович остановился, недоверчиво посмотрел на Булгакова, довольно хмыкнул. Помедлил, протёр очки полой халата, снова хмыкнул. Поинтересовался, много ли вышло, и, узнав, что «целое судно с горкой», хмыкнул в третий раз. Длинное лицо стало ещё брезгливее, но глаза из-под век блеснули довольно.

– Ну, видишь, как наш анастомоз работает? То-то же. Там уже пора швы снимать и микроирригаторы извлекать. А через пару дней выпишу его нахер. Гиви знает?

Речь шла об одном сложном больном с огнестрельным ранением живота, которого Ломоносов оперировал по дежурству неделю назад. Операция была проведена в нарушение всех канонов экстренной хирургии, за что хирургу объявили выговор и даже хотели отстранить от операций. Его осуждали в открытую почти все опытные, и за глаза – молодёжь.

– Так что не называйся х...ем, а то ведь придётся лезть в ж..., – резюмировал Виктор Иванович. Он не то, чтобы бравировал, матерки вылетали из его уст легко и естественно. – А у Леонтьевой там как?

– Подготовлена, я уже говорил. На ночь я ей сделал седуксен с пипольфеном, спала спокойно. Ждёт премедикацию.

– Ну и отлично. Тогда давай, волокни её в операционную, укладывай, мойся, обрабатывайся. Я по палатам прошвырнусь. Подойду – сейчас сколько, 9.25? Значит, встречаемся там в 10.00. И завали стол налево и вниз, – хирург показал обеими руками как, – чтоб кишечник в сторону отошёл – жирная эта Маринка как свинья...

– Виктор Иванович, так это ж больная Горевалова. Разве не он ассистирует? Он сегодня уже к Гиви Ивановичу подходил, уточнял.

– Чего? – недовольно остановился Ломоносов. – Петруху? Разговора такого не было. Ты – ассистент. Впрочем, если он сильно хочет, то пусть идёт к нам третьим, она толстая, сука, пусть «печёночный» нам подержит. А нет – сами справимся. Первый раз, что ли, замужем?

– Ну, он вроде ординатор, а я ещё студент...

– Какой он в п...ду ординатор? – скривился Ломоносов. – Я бы таких гнал с ординатуры в три шеи. Узлы вязать не умеет! Ординатор! – он фыркнул, сверкнул глазами. – Ты меня больше устраиваешь.

Как раз пред ними остановился грузовой лифт. Хромой инвалид, обслуживавший его, открыл двери, и хирург вошёл внутрь. Булгаков поспешил за ним.

– Некрасиво как-то получается...

– Чего? – вскинулся Ломоносов. Ему, похоже, нравилось сердиться, но только до определённого момента. Дальше он уже начинал гневаться. – Антон! Ты где – в хирургии или в институте благородных девиц, мать твою? Тебе оказали доверие – оправдывай! Тебе говорю – подавай больную.

Булгаков тяжело вздохнул. Видимо, всё было не так просто.

– Есть, Виктор Иванович. Разрешите идти? Я только у доцента отмечусь.

– И в десять чтоб я уже мог начать! Понял?

Тут в лифт сразу ввалилась толпа студентов и врачей, и Антона оттеснили от «его хирурга».

VI

«Усиленно разрабатываются и новые типы оружия для полиции-дальнобойные резиновые пули, гранаты со значительно более опасными

газами, чем слезоточивый, в Баварии и Шлезвиг-Гольштейне. По данным «Шпигеля», против демонстрантов уже применялось химическое оружие, которое американцы в своё время использовали во Вьетнаме, а британцы – в Ольстере. По мнению еженедельника «Цайт», полиция ФРГ в этом году вообще проявляла неслыханную жестокость при подавлении выступлений протеста»

(Советская печать, октябрь 1986 года)

В кабинете доцента (который вообще-то назывался «учебная комната») Антон увидел не только свою группу, но и гинекологов в полном составе, включая и «Крупскую», с которой он столь неучтиво объяснялся на сегодняшней конференции. Самарцев где-то задерживался, и обстановка в учебной комнате была соответствующая. Студенты обеих групп, развлечённые и присутствием друг друга, и отсутствием «препода», оживлённо переговаривались со знакомыми – проучившись пять лет вместе, иногда в одной группе, на шестом курсе они уже начали разлучаться из-за специализации на разных кафедрах, и прежних друзей не видели несколько месяцев.

Антон посмотрел на своё обычное место в конце стола, слева. Оно было занято. Как раз этой самой «Крупской». Та разговаривала со старостой группы Говоровым. Рядом сидела и улыбалась её подруга. Свободное место было как раз одно, рядом с Ваней Агеевым. Булгаков снял свою сумку со стула Берестовой (та снова глянула было возмущённо) и сел.

– Моешься сегодня с Ломоносовым? – сразу спросил Агеев. Это был унылый и вечно чем-то подавленный субъект 22 лет, мечтавший стать хирургом. – Первым?

Антон кивнул. Говоров что-то рассказывал обоим жадно слушающим подругам. Булгаков не знал за ним особых талантов, кроме умения помалкивать и поддакивать, поэтому и подумал, что же такого может Серёжа рассказывать, что бы вызывало столь явный успех. Его бы, он был уверен, Берестова и Винниченко ни за что бы так слушать не стали.

– Везёт же, – шумно вздохнул сосед. – А я с Гиви просился, третьим. Не взял. С ним какой-то интерн идёт уже.

– Не взял? – машинально спросил Антон, наблюдая, как в процессе Говоров всё ближе наклонялся к Берестовой, почти заслоняя её своей крупной головой. Та улыбалась всё шире, не делая попыток отстраниться. Их губы были в десяти сантиметрах друг от друга.

– «Прэжде, чем мыцца на рэзекцию желудка, нужна асвоит тэхнику», – презрительно передразнил Агеев заведующего отделением. – Можно подумать, большая техника нужна, чтоб крючки держать...

Нужно пояснить, что оперирующими хирургами считались далеко не все. Самостоятельно оперировали профессор и доцент, заведующие отделениями, один или два врача-ординатора в отделении. Выходило всего где-то 10-12 оперирующих на четыре 80-кочных отделения. Это было совсем немного в сравнении с табунами желающих оперировать. Вся многочисленная молодёжь, окружающая этих избранных, находилась лишь на разных этапах восхождения к сияющим вершинам.

Студенты-пятикурсники являлись только зрителями. Им дозволялось лишь тихонько появиться в операционной, наблюдать за ходом процесса через плечи операторов и задавать вопросы в конце.

Субординаторов уже использовали в качестве вторых ассистентов на больших полостных вмешательствах и первых – на маленьких. Им доверяли «помыться», разводить операционную рану крючками и по ходу действия где срезать концы нитей, где просушить операционную рану, где «дать вязать узлы». Последнее считалось большой удачей для шестикурсника и знаком особому доверия.

Врачи-интерны и клинординаторы 1 года могли уже самостоятельно «пошить», а в конце интернатуры им обычно давали сделать разрез или несложный аппендицит. Клиническим

ординаторам 2 года доверялись простые операции с обязательной ассистенцией опытного хирурга.

Но и это ещё ничего не значило – ведь стать хирургом можно было только тогда, когда полностью отвечаешь и за операцию, за осложнения – за всё, когда никого из «нянек» нет рядом и никто никогда за тебя не вступится. Существовал барьер от студента – к хирургу, и как преодолеть его, никто не знал. Достаточно ли Н-ного количества ассистенций и тренировочных операций для перехода в новое качество, или же нужно просто обладать этим качеством прирожденно, как музыкальным слухом – никто бы не смог ответить. И из всей старающейся молодежи, рвущейся в операционную, оперирующими могло стать только меньшинство, процентов двадцать. Да, увы, путь в большие хирурги был долог, труден, непрямолинейен и непредсказуем.

– С Пашковым не просился? На «вены»?

– Да ну. Ерундовая операция. Сто раз ходил, – Агеев совсем приуныл. – Да и не возьмёт он. Больная блатная какая-то, из обувного магазина. Они вдвоём с Алексеем Николаевичем пойдут, нафиг им студенты...

Булгаков, отведав, наконец, взгляд от всё так же сладко шепчущихся Берестовой и Говорова, сделал гримасу, с усилием улыбнулся и ответил Ване:

– Если ты над городом радостно паришь, значит, Агеев, ты – фанера, под тобой Париж. Радоваться надо.

Тот не разделил весёлости товарища и рискнул предложить, немного робея от своей дерзости:

– Слушай, а если я вместо тебя сегодня с Ломоносовым помоюсь? Ты ведь уже с ним всё время ходишь, он, кроме тебя, никого не берёт. А ты скажи, что ты вон, палец порезал, или ещё что-нибудь... устал после дежурства. А?

Антон удивлённо взглянул на Ваню. На маловыразительном лице того были сейчас написаны и отчаяние, и просьба, и зависть.

– С какой стати? – спросил Булгаков, моментально рассердившись. – Он в ассистенты меня берёт, уже всё договорено! Ты чего, Агеев? Попросись вон с Корниенко на грыжу.

– Да ну, грыжа – скучно. Я на грыжах уже столько отстоял, что и сам бы мог сделать. Слушай, Булгаков, ну давай, я вместо тебя помоюсь. Тебе что, жалко? – нажал Агеев. – Один раз! Что, ты даже один раз с Ломоносовым сходить не дашь?

– Не дам. Жалко. Х... тебе во всю морду, – отрезал Антон. Он тоже не церемонился с выражениями. Открытое и располагающее лицо его неприятно замкнулось.

– Ну и гавно же ты после этого.

– Агеев, ты отлично знаешь, что я не гавно, – усмехнулся Булгаков. – Такие просьбы... Может, тебе вон, «Крупскую» снять и потрахать привести? – он кивнул на Берестову. Винниченко, отвернувшись, переключилась на соседей с другой стороны стола, и Надя с Говоровым совсем отъединились от группы, сидели теперь рядышком, чуть в стороне, и беседовали, так сказать, приватно. Неизвестно, что плохого видел Антон в этом, но его усмешка не оставляла сомнений в том, что он видит парочку насквозь.

– А что? Запросто! Хиругия, Агеев – это конкуренция. Я себе сэнсея нашёл? И ты ищи. Думаешь, Ломоносов меня за красивые глаза на свои операции берёт? Я в клинике работаю с четвёртого курса! Знаешь, сколько мне пришлось ему глаза помозолить? А ты хочешь раз-раз, и в дамки.

Студенты замолчали. Обе группы субординаторов шумели всё оживлённее. Отсутствие преподавателя мгновенно деморализует учащуюся массу. Самые «активные» уже рассматривали вопрос о совместном уходе с занятия и коллективном походе в кино на «Покаяние» – этот фильм, запрещённый фильм, только-только завезли в город, и он шёл в одном кинотеатре – «Космос», на самой окраине. Если Самарцев и будет потом «возбухать», посещение кинотеатра можно выдать за «культурное мероприятие» и получить его санкцию задним числом.

Доцент опаздывал уже на пятнадцать минут. Не принимали участия во всё более предполагаемом проекте только Надя с Серёжей Говоровым. Они уже обменялись общими новостями о том, кто где и как учится, куда собирается распределяться. Дальше неизбежно следовал разговор о личном. Оба испытывали трудности начать его. Говоров собирался жениться на Аньке Зайченко, девчонке из терапевтической группы. Свадьба была намечена на середину ноября. Надя замуж пока не собиралась. Хотя почти все её ближайшие подруги уже сделали этот шаг. И вообще, с самого сентября у неё никого не было. В последнее время из-за очень насыщенного графика занятий совсем не оставалось времени для личной жизни. Озвучить всё это было трудно, поэтому и юноша, и девушка уже минуты три сидели рядом и молчали.

Антон с Ваней тоже молчали. Студенческие времена взаимовыручки, времена, когда можно было «скатывать» друг у друга конспекты по общественным наукам, слушать подсказки на зачётах и братски делиться «шпорами», времена, когда просто нельзя было отказать товарищу, те времена, кажется, прошли или проходили. Не за горами была взрослая жизнь.

Булгаков посмотрел на часы, встревожился.

– Кстати, а где Сам? Его уже двадцать минут нет. А мне больную сейчас подавать...

Агеев кисло вздохнул, подпёр голову рукой, взъерошил волосы.

Ему очень хотелось оперировать.

VII

«Вообще-то работал я над рацпредложением не ради денег, зарплата у меня достаточная. Но если предложение признано полезным и за него положено вознаграждение, то почему нельзя его получить? Что, скажите, в этом безнравственного? Однако, порой приходится слышать – где же ваш стыд? Мы, дескать, берегаем фонд заработной платы, потому и не выплачиваем лишнего! Человек попадает в неудобное положение: он вынужден выслушивать упрёки в том, что он работал... за деньги! Но ведь за деньги стыдно бездельничать, а не работать...»

(Советская печать, октябрь 1986)

Аркадий Маркович и сам страдал от того, что задерживался. Для студентов он старался быть примером во всём, особенно в пунктуальности – именно с неё начинался любой хирург. Но его отвлекли пациенты, дочка хорошего знакомого, у которой три часа назад начались приступообразные боли сначала в эпигастрии, затем в правой подвздошной области. Помимо этого классического симптома Кохера, у неё имелось напряжение мышц передней брюшной стенки в нижних отделах и суховатый язычок. Не исключено, что речь шла об остром аппендиците, о чём Самарцев и сообщил помрачневшему отцу.

Требовалось наблюдение «в динамике». А пока нужно было сдать анализы, сделать УЗИ, проконсультировать девочку у гинеколога. На анализы он написал направление на бланке со своей печатью, с зав.отделением гинекологии договорился по телефону. Тем более, что тот и сам знал отца, директора магазина «Мебель». А с УЗИ возникли проблемы, аппарат был пока единственный в городе, «выбитый» главврачом с огромным трудом, очереди кошмарные, так что пришлось лично идти в Отделение функциональной диагностики и просить Александра Абрамовича посмотреть его хороших знакомых.

После этого ещё нужно было зайти к Гаприндашвили и обсудить с ним проблему клинического ординатора Горевалова. Конечно, ничего urgentного, да и проблемы, собственно говоря, не существовало. Но таков уж был Самарцев – все деловые вопросы он предпочитал решать с утра, пока не «засосала текучка».

– Я по поводу Петра Егоровича, – объяснил он, садясь напротив.

Гиви Георгиевич хотел куда-то уходить. Он был уже одет в тесноватый ему хирургический костюм с короткими штанинами и в кожаные тапочки. На голове шефа 2-й хирургии была шапочка, заломившаяся верхушкой вправо и с такими длинными завязками, что становилось неловко за сестру-хозяйку, которая не могла достойно одеть зав.отделением. Впрочем, все советские хирурги были малочувствительны к внешнему облику, который был «вторичным». Вот моральный...

Гиви Георгиевич уже шёл в операционную, ему предстояла «полостная» – трёх или четырёхчасовая резекция желудка по Бильрот-два. Но доцент кафедры по положению считался выше заведующего. Так что тот сел на место и начал внимательно слушать Аркадия Марковича.

– Уже три месяца, как он учится в клинической ординатуре на базе вашего отделения. На кафедре мы к нему присмотрелись – доктор растущий, активный, перспективный. Мнение благоприятное. Вы, как заведующий, что скажете? – и Самарцев изучающе посмотрел на собеседника.

– Ну что я скажу? – шумно выдохнул Гаприндашвили и развёл в стороны жирные волосатые руки с короткими пальцами. – Пока работает нэплохо... старатэлный... больных ведёт – двэ палаты... замечаний нет.

– А как насчёт оперативной активности? – прищурился Самарцев.

– Оперативной активности? – удивился Гаприндашвили. – Странный вопрос, Аркадий Маркович. Он же толко-толико институт закончил.

– И что, в операционную даже не просится?

– Просытся! – оживился Гаприндашвили. – Ещё как просытся, чут не каждый дэнь. И нэ на ассистенцию, а оперировать сам хочет. И грыжу ему давай, и аппендицит давай, и вены давай – всё делать хочет! За руки держать надо, как хочет, особенно, если из его палат кто-то идёт. Я ему объяснял восэмь раз, наверное, чтобы он кур тут не смешил, вёл больных потихоньку, а ходил на ассистенцию, со мной чтоб ходил, с Ломоносовым, с Пашковым, с Корниенко. И то не на большие полостные операции... Три-четыре года ему ассистировать, нэ мэнше. Никак нэ меньше, – заведующий покачал головой и начал вставать, полагая, что у Самарцева всё.

Но доцент, улыбнувшись сочувственно и к терпеливости заведующего, и к горячности молодого хирурга, не двинулся с места. Почувствовавший неприятное, тучный грузин снова сел.

– Всё не столь однозначно, увы, – вздохнул Самарцев. – Умеренность и постепенность – золотое правило, Гиви Георгиевич. Да, для становления хирургу нужны годы и годы. Радуйся малому, тогда и большое придёт. Я согласен. Но нет правил без исключений. Пётр Егорович – доктор многообещающий. Я вполне считаю, что способный. И если создать условия, то путь в хирургии ему можно существенно упростить...

– Как упростит? Как упростит? – моментально занервничал Гаприндашвили. – Аркадий Маркович, позвольте! Кто способный? Горевалов способный? Ви заблуждаетесь! Я его по субординатуре знаю – он и на занятиях нэ появлялся! В операционной... он даже не знал, где эта операционная находится! Может, он и способный, толко пока этого ничем нэ обнаружил. Это я толко так сказал, что претензий нет, а претензий масса! Он топографию пахового канала не знает, как узлы вязат, не знает, в листе назначений такие назначения пишет! Что толко за голову хватаешься! Способный!

Темпераментный грузин шумно фыркнул и негодуя посмотрел на Самарцева. Тот, доброжелательно улыбаясь, выслушал критику в адрес молодого человека, пожал плечами.

– Ну, все мы когда-то были молоды и легкомысленны, – примирительно сказал он, – в их возрасте пропуск занятий – что-то естественное, повышает самооценку. С посещаемостью и в моей нынешней группе большая напряжённость. А система преподавания у нас, к сожалению, далеко не лишена недостатков. Мы недавно тестировали выпускников, так уровень базовых

знаний составил 37 процентов. Это я вам как старый преподаватель могу по секрету сказать. Но сейчас-то Пётр Егорович ведь придерживается графика работы? Остепенился?

– Вот графика он строго придерживается! Ровно в 15.00 всегда уходит, никогда лишнюю минуту не задержится. Дежурства не берет!

– Как? А вчера разве не он дежурил?

– Это первое за три месяца. И то, которое я в график ему поставил, обязательное, которое потом в таблицу и на оплату пойдёт. И то, я вчера весь вечер дома просидел. Звонил ему сюда четыре раза, не дай бог, поступит чего-нибудь, дров ведь таких наломает... ночь не спал, не поверите. Обошлось, фу. Я ему говорил – бэри больше ночных дежурств, ходи к Ломоносову, ходи к Пашкову, ко мне ходи, только рады будем. Учись, нэльзя же таким стерильным оставаться. Студенты и то лучше ориентируются! Нэ берёт! Не хочет бесплатно, я так понимаю. В общем, Аркадий Маркович... – заведующий снова фыркнул и начал вставать с места. -

– Одну минутку, Гиви Георгиевич, – остановил потерявшего терпение Гаприндашвили Самарцев и снова усадил напротив себя. – Я знаю, вы торопитесь, но когда-то нам поговорить надо. Ваше возмущение непонятно. Мы с вами люди устоявшихся взглядов, сами выросли в клинике. Если посчитать, сколько бессонных ночей проведено здесь на голом энтузиазме... Но вы не забывайте, что сейчас пошли новые веянья, и молодёжь не станет повторять наших ошибок. В условиях плюрализма, – Аркадий Маркович умело ввернул словечко, относительно недавно вошедшее в лексикон политинформаторов, – каждый имеет право на свою точку зрения. И неоплачиваемые дежурства Горевалову, уже имеющему диплом врача, совершенно справедливо не нужны. Это его личное дело – ходить к кому-то на дежурства, и принуждать – неправильно. Нужно перестраиваться...

Гиви Георгиевич с тоской отвернулся от неторопливо нижущего слова на нить уже дошедшего до него смысла Самарцева. Доцент очень настойчиво протезировал молодому ординатору. Спорить с ним становилось бесполезно. Простой и честный кавказец хоть и не очень владел русским языком, но был асом в своей профессии и уже десять лет заведовал 2-й хирургией, пользуясь авторитетом у начальства, любовью больных и персонала, будучи к тому же постоянным отличником Социалистического соревнования. Но долго возражать утончённому кафедральному работнику Гаприндашвили не мог. Аркадий Маркович, стихией которого был диспут, всегда легко клал на лопатки любого. К тому же время поджимало, его больного уже, наверное, интубировали анестезиологи, и по поводу отсутствия хирурга нервничала вся операционная. Оставалось только молчать.

– Так что не совсем мне понятно ваше предубеждение против Петра Егоровича, – начал закругляться Аркадий Маркович. – Кафедра заинтересована в том, чтобы за два года ординатуры сделать его специалистом. Вы присмотритесь к нему повнимательней, вы ведь тоже педагог, Гиви Георгиевич. Молодёжь, как ни банально, наше будущее.

– Прэдубеждений у меня нэт никаких, нэт времени, – угрюмо ответил тот. – Я никому палки в колёса нэ ставлю, ест желание работат и учицца – милости просим, а если нет... Сегодня горэваловская болная идёт на операцию, холецистит. Он, как лечащий врач, имэет право принять самое активное участие в операции, пэрвым ассистентом. Пуст моеца с Ломоносовым...

– А что, этот... оперирует? – насторожился Самарцев.

Гиви Георгиевич пожал плечами и снова отвёл глаза. Доцент снова коснулся неприятной темы. Гаприндашвили почувствовал, как всё сильнее портится у него настроение и совсем рассердился.

– Там нэпростой случай! По УЗИ обнаружено внутрпечёночное расположение желчного пузыря, плюс рубцово-спаечный процесс! Кому доверить?

– Сами бы и взялись, как заведующий.

– Сам я на рэзекцию ухожу! – вскипел Гаприндашвили. – Там тоже тэхнические трудности ожидаются – пенэтрирующая язва луковицы! А лучше Ломоносова у мэня нэт никого, что б нэ говорили мэня про него – хирург пэрвоклассный... Вот почему вы сами нэ возмётесь, Аркадий Маркович?

– Я бы непременно сделал это, Гиви Георгиевич, если б не напряжённый учебный график. Гафнер снова заболел, так что у меня сегодня будут две группы с разных циклов. А насчёт Ломоносова всё равно странно – коллектив ему выразил недоверие, и доверять ему внутривечёночный холецистит, что б он и здесь чего-нибудь натворил...

– Это уже предоставте мэня решать, как завэдующему!

Оба хирурга уже встали и остановились у дверей кабинета, но всё никак не могли разойтись.

– Как, кстати, тот, огнестрельный? – спросил Самарцев, снимая очки. Нервозность начала проглядываться и в нём. – Со слепым проникающим ранением. Рыбаков. Да. Так как он? – доцент надел очки.

– Тот огнэстрельный, – Гаприндашвили не старался скрыть издевательских ноток, – стабылен, динамика положительная. Стул был!

– Стул? Самостоятельный или стимулировали? – уцепился Аркадий Маркович.

– Абсолютно самостоятельный! Тэмпературы нэт, встаёт, ходит, живот спокоен...

– То есть вы хотите сказать...

– Я хочу сказать, что динамика положительная. Нэ более.

Самарцев ядовито улыбнулся, снова снял очки, повертел их в руках. Потом надел.

– И всё же, Гиви Георгиевич, вполне может быть и несостоятельность анастомоза, и межкишечный абсцесс, и демпинг-синдром. Стул ещё ни о чём не говорит... Благополучный исход в данном случае я отношу к категории чистой фантастики.

– Завтра будет абход Тыхомирова, вот и посмотрим. Так, Аркадий Маркович, я прошу прощения, у мэня балной на столе...

VIII

«Работник милиции жалуется на полное бессилие наших законов перед махинаторами и фарцовщиками, валютчиками, делающими свои комбинации в магазине «Берёзка». Он всех их знает по именам и повадкам, знает технику их работы, они, приезжая на своих шикарных машинах, вежливо раскланиваются и улыбаются милиционерам. Но сделать с ними ничего нельзя»

(Советская пресса, октябрь 1986 года)

Время близилось к десяти часам, и ждать Самарцева у Антона больше никакой возможности не было. Он предупредил старосту группы и покинул учебную комнату.

В 12-й палате больная Леонтьева, довольно полная и миловидная женщина 43 лет, бухгалтер с КМЗ, встретила его нетерпеливым и испуганным взглядом.

– Ну что, готовы, Марина Владимировна? – Антон взгляделся в неё проницательно и посмотрел на часы. До назначенного Ломоносовым срока оставалось пятнадцать минут.

– Ой, ты уже по мою душу, Антон? – женщина закатила глаза. – Готова, конечно, готова. Скорей бы уж. Я всю ночь после твоего укола спала, такие хорошие сны видела. А сейчас волнуюсь что-то, чем дальше, тем больше. Страшно...

– Ну, перестаньте, Марина Владимировна. Всё нормально будет. Сейчас я сестру подожлю с премедикацией, и поедем – оперироваться...

Леонтьева шумно выдохнула, раскрыла широко глаза, стиснула щёки ладонями, точно у неё болели зубы, загнанно посмотрела на Антона. У неё уже было три довольно жестоких приступа холецистита, после которых она по месяцу лежала в хирургии. УЗИ выявило несколько камней в желчном пузыре, требовалась операция.

– Но точно Виктор Иванович? Я ведь ни у кого другого не стану, только у него...

– Точно он, точно. Сейчас доедем, ляжем на столик, пока туда-сюда, пока наркоз, он подойдёт. Он же меня и прислал. Сейчас... Что ещё? – нахмурился Булгаков, увидев, как больная таинственно приложила палец к губам и мигнула ему поклониться пониже.

– Ты Ломоносову передай, что всё нормально будет, – еле слышным шёпотом, кося на двух соседок по палате, произнесла Леонтьева. – Деньги, магарыч- мой Гена всё приготовил.

– Ну ещё чего, – недовольно распрямился Антон. Ему стало неприятно, и он этого не скрывал. – Совсем не об этом сейчас думать надо, – он тоже оглянулся на других больных и удержался от дальнейших выражений возмущения. Студент терпеть не мог всяких взяток. Если ему как медбрату во время дежурства что-нибудь совали в карман, всегда требовал «немедленно забрать», и «чтоб этого больше не было».

Выйдя из палаты, Булгаков прошёл на пост, на котором ночью сидел сам. Теперь там работала постовая дневная медсестра, поленькая шустрая девушка. Она разграфливала большую амбарную книгу, превращая её в журнал для учёта «остродефицитных» медикаментов. В последнее время все лекарства, кроме анальгина и пенициллина, особо учитывались и списывались.

– Так, Нина, подаём Леонтьеву, – деловито сообщил ей Антон. – Делай премедикацию.

– На, сам сделай, – не взглянув на него, ответила сестра. – Вот ключи от сейфа, бери, делай. Шприц знаешь где.

– Нин, ты чего? – удивился Антон. – Это твоя работа.

– Не видишь- занята. Что, уже не можешь укол внутривенный сделать?

– Нин, ну я же врач. Я к тебе сейчас как врач пришёл.

– Ой, врач, держите меня! – засмеялась Нина. Она была довольно симпатичная, полная здоровой цветущей полнотой блондиночка, обожающая «ставить этих студентов на место». – Покажи диплом, Склифосовский.

– В июне... Нин, ну не валяй ты дурака, выполняй назначение. Иначе я сейчас плюну, уволюсь, и мои дежурства придётся на всех вас раскидать. Давно на «две с половиной» не работала? А я пойду каталку подгоню.

– Первым ассистентом идёшь? Эх, Булгаков, сколько можно ходить в ассистентах? Когда начнёшь сам оперировать? Как всё запущено... – Нина с улыбкой выдержала необходимую паузу и нехотя поднялась из-за стола. – Ладно, волчина позорный. Ты и мёртвую уговоришь. Профессор! Так и быть...

Булгаков, третий год работая во 2-й хирургии, находил это выгодным, подрабатывая к «степухе» и осваиваясь в коллективе. С обязанностями постовой медсестры он справлялся играючи, всегда готов был «подмениться» и взять лишнюю ночь или сутки, не гнушался клизнить и перестилать больных за 30% «санитарских». Старшуха (старшая медсестра) и все немногие сестрички обоих постов в нём души не чаяли. Но с приходом Антона сюда в качестве клинического субординатора, начались некоторые проблемы. Медсёстры привыкли видеть в нём равного себе и не упускали возможности при случае «подколоть» будущего хирурга. Любое распоряжение они воспринимали в штыки и очень неохотно выполняли.

Пока Нина, тщательно перекроенный и пригнанный халат которой очень выгодно подчёркивал округлости её фигуры, болтала с процедурной сестрой, открывала сейф, брала промедол, набирала в шприц и колола больной, Антон успел найти и подогнать к палате свободную каталку. Закусившую губу Леонтьеву раздели (комсомолец с седьмого класса, Антон непри-

язненно заметил на её шее новый, большой, золочёный крестик на шнурочке), погрузили на каталку, укрыли и повезли в операционную.

Операционные 2-й хирургии занимали по площади примерно столько же, сколько и всё остальное отделение с постами и палатами. Собственно операционных, больших кафельных зала на четыре стола, было два – плановый и urgentный. Сопутствующих же помещений было гораздо больше – предоперационные со многими умывальниками, с тазами с раствором нашатырного спирта и хлоргексидина для мытья рук хирурга, материальные с наборами изношенных, но чистых костюмов, бахил и белья, раздевалки – мужская и женская врачебные, сестринская раздевалка, сестринская комната, кабинет старшей сестры оперблока, курилка, помещения для записи протоколов операций и хранения операционных журналов, туалеты, столовая оперблока, наркозная, инструменталка для хранения запасного инструментария и ещё столько же мелких подсобок, каморок и кладовок.

Это был очень мощный блок, подобный цеху завода-гиганта, и работал он обычно на полную нагрузку. Вторник и четверг считались плановыми операционными днями. Работа, то есть операции на органах брюшной полости, грыжесечения и удаления варикозных вен, велась на всех четырёх столах, иногда в две смены, иной раз затягиваясь до глубокого вечера.

Urgentные операции делались круглосуточно.

Одев бахилы и маски, Антон с Ниной вкатили Леонтьеву в зал, где на двух столах уже лежали больные, вокруг которых суетился анестезиологический и хирургический персонал и студенты. Подъехали к третьему, возле которого уже скучали анестезиолог с анестезисткой, переложили больную. Укол промедола уже «дал по шарам» Марине Владимировне. Толстушка умоглась на маленьком для неё столе довольно спокойно, тайком поцеловала крестик, отдала обе руки анестезиологу, и предоставила судьбу создателю.

После этого сестра с пустой каталкой удалилась, а Антон остался.

Установив стол в необходимое положение и прификсировав на всякий случай оперируемую, он отправился «мытья», то есть хорошенько драить руки щётками с мылом под струёй воды, затем держать их три минуты в обеззараживающем растворе.

Появившись снова с блестящими, мокрыми от хлоргексидина руками, воздетыми кверху, блестящими глазами и очень суровым, взрослым лицом, почти закрытым марлевой маской, Булгаков принял от операционной медсестры стерильную салфетку, тщательно вытер руки и начал облачаться в стерильный халат. Анестезиолог уже заинтубировал больную и подключил к аппарату искусственной вентиляции.

К столу стянулись несколько студентов-пятикурсников, с ними был и Ваня Агеев, так и не нашедший себе сегодня применения. Они собирались присутствовать на операции. Первый ассистент не обратил на них никакого внимания, спросил у анестезиолога разрешения «мазаться». Тот кивнул. Антон взял у медсестры корнцанг с зажатой в нём стерильной салфеткой, вымоченной антисептиком, и начал широко обрабатывать белый, гладкий, слегка колышущийся женский живот.

На соседнем столе уже приступили к операции доктор Пашков и его ассистент доктор Корниенко. Они оперировали варикозные вены на ногах женщины. Операция считалась несложной, и «вены» обычно подавались во вторую очередь. Но бывали и исключения. Больная была очень хорошей знакомой обоих врачей и работала где-то в торговле.

Из предоперационной раздался громкий характерный говор Гаприндашвили. Не говорить он не мог, и, где бы Гиви Георгиевич не появлялся, его было сначала слышно, потом видно. Так и здесь, помывшись и что-то выговорив старшей медсестре оперблока (Гаприндашвили по совместительству выполнял обязанности зав. оперблоком. Обязанностей было очень много, эта «служба» требовало неусыпного наблюдения, но он справлялся. За оперблок ему отдельно не платили, и должность была, так сказать, почётной, но дармовой), пошутив с моющимися в соседнем тазике хирургами, что-то «сэксуальное» сказав молоденькой, только устро-

ившейся на работу медсестричке, гавкнув как следует на каких-то студентов, нарушавших «асептику», массивный грузин появился в операционной.

– Всё здравствуйте, – громко сказал он и подошёл к своей операционной медсестре. – Задёржался немного, дёл куча. Давай, Вера, быстрее, врэмья- дэнги. И ещё какие...

Вытерев свои волосатые руки и облачившись в халат, Гаприндашвили натянул резиновые перчатки на пухлые кисти и исчез в массе людей, окруживших его стол. Резекция желудка считалась сложной и показательной операцией, посмотреть на которую всегда стекалось множество народа. Антон израсходовал один «квач», стряхнул сухую салфетку в таз и ухватил у медсестры новую. Операционное поле требовалось обрабатывать троекратно.

– Кто распорядился подавать больную? – услышал он и обернулся.

К столу подходил клинический ординатор Горевалов с не предвещавшим ничего хорошего выражением верхней части лица (нижня, как и у всех в операционной, была скрыта маской). Руки его блестели от антисептика, Пётр Егорович только что помылся.

– Я спрашиваю – кто? – он встал рядом, принял от медсестры салфетку и негодуяще посмотрел на Антона.

– Ло... – перехватило у того от неожиданности дыхание, и он закашлялся в маску.

Пётр Егорович посмотрел ещё суровее. Он был настолько же сердит, насколько молод.

– Ломоносов Виктор Иванович, – постарался сохранить спокойствие Булгаков. Ответил он намеренно тихо, так, чтобы ординатору пришлось вслушаться. – Его распоряжение.

– Палатный врач – я. Почему мне не доложилась? Моя больная! Тебя субординации не учили?

– Забыл, – Антон во что бы то ни стало решил не смигнуть и не отводить взгляд.

– Забывать можешь воду в туалете сливать, – усмехнулся Горевалов, отбрасывая салфетку. Та угодила точно в таз, и он ещё раз усмехнулся. – А в нашем деле... – он сделал ещё шаг к столу.

Булгаков и медсестра одновременно вскрикнули.

– Пётр Егорович! Оденьте сначала стерильный халат! – подала голос медсестра. – Ну вот, расстерилизовали «поле»! И я вас уже просила салфетки в таз не бросать, их нужно на окно складывать. Обработывайтесь по новой, – и она заменила Булгакову инструмент.

Пробормотав что-то презрительное, клинический ординатор отошёл от стола и начал одевать халат. Уши его заметно покраснели. Справившись с халатом и перчатками, он снова повернулся к медсестре.

– Давайте простыни, обкладываться будем, – отрывисто приказал он и снова приблизился к столу. – В наркозе? – спросил он анестезиолога. – Хорошо. А ты иди на ту сторону, – приказал он Булгакову. – Выгляни- там Ломоносов ещё не подошёл, – велел он санитарке.

– На ту сторону иди, – повторил он, увидев, что студент не тронулся с места.

– Там встанет второй ассистент...

– А ты, бл..., который? – усмехнулся Горевалов, принимая от медсестры стерильную простынь. – Давай, дуй, не мешайся тут.

Горевалов сделал широкий жест, намереваясь одним движением раскрыть простынь, перекинуть один конец через дугу анестезиологу, другим накрыть больную, но не рассчитал и задел краем за низ стола.

– Пётр Егорович! – снова тоскливо вскрикнула медсестра. – Опять расстерилизовали! Я ведь только две простыни закладывала и четыре пелёнки. Где я вам новую возьму? У меня больше стерильных биксов нету!

Горевалов скомкал простынь, поискал, куда бросить, не нашёл и совсем разозлился.

– Это из-за него всё! – указал он на Антона. – Встал тут пнём! Тебе что сказано?

Мало-помалу на их стол стали поглядывать с соседних. Несколько студентов из булгаковской группы специально подошли поближе, точно собираясь оказать ему поддержку. Пяти-

курсники зашептались, девушки запрыскали в кулачки. Конфликты в операционной гораздо интереснее конфликтов в общественных местах...

Пётр Горевалов был старше Антона Булгакова на год-два, но, во-первых, уже имел диплом и штатно числился в клинике, во-вторых, выглядел намного внушительнее. От его фигуры, уже начавшей грузнеть и полнеть, исходило ощущение настоящей мужской силы, между тем как Булгаков, сгоняемый сейчас с левой стороны стола, выглядел всего лишь отмалчивающимся юношей. Он переступил с ноги на ногу и взял у сестры ещё одну салфетку с антисептиком.

– Ломоносов скажет, я перейду, – глухо ответил он.

– Я тебе говорю, – задумчиво ответил клинический ординатор. – Ты из чьей группы? Как твоя фамилия?

– Так, чего шумим, молодёжь? – у стола оказался мытый Ломоносов, в коротковатом ему белишке, подхватил у сестры салфетку и начал вытирать палец за пальцем. – Уложил хорошо, Антон, молодец, и про валик не забыл. Ну, чего сцепились? Стелитесь, стелитесь, сейчас начнём. Антон! Пётр!

Пока Горевалов стоял с расстерилизованной простыней, концом которой он неаккуратно коснулся изнанки стола, Булгаков взял новую, сделал тот же жест, что и опозорившийся ординатор. Расправившаяся как надо простынь аккуратно и прицельно легла на место. Булгаков взял ещё одну, взял пелёнки и за полминуты накрыл поле. Ломоносов, балагурия с сестричкой, оделся и зашёл справа.

– Готово? Отлично. Что, так и будете там оба толкаться? Да брось ты эту простыню, Егорыч, стоишь с ней, точно в баню собрался. Брось вон на пол, санитарка подберёт, – командовал пожилой хирург коротко, очень энергично. – Антон, цапки. Хватай с кожей. А ты, Пётр, сюда иди, на мою сторону. Будешь помогать нам с Антоном Владимировичем.

– Виктор Иванович, ассистировать буду я, – избавившись от простыни, заявил Горевалов. – Как старший. Больная из моей палаты. А крючки пусть студент держит.

– Э, братцы, да вы тут прямо лбами дружка в дружку упёрлись, – усмехнулся хирург, пристраивая поудобнее наконечник электроотсоса. – Рядитесь, кто второй, кто первый? А что рядиться, когда есть соломоново решение. Кто подавал больную? Кто сюда первым пришёл? Антон Владимирович. Вот так. В большой семье едалом не щёлкай! Так что Пётр Егорович, становись-ка вот сюда, рядышком, и поехали. Больная давно в наркозе. Катя, скальпелёк.

Ломоносов переглянулся с анестезиологом, сделал одно-единственное отчётливое движение скальпелем. Казалось, он совсем несильно коснулся им неподвижного тела, но по самой середине живота, во всю длину участка, огороженного простынями, моментально разверзлась длинная рана, из разошедшихся краёв которой обильно полилась кровь.

– Сушить, зажимы, коагулятор, – скомандовал хирург. – Пётр Егорыч! Не мешайся. Или бери крючки, или постой в сторонке.

Горевалов, вздёрнув голову, куда-то отошёл. Все – и хирурги, и анестезиолог, и сестра, и многочисленные студенты, обступившие стол, вздохнули облегчённо. Виктор Иванович, взгляд которого стал очень и очень внимательным, прицельно прижёт кровоточащие сосуды коагуляционным пинцетом, при помощи ассистента перевязал пару самых крупных капроновой нитью и приступил к рассечению белой линии, под которой находилась брюшина.

Булгаков развёл рану крючками. Действительно, теперь ясно было видно, сколь тучна больная – толщина слоя жировой клетчатки на животе местами доходила до восьми сантиметров. Белая линия, потрескивая, начала разрезаться, и все затаили дыхание.

– Так, вы что тут у нас? – раздался вдруг голос заведующего 2-й хирургией.

Гиви Георгиевич, весь в стерильном, накрыв обе руки стерильной салфеткой, приблизился. Студенты моментально раздались в стороны, дабы не коснуться хирурга.

– Начали уже? До белой линии дошли? Ви с кем, Виктор Иванович? Кто вам ассистирует?

Позади Гаприндашвили виднелся Горевалов, и стало ясно, что это он привёл сюда шефа. Конечно, никакая сила в мире не может заставить хирурга прервать операцию и отлучиться из-за стола, но как раз в данный момент в резекции желудка наступил вынужденный перерыв. Язва была обнаружена, и по внешнему виду напоминала малигнизированную, подозревался блюдцеобразный рак. Поэтому был взят кусочек дна язвы и отправлен на экспресс-цитологию. Если врач-лаборант подтвердит наличие клеточной атипичности, то придётся идти на тотальное удаление желудка как органа, если нет – объём ограничится классической резекцией 2/3 по Бильрот-два в модификации Гофмейстера-Финстерера. А пока вся бригада Гиви Георгиевича, он сам и два ассистента, «загорала», отойдя от стола и накрыв руки салфетками.

– Антон Владимирович, – буркнул Ломоносов, орудуя зубастыми «микуличами».

– А, Антон, нэ узнал тебя сразу, богатым будешь. А Петра Эгоровича почему не вызвали? Его больная.

– Как не взяли? – Ломоносов поднял голову. – Пётр Егорович, ты где? Без тебя нам тут совсем плохо. Давай-ка помогай. Бери у Антона крючки.

– Крючки дайте Антону, а Пётр пусть ассистирует. На такую сложную операцию студента можно брать только третьим... Антон ещё учится. А Пётр доктор, – отечески произнёс шеф.

Ситуация складывалась совсем нехорошая. Наблюдающие студенты отошли как можно дальше, анестезиолог с сестрой целиком ушли в наркоз и не обращали внимания на происходящее на «хирургической половине». Антон уже приготовился переходить на крючки и выключил электроотсос, которым сейчас работал.

– Гиви Георгиевич, ты это, – Ломоносов медленно отложил инструменты, разогнулся во весь рост и повернулся к заведующему, готовясь принять удар всей грудью. – Ты вот что. Мозги мне Гореваловым сейчас не сношай. Пусть узлы сначала вязать научится! Я ему место указал? Оно его не устраивает. Ну и пусть катится к ебени матери!

– Виктор, ты нэ прав...

– Гиви, я сейчас плюну и уйду из операционной...

– Товарищи! – раздалось со стороны молчавшего до сих пор анестезиолога. – Товарищи хирурги! Больная в наркозе, а вы свару затеяли!

– Всё, продолжаем, – оборвал Ломоносов, отворачиваясь и беря в руку диссектор. – Антон, держи «печёночный». И отсоси мне здесь, кровит, подлюка... А вы идите сейчас оба нах...й отсюда! Катя!! Анатомический пинцет и длинную лигатуру!!!

Гиви Георгиевич вздохнул и отошёл к своему столу – как раз принесли результаты биопсии. Горевалов демонстративно сорвал в таз перчатки и ушёл из операционной. Виктор Иванович ещё некоторое время что-то бормотал себе под нос, но вскоре успокоился, замолчал и целиком переключился на работу.

IX

«Администрирование, подмена сути проблемы субъективными указаниями – как это всё далеко от подлинной заботы от подлинной заботы о демократизации нашей жизни, о развитии инициативы масс, воспитания понимания массами того факта, что они-то и являются хозяевами этой жизни, могут и должны отвечать за состояние дел»

(Советская пресса, октябрь 1986)

После разговора в кабинете заведующего оба хирурга разошлись в разные стороны: Гаприндашвили в операционную, Самарцев – в учебную комнату, в которой в неизвестности томились студенты.

Аркадий Маркович шёл больничным коридором. Шёл ровным шагом, со всегдашним выражением сильно занятого человека, которому только текучка не позволяет решать самые сложные проблемы хирургии, и никто, раз увидев доцента Самарцева, не стал бы сомневаться в его способностях решить эти проблемы. Однозначность выражения несколько портила чуть заметная гримаса недовольства, слегка углубляющая тень в уголках губ. Самарцев досадовал.

Досадовал на себя, что не удержался в конце разговора с Гиви и смальчиствовал, заявив, что не верит в благополучный исход операции у огнестрела. Ну, выразил бы сомнение, осторожную недоверчивость – нет, в запальчивости чуть не брякнул классическое «этого не может быть, потому, что этого не может быть никогда». Да, после всех ломоносовских жестов на фоне разлитого перитонита, ничего хорошего быть не могло. Но прошли уже шестеро суток, шли седьмые, и все эти 144 часа имело место гладкое послеоперационное течение. Вот и стул, свидетельствующий о полном восстановлении моторики кишечника. Бред какой-то...

«Если бы в хирургии уместно было бы делать ставки, как в тотализаторе, я бы проиграл крупную сумму», – попытался сыронизировать Аркадий Маркович, но и самоирония не помогала. От того, что у больного Рыбакова восстановился спонтанный стул, хотелось скрипеть зубами! Не мог он восстановиться. Там должен был бы быть жесточайший парез кишечника, вздутый живот и прогрессирующая сердечно-лёгочная недостаточность, но вот поди ж ты...

«Зайти, посмотреть самому? – мелькнула мысль. – Ещё не хватало. Завтра будет профессорский обход, вот и посмотрим. В конце концов, цыплят по осени считают. Ещё неизвестно... ещё всё возможно».

Дав себе слово никогда больше не обнаруживать горячности перед кем бы то ни было, Аркадий Маркович вошёл в учебную комнату, извинился за опоздание, сел на своё место, поздоровался с обеими группами, открыл книжечку преподавателя, начал переключку. Свои хирурги были все, кроме Булгакова. Он был первым по списку, и очень часто не присутствовал на занятиях.

– У Антона... Владимировича что, индивидуальный график? – не удержался доцент от вопроса старосте группы. – Чем он всегда так занят? Может, он вообще прогуливает?

– Он в операционной. Участвует в операции. Только что ушёл, ему нужно больную подавать, – слышалось с разных сторон.

Студенческая взаимовыручка была здесь на высоте. Хоть и приятно было, что все за одного, но Самарцев не мог не выразить недоумения, почему Булгаков вечно участвует в операциях, когда вся остальная группа на месте.

– Такое впечатление, что ваш товарищ торопится просто набить руку. Набить в ущерб основному институтскому курсу! Мы готовим из вас хирургов широкого профиля, а не филиппинских хилеров, – заметил он. – Всё хорошо в меру. Ладно, доктора, сегодня действительно операционный день, и довольно насыщенный. В плановой сегодня резекция желудка с биопсией, холецистэктомия, венэктомия по Бебкоку, два грыжесечения, пилоропластика по Джабулею. Я думаю, что будущим хирургам сейчас стоит последовать за своим товарищем, и, пользуясь случаем, ассистировать, ассистировать и ассистировать. А будущие гинекологи остаются на теоретическую часть. Давайте познакомимся. Берестова... Вы? Винниченко... Григорьев...

В акушерской группе числилось двенадцать человек, все наличествовали. Самарцев, произведя переключку и аккуратно поставив галочки против каждой фамилии, приступил к занятию. Начал он с того, что ни акушерство, ни гинекология немыслимы без знания смежных клинических дисциплин, в первую очередь основ хирургии. Некоторое время Аркадий Маркович освещал общие вопросы. Это были вопросы обезболивания, асептики, антисептики, топографии, медицинской деонтологии.

Последнее он осветил несколько подробнее. Действительно, этика взаимоотношений в коллективе, отношения старших и младших, коллеги к коллеге, врача с больными и родственниками – краеугольный камень практической хирургии. Почти всё это студенты уже раньше

слышали или читали. Самарцев знал, что повторяет азбучные истины, и нисколько не соби-рался поразить воображение слушателей. Он, как и любой хороший преподаватель, в первую очередь стремился к тому, чтобы обозначить свою систему изложения материала. Ощувив, что система его понята и оценена, что образовался живой нерв между ним и новой группой, Аркадий Маркович перешёл от общего к частному.

– Наибольший интерес из всей хирургии для вас, доктора, представляют особенности дифференциальной диагностики острых хирургических заболеваний органов брюшной полости с острой патологией органов женской половой сферы, причём у женщин в основном детородного возраста. Именно этим мы с вами и будем заниматься. В этом контексте нас интересуют два весьма распространённых заболевания, два хамелеона, два многоликих Януса – аппендицит и перитонит. Именно здесь наиболее тесно соприкасаются неотложная хирургия и неотложная гинекология, именно здесь делается наибольшее число диагностических и так-тических ошибок, именно с этими вопросами рано или поздно соприкасается любой практи-кующий врач. Открывайте тетради, записывайте: «Острый аппендицит». Итак, острый аппен-дицит...

Аркадий Маркович был уже достаточно опытным преподавателем, и за годы работы у него выработалась привычка читать лекции автоматически. Мозг его, вернее, основная часть сознания, в эти часы бывала свободна, и доцент мог параллельно либо обдумывать что-то постороннее к теме лекции, либо скрытно изучать свою аудиторию. Среди сегодняшних гине-кологов преобладали, естественно, девушки. Четверо ребят, отсидивающихся за дальним кон-цом стола, показались ему бледными, невзрачными, не заслуживающими внимания. Да и основная масса слушательниц производила впечатление среднестатистическое, как в плане умственных способностей, так и внешних данных. Несколько больше притягивали взгляд только две студентки, первые по списку – Берестова и Винниченко. Это были симпатичные шатенки – Берестова чуть светлее, Винниченко – темнее. Общим было лет 22-23. Ограничив-шись этим наблюдением, Аркадий Маркович закончил с вопросами патогенеза острого аппен-дицита, перешёл к клинической картине.

– Существует шесть классических вариантов течения заболевания. В зависимости от места расположения аппендикса, а оно весьма вариабельно, возможны тазовая форма, подпе-чёночная, ретроцекальная или забрюшинная. Не стоит забывать и о *situs viscerum inversus*, когда имеет место парадоксальное расположение непарных органов, и слепая кишка вместе с её куполом может быть расположена слева...

Что-то снова больно укололо в висок. Самарцев слегка поморщился. Из головы всё не шёл этот проклятый огнестрел. Ведь неделю назад, когда из Зуйковки привезли этого Рыба-кова, должен был дежурить он сам, и уже стоял в графике. Если бы жена не уговорила тогда идти на день рождения Элеоноры Андреевны! Зачем послушался? Какая возможность была отличиться, прооперировать! Огнестрельные ранения – какая грозная, какая волнующая тема!

За двадцать лет работы Аркадию Марковичу доводилось только дважды иметь с ними дело. А чаще, в мирное время – откуда им взяться? И вот такая возможность упущена, теперь снова жди десять лет! Как бы это пригодилось для будущей докторской! Можно было бы напи-сать статейку в журнал! Да и вообще, можно было бы высоко держать голову на всяких съездах и Обществах, даже перед академиками, перед стариками – ветеранами Петровским, Кузиным, Стручковым, бывшими армейскими и фронтовыми хирургами Великой Отечественной!

Самарцев подавил вздох глубокого разочарования, кашлянул. Добро ещё, больной достался бы Гиви, или Пашкову, или кому угодно, тому, кто сделал бы всё, как положено по современным взглядам. А Лом, этот грубиян и мужлан, чуть-чуть ведь не зарезал больного! Ну какая поразительная везучесть, всё как с гуся вода!

«Завтра профессорский обход. Тихомиров отсутствовал тогда и ничего про больного не знает. Если бы и он занял завтра принципиальную позицию, раскритиковал бы эту авантюри-

стическую методику, дал бы как следует по рукам, чтоб никому неповадно было... Да ведь попробуй предугадай реакцию старика. Может ведь и похвалить Лома при всех, даже пожать руку – с него станется... Но ведь это ненормально – два разных мнения на кафедре. Поговорить с ним предварительно? Нет, можно только хуже сделать. Старик мнителен и злопамятен, тогда точно при всех возьмёт и меня же раскритикует»...

– Аппендикулярный инфильтрат может быть двух типов: рыхлый и плотный. В первом случае оправдана тупая препаровка образования и восстановление анатомических взаимоотношений с типичной аппендэктомией. Во втором случае какие-либо манипуляции с конгломератом в брюшной полости противопоказаны. Следует произвести его изоляцию салфетками с мазью Вишневского...

Группа прилежно водила ручками по тетрадям, записывая лекцию. Гинекологи в свою очередь изучали нового преподавателя. Обычно всё становилось ясно в первые пятнадцать минут. За пять лет учёбы, оставив за плечами около 40 кафедр, студенты повстречались уже с целым паноптикумом преподавателей.

Были среди них и эйфоричные старички- добрячки, умиляющиеся перед любой аудиторией и ставящие зачёт- автомат даже тем, кто ни разу не показался на их семинарах. Были и суровые самодуры, которым безумно нравилось тиранить студентов, доводя буквально до слёз. Встречались и совсем молодые аспиранты, сами вчерашние студенты. Тем ещё неловко было вещать ех *safedra*, поэтому те впадали либо в чрезмерную фамильярность, либо в беспредельный официоз.

Самарцев же попал в немногочисленную золотую середину «нормальных препов». Он не страдал экстремальным возрастом, обладал интересной манерой изложения, сопровождаемой отточенными мимикой и жестами, умел и требовать, умел и прощать. Гинекологи, настроившиеся уже на «дяди Витину халяву», понемногу набирали тонус – заинтересовать Аркадий Маркович умел. Несколько раз в дверь уже заглядывал Сергей Петрович Матюшин – очевидно, у дочки были готовы анализы. Доцент незаметно взглянул на часы – 11.30, нужно прерываться.

– Вот, в кратких терминах, наш друг аппендицит, – позволил он себе несколько оживить обстановку. – Вопросы этиологии, патогенеза, клиники, лечения изложены в литературе достаточно хорошо, и кто интересуется, может прочитать учебники и монографии. Особенно рекомендую Дихтярь, «Острый аппендицит у женщин». А сейчас, прежде чем прерваться на обед... – он сделал паузу и посмотрел на группу поверх очков, – проверим теорию практикой. Тут как раз тематическая больная, девушка 17 лет с приступообразными болями в животе. Сейчас мы её все вместе посмотрим и поставим диагноз. Будьте добры... – он заглянул в книжечку, ища фамилию сидящего у дверей студента.

– Ласкович, – услужливо подсказали ему.

– Будьте добры, доктор Ласкович, позовите сюда пациентку. А отец пусть пока подождёт за дверью. Я его сам приглашу.

В кабинет вошла хорошо одетая молодая девушка. Австрийские сапоги необыкновенного рыжего цвета сразу же заставили учащённо забиться сердца всех восьми студенток. Сапоги были что надо, фирменные, и в К... достать такие было никому из них не под силу. Даже общепризнанной моднице Гале Винниченко, у которой тётка работала в Центральном универмаге – никакой напряжёнки со шматьём.

Девушка, увидев такое обилие белых халатов, растерялась и оправила замшевый жакетик.

– Не стесняйся, Оля, это субординаторы, – приободрил её Самарцев. – Анализы готовы? Давай, клади сюда, а сама садись вон на ту кушетку. Побеседуем. Итак, расскажи нам, что тебя сейчас беспокоит?

– Болит вот здесь, – Оля вполне овладела собой и даже была рада вниманию стольких врачей. – И тошнит. Ещё температура.

– Боль постоянная или приступами?

- Сейчас постоянная.
- А началось откуда?
- Вот отсюда.
- И как давно?
- Под утро...

Гинекологи оживились и задвигались, смотря на пациентку и на доцента с нарастающим вниманием. Сапоги были забыты. Самарцев задал ещё несколько вопросов, вышел из-за стола и попросил больную лечь.

– Сейчас, доктора, перейдём к осмотру, – он придвинул стул и сел рядом. – Подходите все сюда. Итак, начнём с исследования пульса. 100 ударов в минуту – тахикардия. Язык налицу... обложен. А теперь перейдём к пальпации живота. Так, здесь больно? А здесь? Здесь больно. И здесь. А ну, на бочок, лицом к стеночке... Тянет?

Самарцев умело пропальпировал больную своими длинными чуткими пальцами, повернул на левый бок, ещё пропальпировал. Группа стояла вокруг кушетки не дыша. Все жадно следили за ходом диагностического процесса. Он был интересен. Конечно, не столь интересен, как на кафедре внутренних болезней, где постоянно ставятся умные и головокружительные диагнозы, где преподаватель, сидящий у постели больного и задающий неспешные вопросы, уподобляется Шерлоку Холмсу, из своего кресла распутывающему тайну пляшущих человечков. Это бывало блестяще и поучительно, особенно, если обнаруживалось, что предыдущий диагноз районной поликлиники в корне неверен, лечение «непатогенично», и больного нужно не «закалывать» реопирином, а «сажать» на гормоны.

Здесь же было другое. Для постановки диагноза в неотложной хирургии не требовалось чрезмерно развитого клинического мышления, эрудиции и безупречного владения физикальными методами обследования, да и сам диагноз «острый аппендицит» не относился к сложным и редким. Но постановка такого диагноза означала, что эту благополучную девочку, которая уже вызывала симпатии всех студентов, сейчас разденут, положат на операционный стол, и острый скальпель вопьётся в её аккуратный животик. Это было захватывающе и много интереснее терапии.

– Спасибо, Оля, – Самарцев встал, открыл кран и начал мыть руки. – Доктора, если кто-нибудь хочет сам посмотреть, пожалуйста. Что, нет желающих? Тогда Оля, подожди, пожалуйста, с папой за дверь. Я приглашу вас через три минуты. Ну? – обратился он к присутствующим, как только больная вышла. – Вот её анализы, вот запись гинеколога, вот УЗИ. Берестова, ваш диагноз?

– Острый аппендицит, – неуверенно ответила Надя. – Во всяком случае, нельзя исключить...

– Винниченко? Ласкович? Ещё, ещё мнения? Представьте, что вы один, вокруг тайга, посоветоваться не с кем, – подзадорил Аркадий Маркович. – Страшно? Что ж, Надежда... Константиновна права. У больной действительно острый аппендицит, и девочку придётся срочно оперировать. А сейчас – получасовой перерыв. Можете сходить в буфет, подкрепиться. В 12.30 встречаемся здесь. Вопросы?

– Аркадий Маркович, – волнуясь, спросила Винниченко, – вы будете оперировать?

– Скорее всего. Но об этом поговорим через тридцать минут. А сейчас можете быть свободны.

Студенты, до предела возбуждённые только что увиденным, повалили к выходу, делясь впечатлениями.

– Ну, как он тебе? – шёпотом спросила Винниченко.

– Ничего мужик, – одобительно отозвалась Берестова. – Лихо диагноз поставил. Только глаза печальные.

Х

«Кровавый поток, захлестнувший американский киноэкран, вскоре станет ещё полноводнее. Свою лепту в «общее дело» готов внести и Майкл Чимино, снискавший особую популярность в США после выпуска антисоветской, антивьетнамской ленты «Охотник на оленей». Ныне печальной славы американский режиссёр приступил к съёмкам картины «Сицилиец»»

(Советская пресса, октябрь 1986 года)

Отправив студентов, Аркадий Маркович пригласил пациентку с отцом, кратенько, с симпатией и сочувствием, проинформировал. Оля страшно перепугалась – видимо, известие о том, что её сейчас начнут оперировать, было совсем неожиданным. Сергей Петрович помрачнел и нахмурился.

– Что ж... – медленно произнёс он. – Раз такое дело... спасайте дочку, Аркадий Маркович.

– То есть? – сделал непонимающее лицо Самарцев. – Это значит- оперировать? Но операция нужна срочная, Сергей Петрович, тут счёт идёт на минуты. А я освобожусь не раньше, чем через три часа – у меня студенты, дополнительная группа. Коллега заболел, пришлось выручать. Конечно, спасибо за доверие, но... – он с сожалением развёл руками. – Нет, я сделаю что требуется- сейчас напишу направление на госпитализацию по cito, пойдёте в приёмный покой, там её в два счёта оформят и поднимут в отделение.

– А кто будет делать операцию? – ещё больше нахмурился отец.

– Дежурный хирург. Вернее, один из дежурных хирургов.

– Ну какой? Вы можете хоть фамилию назвать?

– У нас четыре отделения, все работают по экстренке. Зависит от того, в какое её направит Ответственный. Не волнуйтесь, Сергей Петрович, у нас клиника, а не захудалая уездная больница. Всё будет сделано как нужно!

Самарцев улыбался очень искренне. Всегдашнее выражение способности решить все проблемы очень шло ему.

– Оля, подожди в коридоре, – велел отец и повернулся к Аркадию Марковичу. – И всё же я хочу, чтобы именно вы её оперировали, – Самарцев начал снова разводиться руками, но Сергей Петрович мотнул головой. – Аркадий Маркович. Мы с вами взрослые люди, друг друга знаем не первый год. Нет нерешаемых проблем. Все мы – люди, – не глядя на доцента, он полез рукой во внутренний карман куртки. – У меня дочь – одна. Итак?

Через пять минут несколько повеселевший отец вышел с направлением на экстренную госпитализацию. Аркадий Маркович не только написал направление, но и позвонил в приёмное, Ответственному хирургу, и предупредил, что сейчас придёт дочь его хороших знакомых, он сам будет оперировать, чтобы её побыстрее поднимали во 2-ю хирургию. Уладив там, он позвонил в отделение анестезиологии и поставил в известность о том, что у него сейчас будет операция.

– Аппендицит? – поинтересовался там какой-то молодой и деловой. – 17 лет? Что, очень жирная? Дебилка? Нет? Тогда в чём дело, Аркадий Маркович? Под местной анестезией. Премедикацию посильнее назначьте.

– Кто это? – поинтересовался Самарцев. Общий наркоз при аппендэктомии было принято проводить только детям, психически неполноценным и тем, у кого избыточно развита подкожно-жировая клетчатка. Основную массу оперировали под местной анестезией по Вишневскому. – Сергей Васильевич? Кудиевский? Там уже больше шести часов с момента забо-

левания. Кажется, первично-гангренозный. Уже есть перитонеальные знаки. Да. Возможно, придётся делать нижнесрединную. Так что местная анестезия здесь не показана. Минут через пятнадцать приходите посмотреть больную, её уже поднимут к тому времени.

Положив трубку, Аркадий Маркович шумно вздохнул, снял очки, потёр щёки ладонями. Сергей Петрович оказался очень настырным и всё же уговорил его самому оперировать. Непременным пожеланием отца было и то, чтобы Олю прооперировали под наркозом. Уговаривать капризничавших анестезиологов провести наркоз становилось всё труднее. Там в последнее время понабрали какую-то заносчивую молодёжь, строящую из себя элиту всей хирургии.

«Совершенно не хотят работать, – подумалось Самарцеву. – А ведь все мои бывшие студенты, этот Кудиевский, тот, что сейчас так высокомерно разговаривал, ведь учился в моей группе три или четыре – чёрт, как летит время – года назад. А мы в их годы – не оттащить от стола было. А этих приходится на аркане волоочь. «Комсомольцы-добровольцы, я пою ваше бурное время»... Да-а, куда катимся? И так везде по стране – старики ещё кое-как работают, а молодёжь тунеядствует. Над всем смеются»...

Мысли были неприятные, но какие-то абстрактные. Всерьёз в то, что всё так уж плохо, не верилось. Тем более, что с приходом нового Генерального секретаря, определённо запахло переменами. Только уловить тенденцию было непросто. Вот, недавно объявили Перестройку. Якобы, вот возьмемся всем миром и перестроим. Ну что ж, перемены назрели, с этим Самарцев был абсолютно согласен – назрели абсолютно во всех областях нашей жизни. Но насколько смогут Партия, её ЦК и лично Генеральный секретарь контролировать воплощение своих же собственных инициатив? Указ о Борьбе с пьянством, появившийся больше года назад, Самарцев считал в целом правильным. Но то, как он проводился в жизнь, лишало его смысла. Перегибы и пережжёты так и бросались в глаза.

А результат?

Аркадий Маркович как-то зашёл в общественный туалет возле 21-го гастронома, одного из четырёх на весь город, в котором ещё разрешена была продажа спиртного. Самарцев давно тут не был, и очень поразился переменам: по периметру магазина были приварены толстые стальные трубы, ограничивающие тропинку, по которой двигалась длиннейшая очередь «жаждущих». Втиснуться без очереди было невозможно – этому препятствовала мощная загородка. Вдобавок, у дверей дежурили четверо крепко сбитых парней-дружинников, без разговоров вышибавших «шустрил», нет-нет, да пытающихся прорваться в магазин. Давали в одни руки две бутылки водки или четыре пива. В тёплом мужском туалете было не продохнуть – там битком было набито мужчин, распивающих спиртное. С улицы их теперь гоняла милиция, так что с этой целью был облюбован сортир. Многочисленные группы «алкашей» торопливо пили прямо из «горла», обычно занюхивая свою порцию рукавом и проталкивая вглубь затяжкой «Примы». Кто-то горстями глотал таблетки, под ногами катались пустые пузырьки из-под валерьянки. На отправляющих прямо тут же естественные нужды не обращали внимания. В углу уже один валялся прямо на мокром полу без сознания...

«Бр-р, – живо припомнилось Аркадию Марковичу. – Если это-канун коммунизма»...

Было ясно, что это – уж точно не канун коммунизма, что от запивания водки валерьянкой до светлого будущего ещё далеко. Много дальше, чем от разрухи и кольца фронтов, охвативших молодую Советскую республику в героическом 1918-м. Но развивать эту мысль было ни к чему. Совсем ни к чему.

«Наверное, там считают, что пьянство в СССР уже победили. Теперь у них появилась новая игрушка... неспроста повсеместно гуляет эта шутка: верите ли вы в успех Перестройки, и почему «нет»?»

У Аркадия Марковича было в запасе минут пятнадцать. Он вышел. Запирать кабинет не стал – украсть в «учебке» нечего было, а студентам нужно же где-то сидеть. Свой рабочий кабинет он кабинетом не считал. У Самарцева была особая комната, о существовании которой

почти никто не знал. Ещё три года назад, во время ремонта отделения, ему посчастливилось наткнуться на пустую палату. Она располагалась в редко посещаемом крыле, где находились владения сестры-хозяйки, и использовалась для складирования грязного белья. Между тем, это была хорошая двухместная палата, с душем и санузелом, и было неясно, почему на неё до сих пор никто из хирургов не «положил глаз».

Аркадий Маркович вёл тогда бурную, но малоуспешную деятельность, «выбивая» у главврача больницы отдельную «материально-методическую» для кафедры. Пустующая палата подходила для этой цели как нельзя лучше. Теперь она официально числилась «материально-методической», и в ней хранилось для вида несколько учебных плакатов и скелет, но в основном это и был личный кабинет доцента Самарцева, ключи от которого имел только он.

За несколько бутылок «Столичной», эту всё повышающуюся в цене национальную валюту, ему сделали тут ремонт. Потом Аркадий Маркович незаметно перенёс сюда мебель – мягкий диван, стол и пару стульев, кресло, холодильник, шкаф для переодевания. Потом он провёл параллельный с рабочим кабинетом телефон. Теперь доцент смело мог оставаться в «материальной» столько времени, сколько нужно, будучи всегда на связи. Зрела мысль поставить здесь ещё и телевизор. Но прежде нужно было провести антенну. Без шума и огласки сделать это было трудно, а комнатные антенны были в К... страшным дефицитом.

Аркадий Маркович открыл дверь, вошёл, закрыл дверь за собой. Сразу проверил телефон – тот работал. Он достал из ящика стола банку растворимого кофе и пачку сахара, налил в чашку воды, включил кипятильник. Из холодильника вынул кусок ФРГ-ского масла с орланами на этикетке, полпалки финского сервелата, с подоконника взял несвежий батон, начал делать бутерброды. Сделал хороший глоток кофе, откусил кусок бутерброда.

Потом ещё.

Настроение повышалось. В конце концов, ничего страшного, если этот Рыбаков и выпишется. Главное – не придавать этой истории значения. В конце концов, ничего особенного нет, что в клинике кому-то там успешно сделали операцию. Мало ли тут оперируют. Если самому не провоцировать, не ходить и не бить себя в грудь, то и подпитки не будет. Не восторгаться самому и пресекать чужие восторги – вот что будет мудро. А Ломоносов рано или поздно влипнет. Ещё будет время нанести ему удар...

Зазвонил телефон.

– Аркадий Маркович? – услышал он голос Горевалова.

– Да, Петя. Слушаю. Закончили?

– Да где там! Я всё хотел к вам зайти, да у вас студенты сидели.

– А что случилось? Ты что, не мылся?

– Мылся! В бане! Аркадий Маркович, а вы сейчас где? Есть пара минут?

Самарцев задумался. С одной стороны, что-то там случилось. Горевалов звонить по пустякам не стал бы. С другой стороны, объявлять ему своё местоположение не хотелось. О тайне «лаборантской» почти никто в отделении не знал. Оставалось бросить недоеденный бутерброд и бежать в кабинет, пока молодой ординатор не пришёл туда первым.

– Ну подходи, поговорим, – разрешил Самарцев.

Он успел раньше. В учебную комнату за время его отсутствия, кажется, никто не входил. За столом одиноко сидел один Сергей Говоров, староста группы хирургов. Он листал учебник. Гинекологов ещё не было – в больничном буфете в этот час огромные очереди.

– Не пошли на операцию? – рассеянно спросил Аркадий Маркович. – Напрасно. Не взяли ассистировать – можно постоять посмотреть, задать вопросы. Пользы от этого будет больше, чем от учебника.

Слегка стукнув в дверь, вошёл Горевалов, и доцент попросил студента «всё же сходить в операционную». Говоров нехотя вышел, и врачи остались одни.

– Так что у тебя случилось, Петя?

Клинический ординатор сел, отвернулся, посидел так немного, точно борясь с нахлынувшими чувствами. Потом с усилием обернулся. Красивое лицо его было холодно и жестоко.

– Выгнали меня, – объявил он. – Лом меня точно пацана сделал. От стола кышнул так, что мало не показалось. Вся операционная небось до сих пор за животики держится...

– Постой, постой, – встревожился Самарцев. Несмотря на сбивчивость рассказа, было ясно, что случилось ЧП. – Спокойнее, и поподробнее. Так ты мылся или нет?

Пётр Егорович в нескольких сильных выражениях рассказал о своей ссоре с Булгаковым, о «соломоновом решении» Ломоносова, о безуспешном заступничестве заведующего. Несмотря на то, что ординатор использовал несколько нестандартную лексику – она была избыточно ёмкой и конкретной, непривычной уху – доцент ухватил суть сразу.

– А что за студент ассистировал Виктору Ивановичу?

– Такой, в очках, зануда. На еврея похож. Тут по ночам ещё шестерит медбротом. За Ломом как собачонка бегаёт, дневники ему пишет, выписки. Из вашей, кстати, группы. Его Антоном зовут.

– Булгаков, – сообразил Самарцев. – Есть у меня такой студент...

– Это хам, Аркадий Маркович. Я ему говорю – отойди, возьми крючки. Не слушает, лезет под руку, мешает. Из-за него простыню расстерилизовал, сестра сразу вой подняла, Лом мне по первое число вставил. Хам...

– Я с ним поговорю.

– Поговорите, Аркадий Маркович. Что б запомнил, как в другой раз... А то всё «субординация, деонтология»... А на деле...

– Что же касается Виктора Ивановича – не знаю, что и сказать, – вздохнул Аркадий Маркович. – Человек специфический. Мы все тут с ним мучаемся не первый год. Работал в Москве, в каком-то НИИ на кафедре и считает себя каким-то суперменом, которому нет преград. Я пытался попросить Гаприндашвили, чтоб он на него воздействовал. Но он за своих горой... Эта дурацкая история с огнестрельным...

Самарцев заставил себя прикусить язык. Ещё хватало жаловаться клиническому ординатору! Конечно, случай, произошедший в операционной, был безобразный. Но ничего кроме того, что поговорить с Булгаковым, как зачинщиком конфликта, Самарцев не мог.

В коридоре послышались оживлённые молодые голоса. Вернулись из буфета и попытались войти смеющиеся гинекологи, но Аркадий Маркович попросил их минутку подождать.

– Не расстраивайся, Петя. «Через тернии к звёздам». Чтоб ты не был сегодня безлошадным, поступай в моё распоряжение. Я сейчас на аппендицит пойду. Будешь ассистировать?

– Аппендицит? – по лицу Петра Егоровича было видно, что ассистенция на этой операции – слишком незаманчивое предложение для хирурга его масштаба. – Ладно, давайте. Но я вообще-то хотел аппендицит сам уже сделать. Что хоть за кадр?

– Не в этот раз, – мягко возразил Самарцев. – Там планируется общий наркоз, сложности. Не спеши, я помню. Подбираю тебе что-нибудь, как подберу – сделаешь.

– Подбирайте, Аркадий Маркович. За мной не заржавеет. Вы же знаете. Поедем ко мне на дачу на шашлык с сауной. Или вас больше «Витязь» устраивает? Можно запросто зальчик организовать. С отдельным обслуживанием...

– Потом на эту тему поговорим, Петя, – Самарцев озабоченно встал, глянул на часы. – Её уже, наверное, подняли. Пока я со студентами пару вопросов обсужу, иди, распорядись там. Заполни историю – там стандартные анамнез и клиника. Проследи, чтоб её анестезиолог посмотрел. Разверни стол в ургентной и зови меня.

– Ладно, – Горевалов, махнув рукой, принял ситуацию. – Как фамилия? – деловито спросил он.

– Матюшина, 17 лет.

Пухлые губы ординатора тронула недоверчивая улыбка. Он внимательно посмотрел на Самарцева.

– Олька, что ли?

– Да, кажется, её зовут Оля. А ты что, её знаешь?

– Знаю. Дочка Сергея Петровича? Правда аппендицит? Нома-ально... – Пётр Егорович почесал крупную голову, поджал губы. Что-то весёлое вспомнив, не выдержал, рассмеялся. Ни следа того мертвенного вида, с которым он зашёл в кабинет. Всё же ему было только двадцать пять лет, и смешного в жизни было больше, чем грустного.

– Иду, Аркадий Маркович. Значит, историю, анестезиолога, операционную, и звать вас.

XI

«Да, у некоторых комсомольская биография начинается со школы. Но опыт показывает, что таких немного, особенно среди тех, кто достигает каких-либо комсомольских высот. Много ли среди секретарей и заведующих отделами ЦК ВЛКСМ и ЦК ЛКСМ союзных республик бывших комсорогов класса? Единицы! Почему?»

(Советская печать, октябрь 1986 года)

Спустя два часа после начала операции у больной Леонтьевой подходила к завершению. Хирурги даже опережали негласный временной норматив для подобных операций без малого на час. И это при том, что операция была сложна технически – во-первых, по причине чрезмерной упитанности больной, во-вторых, набитый камнями желчный пузырь располагался неудачно, внутри ткани печени. Что бы отделить его, не поранив ни печень, ни стенку пузыря, требовалось большое искусство. Осложняли дело и обширные спайки в области желчных протоков, оставшиеся после двух предыдущих воспалений. Нормальные анатомические взаимоотношения в воротах печени были нарушены, и работать хирургам приходилось буквально на ощупь.

Виктор Иванович и Антон Булгаков были по-прежнему вдвоём. Несмотря на то, что оскорблённый Горевалов окончательно их покинул, а ломоносовский стол окружали многочисленные студенты, и среди них тоскующий Ваня Агеев, предлагать свои услуги в качестве второго ассистента никто так и не рискнул. Ломоносова студенты побаивались. Между тем на соседнем столе Гиви Георгиевичу, решившему всё же ограничиться типичной резекцией 2\3 желудка, ассистировали сразу трое – хирург-стажёр из 6-й больницы и два интерна.

Виктор Иванович, поплёскивая золотыми очками, в четвёртый раз позвал санитарку, чтобы та вытерла ему вспотевший лоб, прификсировал дренажные трубки, осторожно подтянул тампоны, проверяя надёжность остановки кровотечения и обернулся к медсестре:

– Катя, сейчас будем закрываться и уносить ноги. Давай на брюшину. Не мне, – он не взял протянутый тут же иглодержатель, заряженный режущей иглой с длинной жёлто-коричневой ниткой кетгута. – Доктору! Шейте, Антон Владимирович. Теперь я поассистирую. Только не спешите, коллега. На вас теперь смотрит вся Россия...

Антон, никак не ожидавший такого королевского жеста, взял инструмент и начал – сначала размашисто и неуверенно, но уже через два стежка окреп духом и начал соразмерять свои движения. Подхватывая края брюшины – толстой плёнки, окутывающей органы брюшной полости – пинцетом, он бысто нанизывал их на иглу и проводил нить, которую Ломоносов тут же протягивал и захлёстывал. Окровавленные пальцы хирургов слаженно порхали над раной, которая уменьшалась с каждым их движением. За ходом этого процесса напряжённо следили студенты. Булгаков, изо всех сил сдерживая рвущуюся наружу радость, чувствовал себя героем. Для сверстников он становился недостижимым.

Потом он упоённо трудился над остальными слоями – над белой линией, над клетчаткой, над кожей. Уверенность в своём всемогуществе и бесконечная радость первопроходца становились сильнее с каждым новым швом. Когда был наложен последний, Антон с огромным сожалением вернул Кате иглодержатель.

Неведомая симфония, звучащая в голове, смолкла.

Операция была закончена.

После этого оба хирурга, освободившись от тесных халатов и душных влажных масок, сидели в курилке. Стало уместно задать вопросы, и студент расспрашивал Ломоносова о некоторых специфических нюансах. Тот подробно объяснял. В курилку заглянул Гиви Георгиевич. Он тоже закончил основной этап и предоставил помощнику закрыть брюшную полость. Шапочка и подмышки куртки зав.отделением были обильно пропитаны потом.

– Виктор Иванович, потом зайдите ка мне, – бросил он, не глядя на опальную парочку.

– Что, попадёт вам? – шёпотом спросил Антон. – Гиви сильно не в духе.

– А, ерунда, – отмахнулся хирург, тыча в пепельницу окурок «Стюардессы». – Не в первый раз. Нас е...т, а мы крепчаем. Пошли писать протокол.

В больничном буфете, куда Булгаков спустился через полчаса, было полно народу. У раздачи в несколько рядов теснились молодые врачи и студенты – приходящая публика, вечно голодная и не имеющая постоянной «прописки» в отделениях. Штатные сотрудники могли всегда поесть в отделенческих буфетах – либо больничной пищи, либо принесённых с собой бутербродов.

Антон оценил очередь человек в двадцать пять. Встав в хвост, он дождался бы порции минут сорок – могло и не хватить сосисок. Их и так уже давным-давно ни в одном магазине города не было. На одну порцию гарнира их полагалось две, но многие брали себе по две и по три тарелки – сосиски в «десятке» были вкусные. Буфет даже торговал ими «из-под полы» – желающих «урвать домой» пару килограмм по всем отделениям больницы было хоть отбавляй. Это считалось большой удачей. И врачи, и медсёстры, и многие научные работники с удовольствием «пёрли» домой такую добычу. Есть же одну вермишель с хлебом не хотелось.

Спокойнее было бы вообще «свалить». То есть тихонько подняться в кабинет Самарцева, собрать вещички, и, имея уважительные причины в виде ночного дежурства и полостной операции, покинуть кафедру по-английски. Поесть где-нибудь в общепитовской столовке, там, где нет сейчас таких очередей, добраться до комнаты в общежитии студентов-медиков, упасть на койку и спать!

Мысль была проста, ясна и чрезвычайно соблазнительна. Булгаков уже совсем решил было поддаться ей, когда услышал, как его окликнули. Незамеченная им сразу, родная группа компактным ядром стояла с полными подносами уже возле самой кассы. На Антона возмущённо зашипели какие-то пятикурсники- сосисок хотелось всем, и «шустрил» без очереди пропускали неохотно.

– Это ведущий хирург, главный специалист по холециститам, – поддержали его спереди. – Антон Владимирович, не обращайтесь на всяких студентов внимания. Ваша очередь здесь!

– Он только что после тяжелейшей операции. Спас больную...

– Наш правофланговый...

– Пропустите же профессора!

«Пятаки» кое-как раздвинулись. Было ясно, что кому-то из них сосисок не хватит. Булгаков радостно протолкался вперёд, схватил поднос, поставил на него две уже остывших порции, две стакана светло-коричневого кофе, заплатил в кассу 1р.18 коп. и присел за стол к Агееву. Ещё там оказалась Лена Девяткина, и какой-то взъерошенный неразговорчивый интерн из 4-й хирургии. Тот сидел уже давно, ел не спеша и был глубоко погружён в процесс еды и в свои мысли.

– Ну, чего нам не помог? – спросил Антон у Вани. – Петруха вылетел, встал бы вместо него.

Агеев недовольно поморщился. Видно, он и сам сожалел о неиспользованной возможности. Ведь одно дело – смотреть операцию из-за плеча, а совсем другое – участвовать в ней, пусть даже вторым ассистентом.

– После того, как Ломик Петруху с Гиви погнал... что-то стрёмно стало, – признался он. – Лучше уж в сторонке постоять. Ты-то сам как? Смотри, чтоб тебе теперь не «вставили».

– За что? – Антон откусил сосиску и внимательно посмотрел на товарища.

Агеев пожал плечами. Мимика его лица была скудная, но вполне ясная.

– За что? – переспросил Булгаков. – И кто мне что, и куда, должен «вставить»?

– Ты с Гореваловым зря связался, – вступила в разговор Лена. Это была избыточно добрая некрасивая девушка в очках. Она была на четыре года старше обоих ребят, сама после медучилища и двух лет практической работы медсестрой травмпункта. В институт Девяткина неудачно поступала раза три. Каждая неудача порождала в ней какие-то комплексы. С течением учёбы они только укреплялись и множились. За полгода до диплома она стала бояться всего.

– Лучше было отойти по-хорошему, пусть бы они сами с Ломоносовым разбирались. То, что он тебе даёт что-то делать самому, хорошо, но смотри, чтоб потом боком это не вышло.

– Да пошёл он! – фыркнул Антон избыточно громко. – Да кто он такой, этот Горевалов? Три месяца назад о нём ещё не слышал никто. А теперь, куда ни сунься, везде он. Подумаешь, клинический ординатор!

– Зря ты так, – осуждающе сказала Лена. – Петр Егорович – явно не из простых советских. Сейчас он ординатор, а завтра? Видел, как его опекают? Самарцев, как завуч, с ним по индивидуальной программе. Гиви его лично на ассистенции распределяет. Вот-вот ему самостоятельный аппендицит дадут. Поэтому тебе бы лучше на будущее попридержаться амбиции...

– Да кто он, Горевалов-то? – воскликнул Антон. – Были и до него тут ординаторы – нормальные ребята, я с ними чуть не на «ты», никто так нагло себя не вёл. Он что, комсомольский лидер? Дважды Герой? Бывший советский разведчик?

Насмешливость одноклассника заставила Девяткину и Агеева лишь ёрзнуть беспокойно и незаметно посмотреть на молчаливого четвёртого соседа. Но тот допивал кофе и на субординаторов не обратил ни малейшего внимания.

– Ты б потише, Антон, – попросила Лена. – Кто такой Петруха, никто не знает. Учился на год старше, ничего особенного. На занятиях появлялся мало, общественной работой не занимался. Серость. Говорят, просто купил диплом. А сейчас – сам видишь. Ездит на «семёрке», а их во всём городе ещё штуки две или три...

– Он, вроде, племянник ректора, – неуверенно подсказал Агеев. – Мне Толик – интерн говорил.

– А я тебе скажу совершенно точно – не племянник! И никаких родственников у него в местной медицине нет! – возразила Девяткина. – Он вообще со стороны откуда-то.

Интерн, допив кофе, начал подниматься, и на его стул остающаяся троица сразу же бросила сумки-занято.

– Ну кто он тогда? Из «торгашей»? Сынок директора овощной базы? – презрительно хмыкнул Антон. – Принц-инкогнито из оперы Пуччини «Турандот»?

– Может, из КГБ? – предположил Ваня и сам немного ужаснулся. Произносить грозную аббревиатуру вслух, даже среди абсолютно своих, было довольно рискованно. – Или из космонавтов? А что – сытый, мордатый...

– Ребята, хватит, – оборвала Лена. – А то допредполагаетесь. Ясно, что доктор Горевалов – «блатота», и очень мощная. И лучше не знать, почему блатота – меньше знаешь, крепче спишь.

Я одно знаю – этот мальчик твёрдо решил стать хирургом. И он им станет, причём в кратчайшее время. И мешать ему не стоит. И не трожь гавно – есть же хорошее правило...

Студенты на несколько минут замолчали и принялись усиленно поедать свои порции.

– Всё, молочная сосиска закончилась! – крикнули с раздачи. – Больше сегодня не завезут!

Завтра пораньше приходите!

Очередь, разочарованно загудев, начала распадаться и расходиться. В буфете стало свободнее.

– А Лом- он сам-то кто? – решился спросить Агеев.

– Хирург, – кратко ответил Булгаков. – Но с большой буквы.

– Это я и сам понимаю. Огнестрел у него здорово получился...

– У нас, – поспешил поправить Антон, – это я Виктору Ивановичу тогда ассистировал.

– Ну ты вообще этот... доктор Живаго, – подколот Агеев.

В чём был «прикол», не знали, впрочем, оба. Откуда этот Живаго, положительный он персонаж или нет, ответить никто не смог бы. Но ясно было, что персонаж это сомнительный и вполне годный для дружеской шутки.

– Гигант мысли, отец русской демократии. Но правда, он что, в самом деле доктор наук?

– А что, ходят и такие слухи? – насторожилась Девяткина. – Чего только не придумают.

Булгаков доел вторую порцию, поставил опустевшую тарелку в другую тарелку, взял стакан с кофе. Это был «растворимый кофе» – цикорий, недокипевшая вода, сухое молоко и немного сахара – комнатной температуры. Отпив большой глоток, он ответил:

– Насчёт доктора наук не знаю, но у него зарплата на 90 рублей выше, чем у всех хирургов тут, включая Гиви. Доплата за учёную степень. Так то, что Ломоносов работал в каком-то московском секретном институте старшим научным сотрудником – точно. А СНС меньше чем кандидатом наук быть не может.

– Почему в секретном? – сразу уцепилась Лена.

– Ну, может, и не в секретном, точнее, не в очень секретном. Мне название «Клинический институт экстренной хирургии», например, ни о чём не говорит. К тому же не очень понятно, где он находится – в Москве, но какой-то почтовый ящик... – почти шёпотом проговорил Булгаков и тоже огляделся по сторонам.

Они никогда раньше не беседовали на подобные темы. Вообще-то студентам всегда было о чём поговорить. А подобных тем, таких, которых лучше никогда не затрагивать, они все пять лет учёбы избегали. Но почему? Присяг и подписок с них никто не брал, а вокруг появлялось столько интересного...

– А почему ты так решил? Может, и есть именно такой институт? – возразил Агеев. – Вроде «Склифософского».

– «Склифосовского» он и есть «Склифосовского». «Налетел на самосвал, в Склифосовского попал», – пояснил Булгаков. – Обычная городская экстренка мирного времени. А там, насколько я понял, идёт всякая экстремалка – завалы в шахтах, падения самолётов, аварии ядерных реакторов и подводных лодок, огнестрельные и минно-взрывные ранения. Медицина катастроф... А никаких катастроф в СССР нет и быть не может. Теперь ясно?

– А. Чернобыль, лайнер «Нахимов»... – сообразил Агеев.

– Я так понял, Виктор Иванович и в Афгане несколько раз был, – добавил Антон. – Там ведь настоящая война уже несколько лет, второй Вьетнам. И этих огнестрелов видел...

– А, так вот оно что...

– Только никому! Всё это только мои догадки, ничего мне конкретно Ломоносов не рассказывал, – предупредил Булгаков. -

– Понятное дело. А вылетел – то он за что оттуда? Небось получал хорошо – научная работа, жил в Москве...

– Кажется, аморалка, – хмуро ответил Антон. – У него же сейчас молодая жена, врач-терапевт. Ей лет 27, ну, тридцатника нет ещё. Красивая... С прежней-то он развёлся. Из-за этого, я думаю, он и из «ящика» своего вылетел. Там ведь чуть что, если облик морале не канает, держать не станут...

– А ему сколько? – спросила Лена.

– 52.

– ...

Студенты замолчали. Буфет почти опустел. Техничка начала понемногу вытирать со столов и ставить на них перевёрнутые стулья. Пора было идти в учебную комнату. Субординаторы начали вставать и относить грязную посуду на мойку.

– Только никому, – ещё раз серьёзно предупредил Антон. – А насчёт Петрухи – фигня всё. Ну блатной, ну и что с того? Любой блат не всеобъемлющ. Наглая морда и ничего больше. Пусть отсосёт...

ХП

«Время обновления требует решительного искоренения спекуляции, взяточничества, воровства, хищений, пьянства. Вступивший в действие Указ президиума Верховного Совета СССР «Об усилении борьбы с извлечением нетрудовых доходов» особо подчёркивает роль сотрудников внутренних дел в этой нелёгкой борьбе».

(Советская печать, октябрь 1986 года)

На кафедре госпитальной хирургии Наде Берестовой нравилось всё больше и больше. Этот внезапно заболевший Гафнер, об отсутствии которого вся их группа так сожалела вначале, заболел очень кстати. Самарцев взялся преподавать им основы как положено, и было видно, что без необходимого минимума хирургии с кафедры не уйдёт никто из гинекологов. Лекцию он прочёл кратко, сжато, но очень насыщенно. Потом очень кстати провёл клинический разбор – случай и в самом деле был очень демонстративен. И на обед отпустил вовремя, на несколько минут раньше, так что их группа была самой первой в буфете и смогла пообедать без проблем.

– Интересно, подтвердится ли диагноз на операции? – спросила Галя. – Очень бы хотелось посмотреть.

Надя кивнула. Её сама эта мысль необычайно занимала. Перед глазами всё стояла эта девочка со «страдальческим выражением лица», как писали в старых руководствах. Действительно, что же там? Деструктивный аппендицит или внематочная беременность? Вот был бы номер. Хотя гинеколог и отверг всё «свое», второй вариант по мнению Нади не исключался. Ангельский вид пациентки не мог обмануть её наметанный глаз.

– Хорошо, если б он и взялся оперировать, – добавила Галя. – А то перекинет её дежурному – бегай, ищи по всем этажам.

Подруги решили обязательно пойти на операцию. До сих пор они пару раз видели аппендэктомию на предыдущих кафедрах Общей и Факультетской хирургии, но оба раза больные к их приходу уже были разрезаны и хирурги без комментариев вытягивали в рану слепую кишку с воспалённым червеобразным отростком. Но чтобы вот так, сначала осмотреть больную, а потом уже взглянуть на операцию... это выглядело чертовски заманчиво.

Бегать по этажам в поисках больной не пришлось – Аркадий Маркович, собрав студентов, сразу же объявил, что сейчас сам пойдёт оперировать, и пригласил «желающих» присутствовать. Несмотря на такую благожелательность, последних отыскалось немного – Надя с Галей и Серёжка Говоров. Тот, хоть и числился в группе хирургов, и в отделении должен

был бы ориентироваться как рыба в воде, выглядел неприкаянно, болтался без дела и охотно составил обеим подружкам компанию. Остальная часть их группы была отпущена на «самоподготовку» – это значило, что студенты могут теперь тихонько удалиться с глаз и не мешать врачам заниматься своим делом.

Несмотря на то, что операция готовилась здесь же, во 2-й хирургии, без аборигена Говорова обеим гостям – Берестовой и Винниченко – пришлось бы трудно: оперблок был огромен, и найти в нём нужную операционную было крайне затруднительно. Вдобавок везде шныряли операционные сёстры с закрытыми масками личиками, особы повышенной стервозности. Те только и следили во все глаза за новенькими студентами и были всегда готовы сделать замечание – там у вас волосы из-под шапочки торчат, там шерстяной свитер из-под халата виднеется, здесь слишком близко к стерильному подошли. Накрашенные ногти Гали, покрашенные итальянским лаком, их особо бесили, но для замечания не было формальных причин.

Серёжка сумел минимизировать эпизоды с этими фуриями и провести девушек в ургентную операционную. Показал, где можно взять бахилы, где лучше встать, чтобы было видно.

– Чего это он так старается? – тихонько спросила Галя.

Надя лишь прохладно пожала плечами, показывая, что не понимает её намёка, что услужливость бывшего парня – давно бывшего – дело вполне объяснимое и естественное.

Девчонка уже лежала на столе, и молодой анестезиолог в строгой ультрамариновой шапочке, высокой стоячей шапочке, увеличивающей рост, коротко отдавал распоряжения анестезистке и озабоченно сдувал и надувал руками дыхательный мешок. У стола уже стоял помывочный хирург – тот самый «мэн», который утром сдавал дежурство и произвёл столь благоприятное впечатление. Вид его, облачённого в стерильный халат, в маске, в перчатках, был предельно строг и внушителен. Поначалу Гале и Наде даже показалось, что в последний момент всё переменялось, что Аркадия Марковича не будет и операцию сделает этот молодой хирург. Но пауза тянулась, а доктор продолжал стоять слева от больной, там, где всегда становится ассистент. Было даже несколько жалко, что хирург – не он.

Потом подбежал Самарцев, на ходу вытирая руки салфеткой, что-то спросил у «Пети» – так звали молодого, поругался с анестезиологом – тот, невысокий, нудный, был чем-то недоволен. Дико, что можно быть недовольным, участвуя в операции, которую будут делать два таких замечательных мужика. Странная порода у этих анестезиологов... вот кем Надя уж точно не хотела бы стать.

Потом Самарцев оделся, подошёл к столу и начал. Как ни вытягивали студенты шеи, ничего показательного разглядеть нельзя было. Аркадий Маркович, видимо, старался по высшему разряду – разрез делал очень маленький, косметический, «под труссы».

Операция сразу же затянулась. Вообще на аппендицит, как знали все студенты, отводится стандартных полчаса. Те, кто тратит на это больше, либо сталкивается с большими трудностями, либо не очень ещё уверенно держит скальпель. А так у Самарцева на один разрез ушло минут двадцать. Впрочем, он старался. Движения его были неторопливы. Каждый этап он делал очень тщательно, показательно. Стёкла его очков светло поблёскивали. Сделав что-то, какой-то этап, он останавливался, подзывал студентов, объяснял. Маленький анестезиолог сопел недовольно, порывался что-то сказать. Видимо, аппендицит он серьёзной операцией не считал. Надя различила в его бормотании слово «тягомотина» и внутренне оскорбилась.

– Мы не на спортивном состязании, Сергей Васильевич, – осадил его доцент. – Рабочий день у вас? И у меня тоже. И у Петра Егоровича. А погоня за количественными показателями... важно качество. Так, доктора?

Доктора были вполне согласны. Во всяком случае, Надя. Она никогда не одобряла лихости, особенно в таком деле. Человеческое здоровье! Что может быть важнее? Ничего этот анестезиолог не понимает. С удвоенным вниманием она принялась следить за действиями Самарцева. Залюбуешься – прежде, чем применить скальпель или ножницы, хирург думал, щупал

ткани, рассчитывал. На лбу его явственно надувались тогда вены. Ответственность... Вот уж правда – семь раз отмерь, один отрежь.

Несколько мешал ему и ассистент. Пётр Егорович шумно сопел, избыточно много двигался. Постоянно переступал с ноги на ногу, и то не сразу соображал, где нужно помочь отрезать нить или просушить операционное поле. Самарцеву приходилось напоминать ему об этом. Там же, где нужно было просто замереть с крючками и «показывать», молодой доктор суетился, забегал постоянно вперёд и больше мешал, чем помогал. Надя была уверена, что у неё ассистенция удалась бы лучше.

– А интересно, – сказала она Гале тихо, очень тихо, конфиденциально. Вообще лучше было бы воздержаться с комментариями до потом, но удержаться нельзя было. – Интересно. Этот... Пётр Егорович – он и е...тся так же неуклюже? Рыло...

Галя фыркнула и наступила подруге на ногу. Самарцев покосился на них. Наде стало неудобно. А что, если слышали? Вот позор-то... Нет, лучше молчать.

Постепенно вскрыли брюшную полость, сразу же извлекли аппендикс. Действительно, отросточек был красненький, толстенький, местами покрыт плёнками фибрина – острый флегмонозный аппендицит налицо, диагноз совпал на 100%, тактика оправдана, диагност Самарцев – замечательный. Наде снова стало неловко. Вот тебе и внематочная...

«Чёрт возьми, хирургия – не шуточки, – подумала она. – Нельзя же быть такой идиоткой»...

Воспалённый червеобразный отросток отсекали и приступили к завершению операции. Настроение у всех заметно повысилось. Аркадий Маркович позволил себе пошутить с операционной медсестрой, а у Петра Егоровича стало даже что-то получаться. Он сам завязал два узла, и совсем не запутался. Молодой хирург расправил плечи, выпрямился, с готовностью ухватил снова крючки и стал поглядывать по сторонам. На Надю он два раза взглянул, второй раз определённо с интересом. Даже угрюмый анестезиолог повеселел.

– Можете подойти теперь поближе, – подозвал доцент студентов. – Этап закрытия операционной раны очень важен. Осуществляется он послойно. К сожалению, разрез мал, и придётся вам следить очень пристально. Я, по возможности, постараюсь всё показать. Итак, для начинаем с париетального листка брюшины...

Ничего интереснее Надя в жизни не видела. Анатомические взаимоотношения были ясны и наглядны, показывал и рассказывал Самарцев очень хорошо, просто замечательно. Два-три движения руками, нить, узлы – и края раны смыкались. Получалось у него здорово, так легко и понятно, что не терпелось самой сделать то же самое. Закончили минут за пятнадцать. Хирург поблагодарил помощника, анестезиолога и медсестру, поблагодарил даже студентов, на что те хором возразили – это они должны быть бесконечно благодарны за столь интересную операцию.

– Уча других, сам учишься, – пояснил Самарцев. – Я рад, что вам понравилось.

Обмен любезностями был взаимно приятен. Потом Аркадий Маркович и Пётр Егорович пошли переодеваться, а шестикурсники пустились в обратный путь по оперблоку. И снова Серёжка Говоров вывёл девушек, без него им бы долго пришлось искать дорогу. Операции везде уже закончились, шла уборка, сёстры бегали по «цеху» без масок, замечаний студентам никто больше не делал. Они вышли в коридор отделения. Галка чуть ускорила шаги, и Говоров с Берестовой на некоторое время остались вдвоём.

– Сейчас куда, домой? – спросил он. – Ничего, если провожу?

– Не стоит, Серёжа, – Надя знала, что он предложит свои услуги и далее, поэтому была готова к отказу. – Сама доберусь.

– А что так?

– Как «так»? – Надя неприветливо глянула на сокурсника. Говоров, высокий, жирненький мужичок был ничего так себе, и, не знай его Надя как облупленного, мог бы быть интересен. – Странный вопрос.

– Почему странный? Что такого, если и провожу? – будущий хирург недоумевал вполне искренне. – Можем в кафе-кондитерской у Танка пойти посидеть, если не торопишься. Я тебя так давно не видел...

Вкрадчивые интонации в его голосе не смогли не подействовать. Надя почувствовала даже накат тёплой большой волны, которому захотелось вдруг взять и подставить всё тело. Но как это он себе представляет? Или думает, что ей ничего не известно?

– Серёжа! У тебя ведь свадьба с Анькой через две недели! – остановилась Надя, вглядываясь в собеседника. – Разве нет?

Говоров нахмурился и потупил голову с несчастным видом. У него здорово получалась эта непосредственность – точно он действительно только сейчас вспомнил об Аньке. Ну, артист!

– Так что провожай лучше свою невесту, – посоветовала Надя. – А чужих баб не стоит. Могут не так понять.

– Ну, а что такого-то...

Но Надя не стала дальше слушать – ей стало противно. Вздёрнув повыше голову, она устремила к учебной комнате, предоставив спутнику плестись сзади. Бедненький! Тьфу...

Там уже скучала и дурачилась группа хирургов. Все они уже вернулись, кто из операционной, кто из ординаторской, кто из реанимации – каждый уже имел, чем заняться, к кому из опытных врачей «подключиться», так что в кабинете доцента обязательно собирались только в начале и в конце занятия. Программа сегодняшнего дня была всеми выполнена. Ждали Самарцева для заключительного слова, после которого он обычно распускал группу.

Гинекологи уже разбежались, Надя и Галя были сейчас единственными «пришельцами». Винниченко сидела уже с собранной сумкой и ждала подругу. Она сделала еле заметное движение бровями в сторону вошедшего Говорова. Берестова усмехнулась в ответ и начала снимать со стула свою сумку.

На её стуле уже сидел и дремал небритый Булгаков, так что пришлось его потревожить. Проснувшись, Антон мутно взглянул на Надю, подвинулся и дал ей снять сумку. Девушки уже собрались выйти, но тут как раз вернулся доцент, сел на своё место, не заметив их. Хирурги мигом притихли и уставились на преподавателя.

ХIII

«Партийным организациям следует обратить особое внимание на развитие в вузах, в преподавательской среде критики и самокритики, гласности. Здесь этот процесс явно заторможен. XXVII съезд КПСС провозгласил: ни одной организации, ни одного руководителя не должно быть вне контроля, вне критики»

(Советская печать, октябрь 1986 года)

– Ну что, доктора, подведём итоги, – проговорил Аркдий Маркович, открывая свой преподавательский кондуитик. – Все здесь? Итак, ещё один день закончился...

Момент для ухода стал неудобен, и Винниченко с Берестовой пришлось тоже сесть на свободные места.

– К сожалению, сегодняшний день не относится к числу удачных. Для меня, во всяком случае. В операционной произошёл один неприятный инцидент... – Самарцев сделал паузу и

оглядел группу. Обоих гинекологов он почему-то не замечал. Видимо, в его сознании они уже слились с хирургами.

– Скажите, Булгаков... нет, сначала ответьте, почему вы не присутствовали здесь утром?

– Утром? – почувствовал неприятное Антон. – Присутствовал. Все подтвердят. Я только вас не смог дожидаться, подавал больную.

– Так. А на операцию с Ломоносовым вы помыслись?

– Я помылся.

– А что произошло между вами и Петром Егоровичем?

– Да так... ничего особенного... – замылся студент. – Виктор Иванович заранее взял меня в ассистенты, велел подать больную, к его приходу её уложить и подготовить операционное поле. Этим я и занимался, когда пришёл Пётр Егорович, начал на меня кричать и прогонять. Я понял так, что он не доволен тем, что Виктор Иванович взял в ассистенты именно меня. Вот и всё...

– А мне Пётр Егорович сказал, что вы ему грубили и отказались подчиняться.

– Я ему не грубил. Вообще я выполнял распоряжение оперирующего хирурга.

Самарцев вздохнул, встал из-за стола. Комната была достаточно велика, и он прошёлся взад-вперёд от окна к двери, снова сел. Снова вздохнул.

– Должен напомнить всем присутствующим, – медленно заговорил он, собравшись с мыслями, – что операционная – это не просто рабочее помещение. Это святая святых любого хирургического отделения, так сказать, храм и алтарь. И сегодня, благодаря вот этому студенту, сей алтарь был осквернён.

Субординаторы прилежно слушали. В сторону Антона никто не смотрел.

– Вы все приходите к нам в клинику учиться и учиться. Да, многие считают, что за этот неполный год субординатуры по хирургии вполне возможно освоить специальность, что, едва получив диплом, они тут же начнут самостоятельно оперировать. Это не так. Нельзя объять необъятное за девять месяцев. На то, чтобы прорваться к столу, уходят годы и годы, годы кропотливого каждодневного труда, этапного восхождения. Сейчас вам всего-навсего реально освоить самые азы, начатки нашей профессии, да и то при несомненном перевесе теоретических знаний над практическими навыками. Ваша основная задача на этот год, ваша программа–максимум – это получить диплом, к которому вы стремитесь уже пять лет...

В описываемое время существовала невероятная гамма оттенков речи, с которой вышестоящий обращался к нижестоящим. Кому не приходилось выслушивать поучения старших и стоять, потупив голову, даже чувствуя свою безусловную правоту. Принцип демократии, теперь уверенно победивший и в нашей стране, предусматривает возможность возразить и оправдаться, так что для обличения иной раз приходится привлекать целый штат адвокатов и держаться в рамках закона. На базовые права личности покушаться вообще стало опасным, ибо эти права сейчас безусловно признаются всеми, их усиленно защищают.

Но так было не всегда. Уже стало забываться, как легко можно было усмотреть в невинном на первый взгляд поступке или слове чуждую нам идеологию, попытку подрыва изнутри, идеологическую диверсию или ещё что-то нехорошее. Для желающих проявить принципиальность всегда находилась масса возможностей, и те, кто эту возможность находил и использовал, всегда оставался в выигрыше. Искусством этим Аркадий Маркович владел вполне, и, подперчивая своё обращение к безмолвствующим студентам ленинскими местами, плёл и плёл хитроумную сетку. Выходило умно, красиво, поучительно и убийственно.

Постепенно все студенты проникались чувством вины и готовы были осудить Антона.

– Возможность приблизиться к операционному столу, возможность элементарных манипуляций с человеческими тканями, которую вы получаете в субординатуре, начинает кружить не в меру горячие головы. Начинается погоня за количеством, забвение принципов медицин-

ской деонтологии, желание в буквальном смысле перегрызть глотку ближнему, чтобы урвать кусок себе. Детская болезнь левизны! Вот такую тактику избрал себе Булгаков. Разве не так?

Антон не нашёлся, что ответить. Дурацкий эпизод в плановой операционной, яйца выеденного не стоящий, начал вдруг представляться буквально смертным грехом. Ему стало совсем тоскливо.

– Скажите, Булгаков, что вообще вас толкнуло в медицину?

Самарцев так пристально посмотрел на Антона, что тому ничего не осталось, как ответить.

– Желание помогать людям, – выдавил он.

– Ну, это общее место, – поморщился Аркадий Маркович. – Мы не на комсомольском собрании. Разговор у нас профессиональный, так что будьте искренни. Я вас спрашиваю о другом. Вы вот-вот получите профессию, от которой будет зависеть вся ваша жизнь. А хорошо ли вы её себе представляете?

– Ну, в общих чертах. Это благородная и гуманная профессия...

– Не утрируйте. Вы хоть знаете, с чем вам в действительности придётся столкнуться в течение уже ближайших лет? Если вы судите о хирургии только на основе художественных произведений, то это большая ошибка, Булгаков. Да, нашу профессию воспевают лирики, но все они грешат избыточным романтизмом и страшно далеки от реальности.

Аркадий Маркович снова вздохнул. Видимо, он сильно переживал этот эпизод со своим студентом. Но Антон, вместо того, чтобы самому начать переживать, попытался вдруг возразить.

– Я что-то не очень пойму, в чём тут дело, – глядя исподлобья, произнёс он. – В чём конкретно я виноват? Если я в чём-то таком идеалист и чего-то там не понимаю, то это мои проблемы. А конкретно...

Аркадий Маркович несколько раз снял и одел колпачок ручки. Ручка была хорошая, с золотым пером.

– До чего же с вами трудно! Хорошо, Булгаков, давайте конкретно. Вы находитесь в клинике. Здесь работают врачи. Отношения между ними порой непростые, и обсуждать их с вами, пока вы не получили диплом и сами не стали врачами, я, естественно, не могу. В коллективе достаточно сложностей, как и везде, где работают люди. Ваша задача – в своём рвении овладеть азами хирургии быть просто тенью, призраками, зрителями, но не в коем случае не участниками событий! И ни в коем случае не вмешиваться в отношения между врачами, не провоцировать конфликты своим присутствием!

– Я ничего не провоцировал...

– Он вообще молчал, – внезапно вступился Агеев. – Все видели.

– Вас, Агеев, пока никто не спрашивает. Нет, Булгаков, конфликт именно вы спровоцировали, – не дал себя сбить Самарцев. – Есть чёткий порядок. Есть установившаяся иерархия. Ваше поведение в народе называют «поперёк батьки в пекло»...

– Так что мне, уйти, что ли, нужно было?

– Именно так! – Самарцев бросил ручку, вскочил и снова заходил по кабинету. – В данном случае нужно было не уходить, а перейти на место второго ассистента, проявив элементарное уважение и благоразумие! А вы что делаете? В своём стремлении «технарить», набить себе руку, вы идёте по головам, не считаясь с окружающими! Такие горе-хирурги нам не нужны. К тому же вы ещё не имеете формального права участвовать в операциях, не являясь ни юридическим, ни должностным лицом. А за все ваши подвиги отвечаю я, как преподаватель. Хирургия не терпит мальчишества! Запомните это. Ужасно всё это. Ужасно.

И преподаватель, и группа немного помолчали.

– Ладно. На этом закончим сегодняшнее занятие, – объявил доцент. – Надеюсь, что случай был достаточно поучительный, и вы все сделаете для себя выводы. Хочется верить, что за

оставшееся время до конца вашего обучения мне не придётся больше краснеть ни за кого из вас. Можете расходиться. Булгаков, останьтесь ещё на две минуты...

Группа тихонько покинула кабинет, оставив студента и преподавателя одних. Антон продолжал сидеть нахохлившись, Самарцев смотрел в окно, заложив руки за спину. Расстояние между ними было максимально возможным. Даже постороннему наблюдателю ясно стало бы, что сцена составляет принципиальная, что происходит крупный разговор, из тех, что так любят современные кинорежиссёры, воспевающие людей труда и их непростые взаимоотношения.

– Надеюсь, что вы меня поняли. Вы же неглупый человек, Булгаков. В отделении давно работаете, знакомы с нашей кухней. – Аркадий Маркович медленно повернулся. – Неужели вы и до сих пор считаете, что правы?

Антон несколько затруднился с ответом.

– Ну... – тщательно подбирал он слова, – ну, теоретически – нет, но практически – да.

– То есть? Что за галиматья – «теоретически», «практически»? Кривите со мной душой, Булгаков? – Самарцев очень внимательно взглянул на Антона. – Или не хватает честности? Ваш дуализм прикрывает собой либо бесхребетность, либо наглость. Оба качества не красят будущего хирурга. Разве не так, Булгаков?

Антон решил молчать и больше не вступать в спор. Спор с Аркадием Марковичем, он знал, закончится либо поражением, либо новыми обвинениями, вплоть до таких, после которых Самарцев, как честный человек и коммунист, обязан будет поднимать общественность – сообщать в деканат и в комсомольскую организацию.

Доцент подождал немного, потом сел прямо перед Антоном, взглянул на него с пониманием. Кажется, он искренне желал студенту добра.

– Я ещё хорошо помню то время, когда и сам был молод. Вы всё же мне чем-то симпатичны, Булгаков. Хотите хороший совет? Извинитесь перед Петром Егоровичем. Нет, ничего сейчас не говорите – мне и так понятно ваше возмущение. Лучше послушайте. Послушайте, – Самарцев снова встал.

Вообще по натуре он был, что называется, «живчик», и долго находиться в одном положении не мог, особенно, если нервничал или волновался. Неприятный разговор со студентом тем более не оставлял его спокойным. Аркадий Маркович поправил очки, и задумчиво, не спеша, с огромным желанием убедить, закончил:

– До диплома вам осталось совсем немного, два шага. Но если вы считаете, что он уже у вас в кармане, вы ошибаетесь. Вы даже не знаете, сколько подводных камней лежит на этом коротком пути. Время сейчас сложное, и любой неосторожный поступок может осложнить жизнь, да так осложнить, что потом никогда себе этого не простите. Избегайте неприятностей, Булгаков, избегайте. Докажите всем свою зрелость – извинитесь перед старшим товарищем.

– И ещё – вы очень плотно работаете с Ломоносовым. Доктор он опытный, но у него имеется ряд качеств, по которым он не годится вам в наставники. На вашем месте я бы подобрал себе другую кандидатуру. Вот и всё. Надеюсь, вы хорошо подумаете над моими словами. А сейчас вы свободны.

XIV

«У нас в Вологде есть единственный специализированный магазин по продаже грампластинок, и тот, к сожалению, не фирменный»

(Советская печать, октябрь 1986 года)

Булгаков вышел из учебной комнаты. За дверями его ждали Девяткина и Агеев. Лица их были тревожны.

– Советовал просить прощения у Петрухи и держаться от Лома подальше, – проинформировал их Антон. – Ссыкун...

– Я тебе говорила, – покачала головой Лена. – Вот видишь, до чего дошло.

– Дедовщина в хирургии! Да пошёл он вместе с этим чмошником толстомордым! – излишне громко сказал Булгаков. – Ещё чего- извиняться! А завтра что? В ж... его целовать? Блин, если б знал, что тут такие порядки, лучше бы в терапевты подался.

– И что, не будешь извиняться? – спросил Агеев.

– Конечно, нет! Ещё чего! Вообще нужно подойти к Петрухе и в морду дать, наш ответ Чемберлену...

–А нтон! Ты чего развоевался? Извинись! – вскричала Девяткина. – Перед кем другим не стоило бы, а перед Гореваловым извинись. Не иди ты против всей кафедры, вот получишь диплом...

– Да что вы точно все сговорились- «диплом, диплом!»! – передразнил Антон. – Да как они могут мне диплом не дать? У меня пять лет учёбы за плечами, и ни одной тройки в зачётке. Да и при чём тут «вся кафедра»? Самарцев и Горевалов – пара сук-карьеристов... Узок их круг, страшно далеки они от народа! Наше дело правое! Ладно, идите, у меня ещё дела. Нужно к старшей зайти насчёт аванса...

– Как аванс, так сразу – «идите», – ухмыльнулся Агеев.

– Он у нас богатенький Буратино...

К старшей сестре Булгаков зашёл напрасно. Аванса сегодня давать не собирались, хотя и было законное 21-е число, и всё отделение, включая и заведующего, ходило разочарованное. Во- вторых, Антону попало за то, что после проверки в шприцах, отнесённых им в стерилизацию, остались следы крови. Старшая потребовала тщательно соблюдать все правила мытья инструментария, особенно предварительную замочку в моющем растворе. В третьих, завтра в ночь выходить на второй пост некому было – медсестра Сабанеева позвонила и объявила, что не выйдет, заболела тётка.

– У неё же эта тётка умерла два месяца назад, – удивился Булгаков.– Ирка ещё на похороны неделю брала, я ж за неё в августе работал.

– Это уже другая тётка, – устало ответила «старшуха». – Наверное, снова богатые хачики попались, на море повезли. Вернётся загорелая до оть...нная, небось ещё одни кожаные штаны себе заработает. Блядва... Ну что делать, Антон, выйди ты на смену. Смирнова одна на два поста отказывается.

– А кто из хирургов дежурит?

– Самарцев.

– Тогда не могу. Мне его на занятиях хватает...

– Антон, ну некому же!

– А вы Нинку Краснокутскую поставьте, – мстительно предложил Булгаков. – Она совсем нюх потеряла, только жопой крутит, а врачебные назначения выполнять отказывается. Сегодня чуть не два часа упрашивал её премедикацию сделать. Это куда годится?

– Она у меня единственная «дневная». Ты ж знаешь! И что вы с ней никак не поладите – она на тебя мне постоянно жалуется, ты на неё. Сводил бы девочку в кино... Хорошая ведь девчонка. А готовит как? Сыр сама делает!

– Она не в моём вкусе...

– Чего тебе ещё надо, собака? Антон, ну выручай, детка. Выйди в ночь завтра. Будь хорошим мальчиком Бананамом...

Выйдя из кабинетика старшей, который располагался напротив кабинета заведующего, Антон столкнулся с Виктором Ивановичем, тот выходил от Гаприндашвили. Длинное морщинистое лицо хирурга было очень кислое, точно он сейчас раскусил целый лимон.

– Получал п...лей, – кратко объяснил он. – Якобы за некорректное поведение в операционной. А ты?

– И мне досталось, – скромно ответил Антон. – Доцент прочёл лекцию по деонтологии и субординации. Осквернил я им, козлам, храм, видите ли. Извиняться перед Горем заставляет...

– Да-а, – хмыкнул Ломоносов. – Сейчас куда?

– В общагу, отсыпаться. Куда ж ещё? Завтра опять дежурить- Ирка Сабанеева, сука, снова не вышла...

Как видит читатель, Антон перенимал у своего «сэнсея» не только хорошее.

– Подожди-ка меня на выходе. Вместе пойдём...

XV

«На наших глазах родилась эта замечательная традиция. Уже много лет подряд в день коммунистического субботника мы встречаемся с прекрасным искусством музыки. К нам приезжает наш давний друг – Государственный симфонический оркестр Союза ССР»

(Советская пресса, октябрь 1986 года)

С окончанием рабочего дня отток персонала и студентов из всех 31 отделений «десятки» был не менее впечатляющ, чем утренний приток. В 15.00 лифты, коридоры и лестницы переполнялись медиками. Все со счастливыми лицами спешили покинуть стационар и заняться делами. Особенно людно было внизу, в холле и в раздевалках.

Антон всегда переодевался в своём отделении в сестринской, поэтому спокойно забрал куртку из прокуренной комнатки и спустился. В гардеробе давились сразу несколько групп. Гардеробщица была одна, пожилая хромая женщина. Хоть она и приносила в обеих руках сразу по нескольку курток и плащей, желающих получить верхнюю одежду назад становилось всё больше и больше.

Антон покачал головой, усмехнулся. Как штатный работник больницы, он имел способы обходить такие столпотворения. Затем вышел на широкое, просторное крыльцо, вынул полпачки болгарских сигарет «Феникс», прикурил у Говорова, который тоже стоял там и ждал кого-то. Одногоруппники почти не разговаривали. Они терпеть не могли друг друга друга. Следом вышли трое подружек- Берестова, Винниченко и Кравцова, смеясь, начали спускаться по ступенькам. Говоров поспешил за ними. Булгаков равнодушно проследил, как он схватил Надьку-Крупскую за руку. Как что-то говорил, как та вырвала руку и пошла за остальными, как Говоров бросился за ней.

Антон вздохнул. Там, где появлялась Берестова, всегда начинались истории. Её всегда кто-нибудь ждал после занятий, одна она никогда не уходила.

«Давалка, – с неприязнью подумал Булгаков. – Дешёвка. С кем только не трахалась...»

Причина столь сурового и презрительного мнения об однокурснице заключалась в том, что Берестова уже давно и безнадежно нравилась Антону! В самом начале первого курса (был он или приснился, этот первый курс – так, казалось, давно он был, в другой, не в этой жизни) они даже немного дружили. Он несколько раз провожал её домой после занятий. Два раза ходили в кино и один раз, после первой стипендии, посидели в кафе-кондитерской.

Антон тогда был развитый невинный мальчик-отличник, мечтавший облагодетельствовать человечество. Он был уверен, что обязательно придумает лекарство от рака или станет гениальным хирургом, или откроет что-то глобальное. Например, способ находиться на любой глубине без дыхательной аппаратуры. Надя тоже мечтала о научных лаврах, хотя была не столь романтична. Её идеалом была женщина-хирург, перwokлассный специалист и «очень ухожен-

ная», такая, в которую обязательно влюбишься. Сама же она больше всего любила бы свою работу и была бы несчастна из-за этого в личной жизни.

Молодые люди много спорили об этом. Спорили о русской классике, которую оба знали слишком хорошо для средней школы, спорили о том, нужно ли будущему хирургу изучение общественных наук. Спорили по поводу только появившегося тогда фильма «Через тернии к звёздам», а так же по поводу фильма Андрея Тарковского «Сталкер» – Наде он очень понравился, а Антону нет, он даже ушёл с середины показа. Каждый раз, когда они встречались, между молодыми людьми начинался спор- вернее, не спор, а словесная игра, кто больше читал, кто скорее догадался, кто вернее может дать определение чему-то.

Такая честная, открытая дружба-игра тянулась два или три месяца и закончилась как-то сама собой. Их группы в октябре разбили по расписанию, и встречаться на занятиях стало затруднительно. По вечерам нужно было заниматься упорно – учёба, особенно анатомия, требовала многочасовой зубрёжки. Поэтому до Нового года встретились всего несколько раз, а там подступившая сессия заставила забыть друг о друге.

Попытку возобновить отношения Антон сделал в начале второго курса. Тогда, проучившись один год, студенты разъехались после сессии и впервые встретились на кафедре биохимии после летних каникул. Антон был очень рад оказаться рядом с Берестовой на первой лекции и после занятий бросился с энтузиазмом провожать прежнюю подругу. Но Надя стала какая-то новая. Лето она провела на юге, вернулась похудевшей, загорелой, повзрослевшей, и на бывшего «ухажёра», который не подходил и не звонил несколько месяцев, смотрела с удивлением. Кажется, он совсем не изменился и ничего, кроме гуляний вечером под ручку по проспекту Ленина и эпизодических походов в кино, предлагать не собирался.

У неё уже было, с кем гулять и ходить в кино, и не только. Наде исполнилось 18, и она считала себя достаточно взрослой. В настоящее время у неё был приятель, женатый лётчик с военного аэродрома. Он служил в Германии, был в Венгрии и в Чехословакии, рассказывал интересно, ездил на своей машине, водил в ресторан, словом, был «мэн» что надо. В настоящее время этот роман, завязавшийся в июле в Алуште, был в самом разгаре. Более того, на неё «положил глаз» Вася-Триптофан (по фамилии Трифонов-Кафтанов) с пятого курса, поэт и гитарист, неприменный участник художественной самодеятельности, известный всему институту весельчак и повеса. Триптофан звал на выходные в Москву, куда он уезжал на слёт студенческой самодеятельности. Жизнь становилась такая интересная! А общаться с этим «умненьким мальчиком», играть в его школьные игры, у неё никаких причин уже не было.

Антон, получив отказ, повёл вдруг себя глупее некуда – начал всюду ходить за Надей, ждать её после занятий, звонить, приставать с какими-то разговорами и упрёками, страдать, тосковать, напиваться, пропускать лекции – в общем, достаточно скучная и банальная история, вспоминать которую было тяжело. Вскоре их отношения совсем прекратились, они перестали и здороваться, и замечать друг друга. Если случалось отозваться друг о друге третьему лицу, отзывались очень отрицательно. Впрочем, внезапная и агрессивная антипатия после периода безмятежной дружбы свойственна многим людям, особенно, если в ходе отношений они меняли взгляды на жизнь или просто выросли.

Его легонько стукнули по плечу, и Антон, очнувшись от мыслей, увидел долговязую фигуру Ломоносова в пальто и шляпе, начавшего энергично спускаться по ступенькам. В руке он держал вместительный портфель. Булгаков поспешил за ним. Молча они дошли до остановки, молча втиснулись в переполненный трамвай. Молча проехали шесть остановок и молча вышли.

Остановка называлась «Шпалопропиточная» и славилась единственным на весь город, не закрытым пивным баром. Это был вместительный павильон человек на триста, пиво разливалось из автоматов по 20 коп. поллитра.

Медики так же молча пролезли в дырку забора, срезав себе путь, и оказались перед серым жестяным павильоном. Внутри многоголосо гудело, из дверей валил табачный дым, чувствовалось, что бар переполнен. На улице под начавшимся дождём мокла очередь человек в пятьдесят. Судя по выражению их лиц, единственным их желанием было поскорее попасть внутрь, но из бара почти никто не выходил, а патруль из четырёх крепких дружинников с повязками на рукавах следил за порядком крепко: впускали один на один- один выходит, один заходит.

Виктор Иванович и студент некоторое время подождали, потом Ломоносов тронул товарища за рукав и они пошли прочь. Через два квартала начинался небольшой скверик. Хирург выбрал скамейку посуше, сел и показал на виднеющийся в конце аллеи гастроном.

– Сбегай, возьми там бычков каких-нибудь в томате и спизди стакан, – коротко приказал он.

– А зачем, Виктор Иванович? У вас что, выпить есть?

– Гляди сюда, – Ломоносов приоткрыл портфель и, оглянувшись, показал Булгакову два горлышка коньячных бутылок, завёрнутых в белую бумагу. – От мужа Маринки презент нам с тобой. Понял? Дуй.

Вскоре Антон вернулся. На закуску он принёс полкило вафель, мочёные яблоки и два шоколадных батончика.

– А что, существенней ничего, что ли, не было? Сырок там какой-нибудь или хотя бы тушёнка? Что ты такую херню принёс? – спросил хирург. – С такой закусью и такой коньяк?

– Не было, Виктор Иванович. Я хотел сыру взять, но там как раз завоз масла сливочного и творог выбрасывают, бабок у прилавка полно, не подойдёшь. А с тушёнкой в стране напряжёнка...

Гранёный стакан, который затем Булгаков вынул из-за пазухи, он незаметно стащил в буфете. Дождь перестал, но всё равно было сыро и противно. Сели на лавочку. Ломоносов пристроил портфель боком у себя на коленях, приоткрыл, разложил закуску. Ловко откупорив одну из бутылок, он налил полстакана и заткнул горлышко. С бутылками Виктор Иванович обращался умело.

– Одним глотком, быстро, – скомандовал он.

Едва Булгаков перелил обжигающую жидкость себе в рот, старший забрал у него стакан, налил себе и глотнул залпом. Пока Антон с выступившими на глаза слезами ковырялся в портфеле и жадно сосал мочёное яблоко, капая себе на брюки, Ломоносов молодецки нюхнул рукав и медленно полез во внутренний карман, вынул измятую пачку болгарских сигарет «Стюардесса», выщелкнул сигарету, закурил, удовлетворённо пыхнул. Потом засунул пачку обратно, нашел руку Антона, вложил ему в ладонь что-то и сжал. Булгаков моментально покраснел и начал всовывать сложенную бумажку обратно.

– Ты что- дурак? – строго спросил Виктор Иванович, сверкнув очками. – Дурак?

– Нет, не дурак. Но...

–Твоя доля. Ну, хули вскакиваешь? Спрячь и не елозь.

– Нет! Виктор Иванович, я не могу. Нетрудовые доходы! Заберите...

– Сейчас! Комсомолец, блять. Спрячь, я сказал! – прикрикнул старший. – Сказано – твоё, значит, твоё. Самый что ни на есть трудовой доход, только без налога государству. Экий ты мудака, Булгаков. Всю жизнь на зарплату жить собираешься?

Антон угрюмо отвернулся и брезгливо спрятал бумажку, не глядя на неё и не разворачивая. Ломоносов повеселел.

– Так-то лучше. Ну, проскочила первая? Эта самая трудная, дальше лучше пойдёт. Нака ещё соточку... Ёбнул? Ну вот, молодец...

Хлебнув ещё полстакана, Антон моментально ощутил тепло, прилив сил и необыкновенную ясность мышления. Он скушал пару вафель, вытер с губ крошки и закурил. Рядом сопел и дымил сигареткой Ломоносов. Дождь давно перестал, и в парке уютно темнело.

– Слушай, хорошо, что мы в этот гадюшник не пошли, – заметил он. – Вот же хуйня какая вокруг творится – не посидеть нормально, не выпить... Так что, говоришь, Самарцев тебя ругал?

Антон вкратце рассказал о разговоре с доцентом. Виктор Иванович выслушал не перебивая, только сигареты менял часто, прикуривая одну от другой и шурился.

– Я давно замечаю, что Аркаша-карьерист Петрухе жопку лижет, – проговорил он, – но чтобы так старательно... И Гиви за него теперь вступается, хотя сначала только плевался. Это интересно. Всяких уродов я видел в хирургии. Но чтоб так нагло себя вели...

– Послушайте, Виктор Иванович, в чём здесь дело? Откуда такой неограниченный блат? – очень сильно оживился Булгаков, всем корпусом разворачиваясь к своему учителю. – Ну учатся у нас – сын нашего декана, дочка профессора Карпенко с кафедры урологии. Ну, не без заносов ребята, но не борзуют. А вот откуда этот Горевалов? Что он не институтский, то есть не сынок никого из профессорско-преподавательского состава, мы уже выяснили. Но откуда он тогда?

– Похоже, орудует очень серьёзная мафия... – медленно проговорил Ломоносов. – Я не знаю. Фамилия неизвестная, ни у кого из центрального городского начальства такой нет.

– Может, он не прямой родственник...

– Может. Но всё равно странно – сейчас влиятельными родственниками хвастаются на всех углах. А хули ж тогда он скрывает?

– А если они из КГБ или из партийных сфер? Там же все засекречены.

– Не до такой степени. Сейчас гласность, Антон. Да и чего скрывать, даже если и из КГБ? Да пиз@дни он такое кому-нибудь по секрету, так завтра все знать будут, только молчать-бояться. Нет, тут что-то не то. Впрочем, х... с ним, – Ломоносов скривился и начал возиться с бутылкой. – Хирург только из него гавённый получится, как бы Сам и Гиви не шестерили.

– Но если давать оперировать, то быстро ведь руку набьёшь? За два года, наверное, можно, – ревниво заметил Антон. – Вон, в 3-й хирургии Емельянов младший, интерн, сын заведующего. Так батя его натаскивает, на все свои операции берёт, первым. Толик хвастался, что уже сам торакотомию делает...

– Чего? – остановился Ломоносов и уставился на Антона. – Ты в цирке был?

– Где? В цирке? Был в Москве... в детстве...

– Видел там номер – медведь на коньках?

– Видел, по телевизору.

– Значит, можно медведя научить на коньках кататься?

– Можно...

– А чемпионом по фигурному катанию такой медведь стать может?

– Не может.

– Вот так и наша профессия. Оперировать обучить можно – натаскать, вдолбить, отшлифовать технику. Хули, если руки есть. Одну только вещь нельзя сделать – сделать дурня хирургом, ибо хирург – это чемпион...

– Так, граждане, распиваем? – раздался звучный радостный голос. – В общественном месте? Сержант Крапивин. Документики попрошу ваши.

Рядом с «пьющей» скамейкой незаметно появился рослый, румяный милиционер с рацией и кобурой на ремне. Картинно отдав честь, он протянул руку в перчатке за документами. У Булгакова неприятно засосало под ложечкой. Ещё не хватало! Вот и попались. Сейчас мент узнает кто они и откуда, а потом на институт придёт письмо о распитии студентом Булгаковым спиртных напитков в общественном месте. Дальше последует вызов в деканат, проработка на комсомольском собрании... диплом вдруг показался Антону далёким, как никогда и весьма призрачным.

– А в чём дело, сержант? – высокомерно спросил Ломоносов. – Мы, кажется, сидим тихо, не нарушаем, в кустах не ссым.

– Портфельчик ваш откройте. Не хотите? Тогда документики. Или пройдёмте в отделение, оформим протокольчик.

Ломоносов засопел и снова полез во внутренний карман, порылся там и протянул милиционеру какой-то документ в обложке.

– Ты посмотри повнимательней, – попросил хирург. – Там всё написано.

Сержант перелистал записную книжку, нашёл какой-то листочек, незаметно вынул его, спрятал в карман. Улыбнувшись, он вернул книжку владельцу, снова взял под козырёк.

– Всё в порядке, товарищи. Показалось. Пока сидите. Только не засиживайтесь – у меня через час смена.

– Поняли, сержант. Сейчас закончим...

Милиционер повернулся и пошёл дальше по аллее. Ломоносов хмыкнул.

– Во бля, жизнь настала, – вздохнул он. – Ещё хорошо, что нам служивый попался, четвертак, сука, взял. Но с этими ещё хоть как-то договориться можно. А вот если б дружинники – то всё, хана. От тех не откупишься. Друг на друга стучат... комсомольцы. Эти б в отделение поволокли.

– Виктор Иванович, – тихонько спросил Булгаков, всё ещё не веря, что опасность уже позади, – вы ему что, двадцать пять рублей дали?

– А сколько ты бы дал? Десятку – мало. Нет, десятку он бы взял, только сидеть бы здесь не дал, погнал. А так он нас ещё час поохраняет. Деньги, сука. За деньги сейчас всё можно.

– Не всё, – сердито ответил Антон. – Деньги не делают нас.

Ломоносов иронично глянул на младшего товарища, презрительно усмехнулся.

– Эх ты, комсомолец! До чего ж у молодёжи мозги засраны. Думать надо больше, смотреть по сторонам и думать. Не думаешь ведь ни х... Всё коммунизм строить собираешься.

– «Всякое умаление социалистической идеологии, – не то в шутку, не то всерьёз, процитировал основоположника Булгаков, – влечёт за собой наступление идеологии буржуазной»...

– Ладно, давай ещё по пятьдесят – что-то холодно становится...

Новая порция пятизвёздочного коньяка помогла быстро забыть о неприятном инциденте. Снова закурив, заговорили «о бабах». Ломоносов поинтересовался, почему Булгаков до сих пор не «трахнул» Краснокутскую.

– Хотя я уже старый, но с ней без целлофанового пакета говорить не могу, – признался Виктор Иванович. – Мозгов нет, но бабец первоклассный. Ты ей нравишься. Кинул бы палочку- и тебе веселее, и ей радость. И всему коллективу развлечение.

– Виктор Иванович, а зачем пакет целлофановый?

– Драчить, – без тени смущения признался пятидесятилетний доктор. – Она же настоящая провинциальная секс-бомба в белом халатике. Мне уже не светит, не даст, а тебе как два пальца. Кстати, у неё своя квартира на Героев Сталинграда – знаешь?

– Да знаю, она как-то говорила...

– Ну так что ты время теряешь? Ты уже без пяти минут врач! Хирург!! Давай засаживай ей и волокни её в загс, пока другие шустрее не оказались.

– Жениться?! Виктор Иванович, вы серьёзно?

– А что? Велика важность! «Бабец» это я сейчас сторяча пизд@нул... Честная, порядочная девушка. А не понравится тебе семейная жизнь – разведётесь, делов-то. Главное, у тебя прописка в К... будет.

– Жениться ради прописки?! За кого вы меня принимаете?

– З а мудака!! – чуть не во весь голос крикнул седой хирург и чуть не уронил с колен портфель. – Без прописки ты никто, нуль, меньше нуля, отрицательная величина! Как ты распределяться без прописки думаешь? Мозги есть?

– Ну, придумаю что-нибудь, – неуверенно ответил Антон. – К родителям в Щорсовку, конечно, не поеду. Распределюсь куда-нибудь. На Север... там зарплаты большие.

– На Север! За длинным рублём желающих знаешь сколько? В Москву меньше желающих! На Север!

– Потом, в Новоплатонове больница строится... там 80-коечная хирургия...

– Чего? В Новоплатонове? Да ты хоть был там? Там ещё фундамент не заложили! Да и кому ты в этой больнице нужен? Там штаты в хирургии на 100 лет вперёд уже набраны. Ну скажи – кому?

– Ну, там дежурства какие-нибудь пока возьму...

– Ты безнадёжен, – объявил Ломоносов, разливая снова. – Ты хоть вокруг себя иногда смотришь? Хороший ты парень, Антон, не трус, не стукач, но – мудака. Страшный мудака, клинический. Я не со зла, я любя тебя это говорю. Пять лет назад я бы тебя к себе в отдел взял не задумываясь. Но это я, и то пять лет назад. Запомни – никому ты здесь не нужен. Никому. Если не хочешь попасть в глухую деревню...

– А что деревня? Что вы меня все деревней пугаете? Ну деревня, ну и что? Три года можно и в деревне отработать, опыта набраться. Зато потом...

– Пей лучше, – угрюмо сказал Ломоносов. – А вообще с такими высокими принципами, как у тебя, нужно было или на тридцать лет раньше родиться, или не родиться совсем.

– Ну вот, не повезло мне – родился я в семье коммунистов.

– Происхождение тебе сейчас точно не поможет. А вообще, человеку, прежде чем родиться, нужно принять 150...

Закончив первую бутылку, принялись за вторую. Виктор Иванович предложил поехать и «немедленно выеб@ть Краснокутскую», после чего начал вставать со скамейки, собираясь осуществить своё намерение. Стало ясно, что уже пора ехать домой. К тому же час, обещанный сержантом Крапивиним, истёк, и с минуты на минуту в сквере могли появиться новые стражи порядка или команда храбрых дружинников, что ещё хуже. Начало темнеть, кое-где зажглись фонари.

Булгаков повёл слабеющего наставника к остановке трамвая. Ломоносов что-то бормотал, про то, что «довели страну» и сказал что-то нехорошее в адрес Генерального секретаря ЦК КПСС.

Становилось ясно, что в общественном транспорте лучше не ехать. Антон остановил такси, усадил Ломоносова, сел сам и назвал адрес его общежития.

– Пятёра, – бросил водитель.

– Как... пять рублей?! Всегда ведь трояк был!

– Жизнь дорожает. Вас двое. За двоих- пятёра, и это ещё по-божески...

Пришлось смириться. Доехали минут за двадцать. Виктор Иванович жил в общежитии Трубопрокатного завода, Булгаков уже бывал у него несколько раз. Расплатившись, он вытащил крепко заснувшего товарища из машины и почти понёс к проходной.

– Это что? Это ещё куда? – заголосила вахтёрша, увидев пьяненькую парочку. – Куды прётесь в нетрезвом виде? В общежитии запрещено! Вот я сейчас наряд вызову, чтоб в вытрезвитель вас отвезли!

Она выскочила из-за своего стола и встала на пороге, растопырив руки, намереваясь умереть, но не пропустить пришельцев. Вдруг суровое лицо её исказилось гримасой сочувствия. Она узнала Ломоносова.

– Виктор Иванович! – шёпотом воскликнула вахтёрша. – Мать честная! Где же ты так напился? Ведь только три дня назад обещал мне, что не будешь, и опять... Пошли, пошли быстрее, пока никто не видел, веди, парень, а я пока лифт вызову.

Пока везли Ломоносова на восьмой этаж, вахтёрша успела сообщить Булгакову, что Виктор Иванович спас её сына, когда парня порезали ножом на дискотеке, что он оперировал зло-

качественную опухоль её сестре, что после операции та уже два года как заново родилась, что это «хирург от бога», что человек он хороший, душевный, что вот зачем только пьёт... Если увидит староста этажа или комендант, или из Заводского комитета кто-нибудь- выселят тут же, и на то, что врач, не посмотрят, и ему, и ей достанется...

XVI

«Возмущение моё было велико, и я сказал об этом факте на партийном собрании как раз по поводу июньского Пленума ЦК КПСС. Правда, я сотрясал воздух, потому что ни А. Синицына, ни Ю. Пчёлкина на этом собрании не было, как не бывает их на других важных партийных собраниях»

(Советская печать, октябрь 1986 года)

Времени было только шесть часов, основная масса обитателей общежития была ещё на смене, коридоры пустовали и обмякшего хирурга удалось незаметно довести до двери комнаты №814. Антон постучал. Изнутри послышались стремительные шаги. Дверь распахнулась, чуть не задев хозяина по носу. В проёме появилась высокая черноволосая молодая женщина в потёртых джинсах и клетчатой рубашке, слишком красивая для общежития. Эта мысль обязательно приходила к каждому, кто впервые видел её здесь.

– Спасибо, Вера Мироновна, – сразу же сказала эта длинноволосая брюнетка, мгновенно оценив обстановку и метнулась назад, освобождая дверной проём. Внутри сильно и вкусно пахло жареной рыбой. Антон и вахтёрша ввели – внесли Ломоносова в маленький коридорчик и закрыли дверь. Хозяйка квартиры появилась вновь, что-то быстро сунула Вере Мироновне в кармашек халата и подхватила Виктора Ивановича с её стороны.

– Повели в комнату, Антон, я диван разложила. Там и уложим его.

– Ой, Маргариточка, вы что? Заберите-заберите, вы за кого это меня принимаете? – вахтёрша моментально выхватила из кармана сложенную пятирублёвую бумажку и бросила на крышку обувного ящика, не разворачивая. – Это ещё что? Да я тридцать лет была ударницей Электролизного цеха! На Доске почёта висела! И до сих пор, между прочим, вишу, хоть уже два года на пенсии! Ишь чего придумали! Служанка я вам, что ли? Я- советская вахтёрша и при исполнении сейчас! Виктор Иванович мне сына и сестру спас. Я ему по гроб жизни обязана. А ты мне деньги суешь! Обидеть хочешь?

– Извините, Вера Мироновна, – с некоторой досадой отозвалась та, – простая благодарность, но если для вас это оскорбительно, то ещё раз извините, и большое спасибо, что вы помогли Вите. Если б не вы сегодня дежурили...

– Ой, уж не знаю. Беда с ним – спивается ведь мужик. Время-то сейчас какое? Горбачёв-то как за алкаша взялся? Чуть не тридцать седьмой год мужикам устраивает! О господи, да будет воля твоя...

Вахтёрша, вздыхая и сетуя на «порядки», ушла. Антон и Маргарита дотащили Ломоносова до дивана, положили. Булгаков помог женщине снять с хирурга очки, пальто и ботинки. Она немного постояла над ним в раздумье – снимать ли всё остальное или нет. Виктор Иванович что-то пробормотал довольно и повернулся на бок, поджав колени к животу. Ему подложили под голову подушку, укрыли толстым шерстяным пледом и оставили спать так. Женщина деловито открыла мужнин портфель, скривилась, вынула оттуда одну полупустую, другую совсем пустую коньячные бутылки, остатки яблок и вафель, неодобрительно посмотрела на Антона. Тот развёл руками, повесил голову, и начал одевать ботинки, собираясь уходить.

– Голодный? – вполголоса спросила она. – Небось и не закусывали? То-то Витюшу так развезло. Ладно, подожди, Антон. Я зубатку пожарила, думала, придёт и поужинает. Но

похоже, Виктору Ивановичу не до ужина сегодня. Ты-то составишь компанию? Пока рыба не остыла.

– Нет, Маргарита Густавовна, спасибо, – отказался Антон. – Большое спасибо, пора мне. Меня девушка ждёт...

– Да какая у тебя девушка? – устало спросила хозяйка. – Девушка! Ты же на хирургии чокнутый. Не выдумывай. В крайнем случае подождёт твоя девушка. Давай-ка, снимай куртку, мой руки.

Пока Антон мыл руки под краном в крошечном санузле, Маргарита Густавовна накрыла в миниатюрной кухоньке ужин – сковородку жареной рыбы, картошечку, хлеб, салат из морской капусты, немного варёной колбасы. Справлялась она с этим легко и быстро. Маргарите Густавовне было не более 30 лет, и она была из той породы женщин, которым скуповатой в прочих случаях природой было щедро отмерено и красоты, и ума, и такта.

Прекрасная фигура, чистое правильное лицо, густые длинные волосы с отливом, шея потрясающей длины и наклона, небольшой, но сильный и оформленный бюст... Любая неправильность линии, любой самый маленький изъян выглядели бы вопиюще несоразмерно и попортили бы всё впечатление, но в Маргарите всё было строго подчинено единому плану и замыслу. Уверен, что именно такая женщина встретила когда-то Достоевскому, что именно про Маргариту он сказал бы снова и снова: «красота-страшная сила»!

Никакая мизерность обстановки и невзрачность наряда не могли бы пригасить ослепительность хозяйки №814. Это тем более чувствовалось, что молодая женщина не прилагала никаких усилий нравиться, что пара дешёвеньких пластмассовых браслетов на левом запястье и крошечные серёжки в её ушках никак не могли впечатлять сами по себе, но на ней и они смотрелись что надо. Так же и скудный стол в её исполнении выглядел как стол на царской трапезе в юмористическом фильме «Иван Васильевич меняет профессию».

Булгаков, войдя на кухню, моментально ощутил зверский голод. Теперь никакая сила в мире не смогла бы удалить его отсюда. Он и хозяйка сели по углам стола, Маргарита разложила куски рыбы по тарелкам, не спрашивая Антона открыла початую бутылку, налила коньяк в маленькие рюмки. Не чокаясь выпили, начали есть.

– Оперировали? – спросила она. – И как? Надо понимать, удачно? Это что, презент за операцию? – она щёлкнула по бутылке.

Антон кивнул, усиленно жуя. Зубатка была обалденно вкусная, прожаренная умело, до корочки. На минуту он засомневался, сказать ли Маргарите Густавовне и про деньги – может, эта новость подняла бы ей настроение и сделала снисходительнее к коматозному мужу – но передумал.

– А я на приёме отсидела шесть часов, – объявила женщина. – Хорошо, что вызовов сегодня не было, не пришлось мотаться по этим гнусным рабочим районам. На приёме тоже скукота – одни бабки. Завидую вам – вы хоть оперируете. Если б ты знал, Антон, как я по операционной соскучилась. С каким бы удовольствием я вместо того, чтобы измерять бабушкам АД и назначать им нитроглицерин, провела бы парочку эндотрахеальных наркозов... Участковый терапевт – какая мерзость. Ещё налить? Тебя-то не развезёт?

– Маргарита Густавовна, а почему вы по специальности не устроитесь? У нас в «десятке», я точно знаю, есть вакансии. В анестезиологии нет, но в реанимации есть точно.

– Не берут. Я ходила несколько раз. Виктор Иванович хлопотал...

– А в чём дело-то? Вы же специалист, в Москве в НИИ работали. Нашим ещё сто очков вперёд дадите.

– Ну, скажешь. Я отработала анестезиологом всего-то два года, пока не вышла замуж и сюда не переехала. А не берут меня, – Маргарита проглотила свою порцию не поморщившись, залпом, по-мужски, и сразу закурила сигарету «Космос», – не берут потому, что про-

писки нет. Без прописки мой потолок – поликлиника, там кадры закрывают на это глаза. Пока закрывают...

– А почему нет прописки-то? Можно сигарету, а то мои скурили...

Сигареты «Феникс» у него ещё оставались, но «Космос» был намного лучше «болгарии» и соответственно стоил 70 копеек против 35.

– Конечно, бери. Вся сложность, Антон, в том что прописка у меня есть, но только в другом городе.

– В Москве?

– Да, в столице нашей Родины, в городе-герое Москве, в котором я родилась и выросла, – со вздохом призналась женщина. – На улице Народного ополчения. Бывал в Москве?

– Давно, в детстве, – поморщился Антон. – Народу много, душно. Кроме метро, ничего не помню. Меня ещё в автоматах защемило, я потом заикался две недели. Родители даже к логопеду меня водили...

Маргарита усмехнулась.

– Ну, хоть лестницу-чудесницу повидал, и то хорошо. На всё остальное смотреть, конечно, не стоит...

– Ещё паровоз помню, на котором гроб Ленина везли, – добавил Антон. – Мороженое там вкусное, «Лакомка» за 28 копеек. Дед мне тогда целых четыре купил, не сразу, а за весь день. Я до того мороженого никогда не ел. А вы любите такое?

Она хмуро кивнула.

– Так вы выпишитесь оттуда – делов-то. А здесь, в общаге разве не пропишут? По-моему, это вообще элементарно.

Маргарита не ответила, курила молча. Лицо её вдруг стало строгим, холодным и чужим. Булгаков не осмелился повторить вопрос. Он общался с нею раза четыре, и всегда находил Ломоносову прекрасной собеседницей. Она была проста в разговоре, легко его понимала и очень любила хирургию. Но едва речь касалась её прежней жизни в Москве и всего, связанного с этим городом, Маргарита моментально замыкалась, комкая разговор и дистанцируясь максимально. Это обижало. В таких случаях лучше всего было уходить, что Булгаков и решил сделать после следующего куска рыбы.

Из комнаты донесся какой-то звук. Хозяйка моментально вскочила и бесшумно кинулась туда. Булгаков слопал ещё кусок, вытер губы салфеткой, не удержался, слопал ещё один. Вернулась Маргарита, открыла холодильник, достала оттуда молочную бутылку с каким-то бурым раствором.

– Пить просит, – озабоченно сказала она. – Кажется, снова давление подскочило, как бы не пришлось вызывать «Скорую». Сейчас дам ему адельфан и боярышник. Нельзя ему алкоголь, ну совсем нельзя.

Она ушла, занялась мужем. Через несколько минут снова вернулась. Лицо её стало очень печальным.

– Сам разделся, лёг, уснул, – сообщила она. – Сто шестьдесят на сто десять. Что ж это будет, Антон? Он ведь раньше почти совсем не пил, только в последний год начал. И чем дальше, тем чаще. Что мне делать? Обещаний уже не беру, ему пообещать утром ничего не стоит, а вечером прийти в грязь... Действительно ведь спивается. Сдал за последнее время сильно. А мне ведь 28 только...

XVII

«На экране кровь и всяческие ужасы. Я в таких местах со страху закрываю глаза. Неужели есть люди, которым это нравится?» Правы

зрители, протестующие против такого «искусства». Ведь авторов увлекает изображение кровавых сцен как самоцель»

(Советская печать, октябрь 1986 года)

Насколько Булгаков знал историю отношений пожилого хирурга и красавицы-анестезиолога, познакомились те лет пять назад в стенах того самого таинственного НИИ, о котором широкая общественность ничего не должна была знать. Виктор Иванович Ломоносов тогда возглавлял большой отдел, имел в подчинении множество врачей, постоянно оперировал – насколько Антон понял, он специализировался на органосохраняющих операциях при огнестрельных и минно-взрывных ранениях, считался высококлассным и редким специалистом, его часто вызывали в другие клиники.

Он ездил в командировки в «горячие точки», в том числе в Анголу и Никарагуа, в группе военных советников, оперировал и там, преподавал молодёжи. Лучшего поприща для талантливого и амбициозного хирурга нельзя было и придумать. Он жил в «центре» в большой квартире, был женат и имел детей. Активной общественной работы не вёл из-за занятости, но членом КПСС являлся и членские взносы выплачивал регулярно.

Маргарита Церех закончила 1-ый Медицинский институт с отличием, с «красным дипломом». Она была активной комсомолкой все годы учёбы, на пятом курсе вступила в партию, посещала СНО по анестезиологии и реанимации, читала доклады, словом, всегда была в авангарде. Весь институт знал и любил «Марго», которую все называли только по имени. Она дважды выезжала в соцстраны – в Болгарию и в ГДР, один раз в составе студенческого интернационального стройотряда, другой раз с докладом на международную студенческую конференцию. Эта утончённая, всегда уверенная в себе девушка была словно создана для того, чтобы представлять свой институт, свою Москву, всю великую страну победившего социализма.

После интернатуры в Институте Склифосовского её по спецнабору взяли в «почтовый ящик» и назначили в подразделение Виктора Ивановича. Он оперировал, она проводила наркозы и выхаживала его больных в реанимации. Ломоносов, как и всякий мощный хирург, всегда питал слабость к женскому полу; это было предосудительно, но на небольшие «зигзаги» с операционными сестрами начальство, товарищи по партии и «первый отдел» смотрели снисходительно, если не было официальных «сигналов». Но не увлечётся Маргаритой, не увлечётся по-настоящему, потеряв совершенно голову, ему не удалось...

И то, что седеющий СНС вдруг «приударил» за молоденькой «наркотизаторшей», не заметить нельзя было. Окружающие сильно зашептались, дошло до начальства. Захмурились и в первичке, и в «первом отделе». Самое плохое было то, что на безумный порыв Ломоносова, зав.одиннадцатой клиникой НИИЭХ, ответили взаимностью. Несмотря на колоссальную разницу лет, несмотря на институтскую закалку и партийный стержень внутри, на то, что при такой красоте возможно только холодное и расчётливое сердце, Маргарита оказалась чувствительной и романтической девчонкой. Умопомрачительная операционная техника Виктора Ивановича, его невероятная смелость, расчёт и удача на самых больших и рискованных операциях, за которые кроме него и не брался никто, покорили начинающего доктора. Большое и серьёзное чувство с обеих сторон неудержимо переросло в служебный роман. Они начали встречаться в открытую, игнорируя и осторожность, и ломоносовскую семью, и мнение коллектива.

Получив несколько «сигналов», осмелилась вмешаться родная партия. По инициативе парторга, специалиста по только что входившему в моду краш-синдрому, было созвано партийное собрание для обсуждения морального облика обоих заблудших овец. Пикантность ситуации придавало то, что парторг, тридцатипятилетний неженатый мужчина, имеющий и жилплощадь, и машину, и дачу, сам ухаживал за Маргаритой и даже делал ей предложение, но получил сначала устный отказ, а потом, когда перешёл к неподобающим жестам, и по физиономии. В общем, Эльдар Рязанов мог бы снять ещё один неплохой фильм о советской действительности, если бы не завеса секретности вокруг подобных учреждений.

Готовилось зрелищное, но прозаическое шоу: коллективная проработка, публичное признание вины, обоюдное покаяние, дифирамбы в честь руководящей и направляющей силы, возвращение к природе и взятие новых сообязательств. Те, кто состоял в рядах КПСС или хотя бы был членом комсомола, её боевого резерва и активного помощника, небось помнят не одно аналогичное мероприятие. Без дыбы, без испанских сапог, без костров инквизиции товарищи не менее успешно ломали товарища.

Были вызваны повестками под расписку и он, и она. Молодой коммунист явилась, одетая очень скромно, чуть не в трауре. Маргарита готова была признать свои ошибки, разоружиться перед партией и быть готовой к переводу в другое учреждение – остаться ей работать на прежнем месте с 25% доплат и льготами в виде бесплатного проезда, пайков и перспективы получения своей квартиры в Москве казалось теперь невозможным. Строгий выговор по партийной линии она считала наименьшим для себя злом. Хотелось ей только одного – остаться советским человеком, остаться в рядах КПСС и начать смывать вину ударным трудом на том месте, куда её пошлёт партия.

Надо напомнить, что на дворе был год 1982 или 1983-й. Мрачное и загадочное время, когда кризис на 1\6 части суши уже обнаружился, но была надежда преодолеть его собственными силами. Когда один за другим по непонятным причинам от «острой сердечной недостаточности» умирали Генеральные секретари и Министры обороны стран-членов Варшавского договора, в океан летели сбитые пассажирские «Боинги», когда в Голливуде начали снимать нашумевший фильм с Арнольдом Шварценеггером о неизбежной ядерной войне, когда Президент Рейган публично назвал Советский Союз «империей зла».

Это именно та эпоха, которую новое руководство старается ныне забыть и исказить всеми силами, огромный исторический пласт, грозящий бесследно уйти из памяти поколений, уже не оставивший в них ни следа, ни воспоминаний.

Итак, в одном секретном НИИ собрался закрытый партком. Секретарь начал сухо и бесстрастно зачитывать повестку. Среди собравшихся вырос шум, и «спикер» поднял голову. Открылась дверь, и в зале появился виновник внеочередного заседания – коммунист Ломоносов. Опоздание на партком приравнялось к дезертирству с поля сражения и жестоко каралось. Все взоры собравшегося актива устремились на него. Ожидалось, что «седина в бороду», не спавший три ночи и наглотававшийся транквилизаторов, тихо сядет в заднем ряду и будет молчать, временами сморкаясь виновато.

Но Виктор Иванович выглядел хорошо, свежо, бодро, даже молодцевато. Вообще, Ломоносов был видный мужчина. Как сейчас характеризуют, «с большой потенцией». И одет он был не в строгий костюм-тройку, а как-то легкомысленно – в светлые полотняные брюки и рубашечку с коротким рукавом. В руках его, однако, была лёгкая папочка. Как ни в чём не бывало, он прошествовал к трибуне, и, не обратив внимания на секретаря, обратился к собравшимся. Очки его хулиганисто заблестели.

– Товарищи! – звучно сказал он. – Нет, не так. Дорогие товарищи!! Я буду краток. Итак, в связи с обнаружившимися фактами, своё дальнейшее пребывание в рядах нашей славной КПСС считаю отныне для себя невозможным. Прошу партком освободить меня от членства в партии с момента подачи официального заявления. Благодарю за внимание...

Пока все оправлялись от лёгкого шока, Виктор Иванович эффектным движением вынул из папочки с тесёмочками листочек и протянул его секретарю. Поверх заявления он аккуратно положил свой партийный билет. После этого он завязал тесёмочки и пружинистым шагом покинул собрание так же, как и вошёл. Обсуждение было бурным. Про Маргариту Густавовну сразу забыли.

Прецедент был небывалый- пожалуй, никто из 17 миллионов членов КПСС не осмелился бы повести себя так, как этот – в оценке действий ведущего специалиста уже не сомневались- отщепенец и враг! Заявление о добровольном выходе из «рядов» было сухим и написано от

руки по всей форме. Удовлетворить его, однако, не посмели – процедуры выхода из партии не существовало, несмотря на принцип демократического централизма, и даже смерть не избавляла от членства в ней. Заявление подшили к делу, а гражданина Ломоносова в течение двух последующих экстренных заседаний единогласно исключили за неявку на партком, морально-бытовое разложение и «переход в ряды капиталистического лагеря».

Через неделю его вызвали в отдел кадров и ознакомили с приказом об увольнении «в связи со служебным несоответствием». Более того, к нему на дом явился наряд милиции, потребовал предъявить паспорт и тут же, в прихожей, тиснул в него печать «Выписан». Всё, отщепенец был уничтожен.

Вскоре Виктор Иванович завершил процедуру развода с женой и покинул столицу навсегда. У него был старый институтский друг и одногруппник в К... – Гиви Гаприндашвили, заведующий хирургией крупной провинциальной больницы. На свой страх и риск он принял Ломоносова, помог ему устроиться в своём отделении, выбил общежитие. Немалую роль сыграл и благопрятный отзыв заведующего кафедрой местного мединститута профессора Тихомирова. Он тоже знал Виктора Ивановича как первоклассного специалиста одного с собою уровня.

Вот так бывший перспективный учёный оказался на должности рядового хирурга 10-й больницы. Впрочем, сброшенный с сияющих вершин науки и московского медицинского мира пожилой человек не отчаивался. Он начал довольно успешно оперировать рядовой городской контингент, почти моментально заработал репутацию и укрепился на новом месте.

Исключённый встал в очередь на квартиру и понемногу привыкал к новой действительности. Она оказывалась не такой уж плохой. Как говорил один из героев Чехова, «и в Сибири люди живут». Тем более, что к нему в К... приехала любящая Маргарита. Она уволилась из института и последовала за любимым в надежде порвать с прежним, столичным и начать новую, счастливую жизнь в провинции. Советский Союз, занявший добрую половину евразийского континента, огромная и загадочная страна, всегда предоставлял эту возможность. Уж «уехать» в ней было куда.

XVIII

«...А уж если на экране появляется обнажённая женская грудь, то тут сбежавших ревнителей чистоты морали не сосчитать. Было бы глупым высокомерием отрицать, что «та-а-акие» сцены могут возбуждающе подействовать на незакалённую нервную систему подростка. А с половым воспитанием, половым просвещением у нас – признаемся в очередной раз – дело обстоит из рук вон плохо, пожалуй, никак не обстоит»

(Советская печать, октябрь 1986 года)

До общежития лечебного факультета К...ского мединститута Булгаков добрался уже в десятом часу вечера. Он был не один.

Это было пятиэтажное кирпичное здание послевоенной постройки в форме буквы «П». Вид у него был ветхий и казённый – краска на стенах давно выцвела, штукатурка почти везде отвалилась, а рыжий кирпич стен имел в себе что-то тюремно-казематное. Генеральный ремонт здесь никогда не проводился. Угрюмость корпуса сглаживали обитатели – молодёжь 17-25 лет, представители советского негнибавшего студенчества. Студенты-медики отличаются от прочих студентов ещё и патологическим оптимизмом-оптимизмом сродни чёрному юмору. Это у них профессиональное и впитывается с первых же месяцев учёбы, когда начинаются занятия в анатомическом театре.

Кто не испытывал нервного потрясения, оказавшись возле мраморного стола с лежащей на нём препарированной человеческой мумией, вынутой из ванны с формалином! Кто не

держал в руке человеческий череп- но не для гамлетовского нытья, а чтобы чётко показать на нём foramen caecum, alae minoria ossis sphenoidale, крылонёбную ямку и массу, массу других пунктов и анатомических образований! Кто никогда не декапитировал лягушек, не разрезал бездомных собак, не заражал белых мышей особо опасными инфекциями?... словом, кто не готовился стать врачом, тот, может быть, и нашёл бы «эту общагу» ужасной, но и нынешние обитатели её, и прежние, ныне знаменитые и уважаемые в К... люди, вспоминали её тепло, точно родительский дом, с такой теплотой показанный в фильме «Солярис».

Булгаков тоже – только сначала, в первые месяцы первого курса- ещё морщился при виде загаженных общих туалетов, чадных кухонь с тараканами и комнат в четыре и пять кроватей, на которых умудряется одновременно ночевать, не мешая друг другу, вдвое больше людей. Плюсы такой жизни перекрывали немногие её минусы. Тем более, что на старших курсах он уже жил в двухместном »номере» с максимально возможным комфортом.

В общежитии было привольно, и почти все те студенты, кто были местными и жили с родителями, завидовали своим товарищам, поселившимся в «Брестской крепости» – так неофициально называли эту облупившуюся приземистую пятиэтажку.

Булгаков прошёл пешком почти весь путь от общежития Трубопрокатного завода. Голова требовала проветривания, а маршрут на трамваях с пересадкой его отталкивал. По времени это было бы ненамного быстрее, только в транспорте нужно было ещё ждать, платить и толкаться. Пройти же можно было напрямую по задним дворам, между каких-то пакгаузов, несколько раз пересекая на своём пути железнодорожные пути. В темноте существовала опасность где-нибудь споткнуться и подвернуть ногу, но Антон хорошо знал здешние места и любил пешие прогулки.

Он постоянно вздыхал, вспоминая расстроенное лицо Маргариты. Он ушёл, оставив её сидеть на кухне, уткнувшись лицом в сложенные на столе руки. В комнате громко храпел Виктор Иванович.

Антон одел ботинки, куртку и вышел на воздух. К этой странной паре он испытывал глубокое уважение. Такая женщина, как Маргарита Густавовна, изначально вызывала восхищение, а то, что она оценила и выбрала в спутники жизни именно Ломоносова, которого и Булгаков считал образцом для подражания, делало её необыкновенно поэтичной. Но Антон никак не мог понять причин дисгармонии между супругами, возникшей в последнее время. Ломоносов никогда не говорил с ним на эту тему, а Маргарита, при всей своей внешней простоте и открытости, что-то таила глубоко внутри себя.

Почему бы ей не выписаться из этой дурацкой Москвы? Работала бы себе по специальности, делом бы занималась! Чем здесь-то плохо? Город почти миллионный, метро только нет. Москвичка... Студент снова вздохнул. Ему вспомнилось, как пожилой хирург предлагал ехать к Краснокутской. Даже дико было сравнивать Маргариту и эту простушку-сестричку. Что же такое? Неужели не существует любви на белом свете? Неужели низменный инстинкт столь силен? Неужели стоит жениться, зная, что рано или поздно «потянет на свежака», и ты будешь вот так мучиться? Абсурд...

«А Нинка Краснокутская и правда ведь ничего», – подумалось вдруг Булгакову. Он вспомнил длинные взгляды, которые Ниночка иногда бросала на него, её грудные вздохи, редкие нечаянные касания в тесноте процедурной. Ему вдруг захотелось нежности и сочувствия. Он представил себе пухлые губки блондиночки, её округлости и мягкости, её сочувствующие серые глаза, посверкивающие из-за длинных ресниц, нащупал в кармане две копейки и решительно пошёл к ближайшему автомату. Оборванная трубка помешала ему осуществить намерение позвонить соблазнительной сотруднице.

В соседнем автомате тоже что-то было не в порядке – сволочь сжевал «двушку», но гудков не было. Булгаков громко чертыхнулся, как следует треснул кулаком по диску и оставил

трубку висеть на шнуре. Другой двушки не было, а «стрельнуть» было не у кого- улица впереди безлюдна. Да может, и к лучшему.

«Ну и что я ей скажу? – невесело усмехнулся он, остывая. – Мне грустно, сестрёнка, давай «это самое»? Если б она согласилась, я б её зауважал. Так не согласится же, обидится. А гнать туфту о своей несчастной жизни, водить её в кино, поить газировкой, кормить мороженым, и только ради семяизвержения... бр-р, нафиг-нафиг...»

Как видим, под невинной внешностью чокнутого на хирургии студента, скрывался циничный и расчётливый охмурыло и сердцеед.

XIX

«Образовались определённые штампы в изображении любви: беганье по долам и весьям, обольстительные взгляды на танцах, а вслед за тем умопомрачительные постельные сцены. Только непонятно – если это любовь, то что же тогда кошкины страсти?»

(Советская печать, октябрь 1986 года)

Вокруг него по-прежнему была промзона Трубопрокатного, совершенно равнодушная к чьим бы то ни было страданиям. Антон поёжился. Столь богатый впечатлениями день, взвинтивший нервы, подогревший кровь коньяк, мизерность обожаемого человека и скрытое презрение такой милой женщины, как Маргарита, требовали разрядки. Нужно было срочно кого-нибудь выеб@ть и успокоиться. Организм Антона настоятельно требовал «этого самого» – именно этого и именно самого!

Но фанатичная увлечённость своей будущей профессией требовала жертв, точно кровавый Молох. У него никогда не было девушки, с Берестовой тогда не сложилось, что предопределило его чисто потребительское отношение к противоположному полу. Конечно, какие-то девушки мелькали вокруг него постоянно – Антон был молод и хорош собой, а аура «хирурга» создавала вокруг него тот самый демонический ореол, перед которым устоять было просто невозможно для обычной советской девушки 1980-х. Бурные романы с ними постоянно вспыхивали и гасли, как искры на ветру.

Последний недолгий роман был у него с Наташей Заречновой, 19-летней студенткой Политеха. Наташа попала в больницу в марте с аппендицитом. Дежурил тогда Ломоносов. Он осмотрел больную и позвал Булгакова, который медбрatил в ту ночь на втором посту.

– Ну, ты готов к труду и обороне? – спросил он.

– Что, оперировать сейчас пойдём? – встрепенулся Антон. – Отлично. Сегодня на первом Танька Смирнова, она отпустит с вами помыться.

– Помыться! – хмыкнул хирург. – Не заеб@лся ещё ассистировать? Недоросль... Давай-ка, бери её, подавай, обрабатывайся, сам и начнёшь. Будет получаться – всё и сделаешь. А я на крючках постою.

У Булгакова захватило дух и полезли на лоб глаза.

– Виктор Иванович! – воскликнул он. – Да вы чего, я не могу оперировать. Я даже не субординатор, и вообще...

– Что- «вообще»? – раздражённо спросил Ломоносов, от которого слегка попахивало. Он тогда и начал понемногу «зашибать» на дежурствах. Похоже, что он где-то тихонько уже «остограммился». – Ты хочешь хирургом стать? Ну так и хули? Думаешь, тебя всю жизнь учить будут? Ты и так уже видел достаточно. Плавать как учат? Я же сказал, что постою на крючках! Булгаков, давай, не еби мозги. Дают- бери. Всё получится. Девка тощая, терпеливая, болеет всего шесть часов. Бабцу аппендикс отхерачить – ещё проще, чем палчонку кинуть. А у меня в глазах что-то рябит...

Да, в марте, 17-го, Антон Булгаков и сделал свою первую самостоятельную полостную операцию! Пациентка, высокая худенькая девушка с большими глазами, перенесла её хорошо и поправлялась стремительно. Конечно, тот факт, что операцию делал студент, постарались скрыть. Операционная сестра была своя в доску и всякое в жизни видела, анестезиолога не звали и справились под местной, в истории болезни Ломоносов записал хирургом себя. Булгакову очень хотелось похвастаться группе, но и тут нужно было держать язык за зубами – страшное слово «стукачи» постоянно повторялось Ломоносовым. Стукачи были повсюду, учил он. Особенно в хирургии...

«Свою» больную оперировавший хирург наблюдал очень усиленно, заходя по несколько раз на день и каждый раз осматривая её по полчаса, лично делал все перевязки и снимал швы. В день выписки Наташа принесла ему букет цветов, торт и бутылку армянского коньяка о пяти звёздочках. Булгаков равнодушно принял всё это и отнёс своему учителю, моментально забыв о Наташе как о личности. Нет, он навек запомнил её – но как свой первый аппендицит, свою первую операцию, свой первый успех.

Однако Наташа считала иначе. Она влюбилась по уши во внимательного молодого доктора, потеряла покой и вскоре пришла к Антону на дежурство, одетая во всё лучшее и накрашенная. Она приходила ещё несколько раз, сидела в сестринской, курила, молчала и вздыхала. Антон бегал от неё по отделению взъерошенный и злой, в сестринскую не шёл и изображал всем своим видом крайнюю занятость. Над незадачливым хирургом уже смеялись дежурные врачи и медсёстры. Наташа не уходила.

Делать нечего, пришлось после отбоя вести её в пустующую в этот час чистую перевязочную, запирает дверь и отвечать взаимностью на пылкие чувства девушки. Она вовсе не была тощей, просто худой, но в меру, и демонстрировала такую покорность, такую влюблённость, что ему становилось совестно тут же убегать по окончании секса – снимать капельницу или записывать вновь поступившего.

Девушка знала график его дежурств и приходила ещё раза четыре или пять. Булгаков уже приноровился и научился извлекать из недолгого общения с нею максимум возможного удовольствия. Ни на что большее она, кажется, не претендовала. Антону тогда ни разу не пришла в голову мысль сводить её в кино или на дискотеку, хотя бы просто пройтись по улицам. Да и в разговорах с Наташей он ограничивался самым минимумом слов, предпочитая язык чувств, который у него тогда хорошо развязался.

Неизвестно, чем бы всё это закончилось. Расстались они так же из-за Ломоносова, благодаря которому и познакомились. Опять они оба дежурили, опять привезли больную – этот раз с разлитым диффузным перитонитом. Больная была тяжёлая, операция предстояла рискованная. Ломоносов был зол и трезв. Он удивительно чувствовал ситуацию и «принимал на грудь» только тогда, когда это было безопасно. Булгаков готовился ассистировать, разыскивал по всей больнице кровяную плазму, ругался с напарницей Светой, которая «гавнилась» и не отпускала его на операцию, и очень разозлился, когда пришла Наташа. Её близорукое моргание и виноватая улыбка вдруг взбесили его. Антон наговорил ей всяких грубостей и выставил из отделения.

Наташа пропала и больше не появлялась. Антон поначалу чувствовал огромное облегчение, которое вскоре переросло в лёгкое недовольство собой. Он знал, что зря обидел хорошего человека и надеялся забыть о неудачной любви в объятиях новой женщины. Но вся беда была в том, что новая женщина с тех пор так и не объявилась. В учёбе и трудах прошла весна. Его студенческая, хирургическая и медбратская жизнь шла по накатанным рельсам. Всё в ней удавалось, жизнь получалась, но не хватало в ней чего-то очень важного.

Антону исполнилось 23. Всё чаще светлая и грустная тоска, тоска отсутствия рядом Её – кого? просто Её, девушки, подруги, предмета – находила вдруг, и вдруг ни с того, ни с его. Потребность в Ней была почти физиологическая. Но Она всё не встречалась. Да и как Она

могла встретиться при таком диком образе жизни, который Антон считал совершенно нормальным.

«Такая жизнь – единственная форма существования моего белкового тела», – утверждал он, шутливо перефразируя Энгельса.

Потом была летняя сессия. Потом полная впечатлений поездка в лагерь с военной кафедрой, где из них шесть недель готовили военных медиков. Потом был снова экзамен, потом Булгакова попросили в августе поработать в отделении, совсем некому тогда было. Дежурства шли сутки через сутки, и август промелькнул незаметно. Сейчас уже октябрь заканчивался, а после Наташи так никакая женщина больше не появилась.

Булгаков вздохнул. Он выбрался с окраин на оживлённую улицу, где были магазины, киоски и телефонные автоматы. Он порылся во внутреннем кармане куртки, в который обычно никогда не наведывался, нашёл там какую-то бумажку, развернул под фонарём и энергично взмахнул рукой – есть!

Наменять двухкопеечных монет было делом двух минут. Вскоре он уже стоял в новой будке и, прижав трубку к уху, левой рукой крутил тугий диск, а в правой держал выцветшую бумажку с номером, провалявшуюся эти 6 месяцев в кармане куртки.

– Да? – услышал он слабый знакомый голос. – Говорите, вас не слышно...

– Наташа? – сфальшивил Антон. – Не узнала? Я, да. Добрый вечер. Как поживаешь?

– Кто это... Антон? Не вижу ничего особо доброго в этом вечере... – ответили ему, не сразу. – Откуда у тебя мой номер?

– Ты же сама мне его дала... тогда... когда... ну, это...

– «Это», если мне память не изменяет, было в марте... и в апреле... А сейчас – октябрь...

– Октябрь? Разве? Понимаешь, я тогда ушёл на операцию...

– И что, только с неё вышел? Поздравляю...

– Нет, не только что... у меня же работа, учёба, потом – армия.

– Так тебя что, в армию забрали?! И куда? Ты откуда звонишь-то?

Булгаков объяснил, что всё это время был на «офицерских сборах». То, что они, эти сборы, проходили в июне – июле и почти три месяца, как закончились, говорить не стал. Абонент приняла это объяснение, как любые другие. Всё же Антон для неё был существом из иных, горних, сфер, и вся его медицинская деятельность была априорно непознаваема.

– И ты сохранил номер моего телефона? Зачем же?

– Я... я всё помню, Наташа. Очень помню, – голос Булгакова так правдоподобно задрожал, точно он испытывал сильное переживание. Антон заметил это и удивился – он и правда переживал, но не столь сильно.

– Почему раньше не позвонил? – несколько любезнее зазвучало с другого конца провода.

Молодой человек ответил, что... впрочем, какая нам разница, что именно он ответил. Уже понятно, что будущий хирург вполне умел «вешать лапшу», а так же мастерски использовать служебное положение в личных целях. В любом деле важен результат, а результатом разговора стала встреча возле Танка через час.

Наташа пришла не совсем вовремя, опоздав на десять минут. Она вдруг появилась из частого мелкого дождика запыхавшаяся, раскрасневшаяся, с выбившимися из-под шапочки волосами. Она торопилась, боясь не успеть, и, сойдя с троллейбуса, почти бежала к памятнику. Антон прослонялся этот час по центральной улице Ленина, куря дешёвые болгарские сигареты одна за другой и думая непонятно о чём.

Девушка, достигнув своего хирурга, остановилась, сложила руки перед собой, скрестила ноги и нерешительно улыбнулась. Она так мало изменилась за эти полгода, как будто только вчера он её прогонял со своего рабочего места в грубых выражениях. Её полуулыбка и быстрый взгляд из-под свежеподведённых приспущенных ресниц означали готовность ко всему, которые тогда так взбесили нашего героя.

Привычка всегда преодолевать трудности иногда играет с героями злую шутку.

«Ну вот, снова она беспомощно мне улыбается, точно и не прошли эти полгода»...

Антону почти пришлось принудить себя улыбнуться.

– Ну, привет, – произнёс он, решительно обнимая подружку. Она моментально прильнула к нему, и близость знакомого тела тут же воспламенила притупившиеся за месяцы «простоя» чувства нашего героя. Он отвёл Наташу в сторонку и жадно поцеловал. Она так пылко ответила, что последние сомнения исчезли.

До родного общежития от памятника (впрочем, кому именно и был ли вообще это памятник, остаётся неизвестным. На булыжном постаменте стоял обычный танк «Т-34», крашенный в зелёный цвет, с воинственно приподнятой пушкой. Боевая машина была повернута на запад. К 9 Мая здесь появлялись букеты цветов и пионеры в белых рубашках) было рукой подать. Наташа не спрашивала, куда они идут. Она мечтательно держала высокого хирурга под руку и горделиво смотрела по сторонам. Чувствовалось, что за Булгаковым она пойдёт в огонь и в воду.

XX

«Центральный Комитет исходит из твёрдого убеждения, что реализация курса на ускорение, на перестройку, на достижение качественно нового состояния советского общества немыслима без активации идейно-теоретической деятельности, без надёжного обеспечения научно-практических мер по совершенствованию общественных отношений развитого социализма»

(Советская пресса, октябрь 1986 года)

На входе в общежитие обычно спрашивали пропуск или удостоверяющий личность документ. У Антона, как правило, особых трудностей с проходом и проводом к себе не имелось: все штатные вахтерши его знали, он всегда с ними здоровался и очень нравился бабушкам. Обычно на вахте сидел и кто-нибудь из студентов, но многих Антон знал и был в хороших отношениях. Его с дамой должны были бы пропустить беспрепятственно.

Проблема могла возникнуть в комнате. Прежний сокурсник и сосед Антона, Дима Красенков, в начале шестого курса женился на городской и переехал жить к теще. Видимо, ему не очень сладко у неё жилось, так как Дима заходил потом четыре раза и приносил с собой водку – «побухать на воле», и завидовал «безграничным возможностям» Антона. Закрыв дверь, пили и вспоминали прежние весёлые деньки.

Теперь соседом Антона стал первокурсник Миша Богомолов, только что окончивший школу юноша. Он мечтал стать гениальным хирургом или придумать лекарство от рака, а сейчас упорно грыз гранит науки. Он ещё не помышлял о близости с женщиной, но в Антоне видел высшее и мудрейшее существо, подчиняясь во всём беспрекословно. Пожалуй, соседа можно будет выпихнуть из комнаты на часок, не объясняя причин...

Но проблемы возникли ещё при входе. На вахте сидели и стояли несколько крепких и румяных молодых людей с красными повязками на рукавах, причём явно не жильцы общежития. Главным у них был Сева Мельников по кличке «Мюллер», сокурсник Антона, из группы терапевтов. Это был «Прожектор» Комитета комсомола. Парни проверяли документы не только у всех входящих, но и у выходящих. Без наличия документа не впускали и не выпускали. У вахты с обеих сторон образовалась очередь.

Сева, пухлый невысокий крепыш с длинным вздёрнутым носом и вечно готовым к скандалу выражением, лично разбирался с каждым и давал команду своим активистам – впускать или выпускать. Эта новая должность очень нравилась Мюллеру. Он и расхаживал упруго, и

держал грудь колесом, и без конца взбивал вверх свои пышные волосы. На него смотрели. Кто-то попытался выйти на улицу с «запахом алкоголя изо рта». Это моментально унюхали комсомольцы, задержали и передали Севе для допроса.

– Тэ-экс, молодой человек, – надменничал толстенький Мельников перед перетрусившим студентиком, которого Булгаков хорошо знал – тот учился на четвёртом курсе и жил на их этаже, – от вас пахнет! Назовитесь, пожалуйста. Фамилия, комната, курс, группа. И так?

– Я не понимаю, – ещё больше бледнел тот, – что такого-то? Мне срочно идти надо, на почту. У меня на 21.00 переговоры с домом, с матерью. Пустите, ребята...

– Наличие запаха алкоголя изо рта, – разъяснил Мюллер, – даёт основания мне вас остановить и выяснить ФИО. Вы знаете, что в общежитиях мединститута строжайше запрещено употреблять спиртное! Что пили? С кем пили? Где взяли?

– Не пью я вообще... Вам показалось... это, наверное, от меня так пахнет одеколоном «Шипр»!

– Андрей, подойди сюда, понюхай этого кадра. Пахнет? Да вы дышите! Не в себя!

– Конечно, пахнет, – подтвердил Андрей. – Заметно, во всяком случае.

– Вот. Ему тоже показалось? Всё, два свидетеля есть. Назовитесь, молодой человек, и можете быть свободны, идти на свои переговоры.

– Я назовусь, а вы меня запишите, что пьяный был, – подозрительно хлюпал носом задержанный. – Потом доказывай, что не верблюд. Не пил я! Вот и весь сказ. Вам надо – вы и узнавайте.

– Как вы себя ведёте?

– Я себя нормально веду! – закричал бедолага – студент, понявший, что ему терять нечего и начал вырываться из цепких рук активистов. – Я не пил! Не имеете права задерживать, у меня переговоры срываются! Пустите!

– Властью, данной мне народом, я имею право задержать вас до выяснения личности. Тем более, вы без пропуска... Не назовётесь – отведём в 27-е отделение милиции. Там быстро установят...

– Пропуск в комнате... – сразу сдавался задержанный при упоминании милиции. – Сейчас принесу.

– Андрей, сходи с ним, посмотри там, а то ещё сбежать надумает!

Антон и Наташа поспешили выйти, пока Сева, отправив четверокурсника за пропуском в сопровождении молчаливого самбиста Андрея, не повернулся в их сторону. То, что Мюллер и Булгаков учились на одном курсе, сейчас ничего не значило. Начальник «Комсомольского прожектора» и должен был проявлять особую принципиальность именно со своими, чтобы не заподозрили в мягкотелости. Шансы Булгакова застрять на вахте были более, чем высоки: отсутствие пропуска, запах алкоголя изо рта, попытка нелегально провести в общежитие постороннюю. А если он ещё начнёт некорректно вести себя и препираться...

В общежитие был другой путь – через подвал. Туда вела малозаметная дверь с улицы, с внутреннего двора, которая должна была быть наглухо заколочена. Её и заколачивали каждую неделю дежурные слесаря гвоздями – стомиллиметровками, но студенты не желали мириться с этим и тут же отколачивали, сохраняя за собой право беспрепятственного круглосуточного прохода домой.

– Может, не надо? – испугалась Наташа, когда Антон толкнул старую, обитую жестью дверь. Та со скрипом подалась, из проёма пахнуло подвальной сыростью.

– Надо, Наташа. Надо, – с повышенной серьёзностью ответил медик. – Пошли, не бойся. Я тут с завязанными глазами могу пройти.

Они пробрались в полной темноте между толстыми трубами. Несколько поворотов – и впереди забрезжил свет. Антон первым поднялся по узкой лестнице и приоткрыл ещё одну

дверь, выглянул. Она выводила в один закуток внутрь общежития, к душевым. В этот час в закутке никого не было. Булгаков сделал знак подружке, и та вышла следом.

– Теперь спокойно, – предупредил он. – Тут нас никто не тронет.

Действительно, несмотря на комсомольскую проверку вахты, внутри общежитие выглядело безмятежным и родным. Поскольку время было довольно позднее, жильцы почти все были дома. Часть обитателей «крепости» была занята тем, что готовила ужин. Холодильники имелись только у иностранных студентов. На всех кухнях было оживлённо, у раковин и столов суетились студенты, на газовых плитах кучно кипели кастрюльки и шипели сковородки. Юноши предпочитали варить пачковые рыбные пельмени или жарить картошку на маргарине, девушки готовили несколько разнообразнее и вкуснее. Хотя ничего более убогого, чем студенческий стол в середине 80-х, когда почти всё съестное стало дефицитом, представить себе нельзя было.

Городские студенты питались плохо. Не имея времени стоять в очередях, они довольствовались двумя вышеуказанными блюдами; деревенские, те, у кого родители жили за городом и имели хозяйство, были в несколько лучшем положении, снабжаемые домашней консервацией. Впрочем, бесшабашная юность была мало склонна обращать внимание на такую мелочь, как кормёжка. Медики вообще – все в основном здоровые люди, переваривающие любую органику.

К тому же родная Партия, неустанно заботясь о повышении материального благосостояния трудящихся, вот-вот должна была ввести в действие Продовольственную программу. Это успокаивало сознательных. Несознательные шёпотом рассказывали друг другу анекдот, как диктор Центрального телевидения сообщал, что, мол, «дорогие телезрители, сегодня в 21.30 по первой продовольственной программе будет показан бутерброд с копчёной колбасой», злобно смеялись и тоже успокаивались.

На кухнях крутились в основном старшекурсники. Другая часть жителей «Брестской крепости», студенты первого и второго курсов, сидели в комнатах и зубрили – первые нормальную анатомию и латынь, вторые – биохимию. Те, кто не мог по каким-то причинам заниматься в комнате, шли в читальный зал на третьем этаже и занимались там. Кое-где курили в тёмных рекреациях, знакомились, в умывальных комнатах стирали халаты. В 417-й и соседней 412-й комнатах жили очень серьёзные шестикурсники из компании Вани Агеева, «забывшие на всё». Там постоянно играли песни Розенбаума, потихоньку пили водку и играли сутками в преферанс.

Насчёт половой жизни студентов сказать что-либо определённое трудно. Медицинское общежитие не отличалось ни особыми пуританскими нравами, ни патологической распущенностью. В описываемое время в советском обществе отсутствовало единство взглядов на плотскую любовь. Секс был под запретом, но аборт разрешены, «проверенные электроникой» презервативы продавались во всех аптеках (их так и называли – «Электроника»), в общественных местах можно было обниматься и целоваться. Если кто-то запирался в комнате с подружкой, на это старались не обращать внимания. Часа на два можно было всегда уединиться, но потом соседи начинали потихоньку постукивать в дверь, напоминая, что вы здесь не одни, и нельзя злоупотреблять правилами общежития.

Ещё в корпусе имелся цветной телевизор в Красном уголке, включавшийся Председателем студсовета в 20.00 и работающий до 23.00, душ и буфет в левом крыле, работающий только утром.

Антон с Наташей поднялись к нему в четвёртый этаж. На них не обратил внимания никто из встречных, все спешили по своим делам – кто с учебниками под мышкой, кто с дымящейся кастрюлькой в руках, кто с тазиком белья- и не особо глазели по сторонам. Наташа, кажется, зря краснела и тупила взгляд, торопясь следом за приятелем.

– Подожди здесь, – попросил он, оставив девушку у подоконника. Дверь его 433-ей, двухместной комнаты, которую он делил с Мишей, была приоткрыта. Из комнаты доносился шум,

изобличая присутствие большого количества народу. Булгаков нахмурился, толкнул дверь, вошёл.

Миша, долговязый худой субъект в спортивном костюме, кадыкастый и взъерошенный, был не один. На обеих кроватях, трёх стульях и двух тумбочках разместились ещё несколько разнополых первокурсников 17-19 лет. Все свободные поверхности в комнате были завалены открытыми руководствами по анатомии – учебниками Привеса, атласами Синельникова, лекциями, рисунками. Из рук в руки передавался настоящий человеческий череп, потемневший от времени и кое-где подписанный тушью. То, что череп настоящий, проверить было легко: его поверхность несколько липла к рукам, производя своеобразное впечатление, которого не повторить никаким пластмассам.

Ещё в комнате находились два или три бурых позвонка и скелет стопы, но этот раз явно искусственный. Откуда все эти сокровища, никто не спрашивал. Кости, на взгляд Антона, были ещё ничего, вполне индифферентные предметы. Когда он сам на втором курсе готовился к экзамену по анатомии, кто-то из студентов даже «достал» в анатомичке заформалиненный мозг. Его хранили в цинковом тазике и плотно накрывали кастрюлей. Несмотря на это, мозг надолго провонял потом комнату, и в ней, единственной на всё общежитие, не было тараканов.

– Здравствуйтесь, – почти хором поздоровались с ним первокурсники.

– Привет, Антон, – засуетился Миша, освобождая кровать соседа от сидящих на ней сокурсников. – Ты извини, у нас завтра зачёт по костям, мы тут с группой учим немного...

– Похвально, ребята, похвально, – осклабился вновь вошедший. – Мы все учились понемногу. Вопрос на засыпку – почему человек не может проглотить яйцо целиком?

Первокурсники оторвались от учебных пособий и с тревогой взглянули на многоопытного «шестёрку». Вопрос Булгакова поставил их в тупик.

– Не знаете? – удивился он. – Тогда на зачёт завтра можете не ходить, всё равно провалите. У вас кто – Молчанов? Зверь, фашист. У него высшая оценка – тройка, и то не с первой попытки. Максимум – с третьей. Миша, можно тебя на два слова...

Миша вскочил и последовал за соседом в коридор. Хозяева уже почти вышли, когда раздался голос одной из студенток, видимо, самой смелой:

– Пойдите! А почему всё же так?

– Как?

– Ну, яйцо проглотить. Что же мешает человеку проглотить яйцо целиком?

Вся группа в небывалом волнении уставилась на Булгакова. Тот усмехнулся. Вопрос был давно избитый и предназначался для самых девственных, над кем собирались подтрунить. Похоже, в мишиной группе все были такими.

– Ах, да. Яйцо не пролезет в foramen occipitale magnum, – бросил он как можно серьёзнее. – Это базисный уровень. Михаил, тут вот что...

Они вышли и закрыли за собой дверь. В комнате началось бурное обсуждение сказанного Булгаковым. Студенты оживлённо заспорили, схватились за череп, начали искать большое затылочное отверстие, нашли. Яйцо в него, точно, не пролезло бы. Не успела группа перевести дух, как самая активная и, видимо, самая умная студенточка, тут же стукнула себя по лбу и воскликнула:

– Ребята! Это же шутка! К акту глотания foramen никакого отношения не имеет!! Через него же проходит продолговатый мозг!

– А яйцо?

– Вася! Какое яйцо?

– Ну, яйцо целиком. Я, например, не проглочу...

Началось ещё более бурное обсуждение, которое закончилось дружным смехом. Издёвку старшекурсника все поняли и оценили, и к моменту возвращения Михаила, снова уткнулись в атласы. Но тот громко попросил товарищей прерваться на этом.

– Там к моему соседу родственница из Воронежа приехала, – объяснил он, – так что он просит не мешать...

Через три минуты 433-я была свободна, и любовники смогли занять её. Времени у них было немного, часа полтора, поэтому терять его не стали. Антон сразу запер дверь и, не взглянув на Наташу, начал стаскивать с себя свитер. Та присела на краешек кровати и начала растёгивать молнии на сапогах. Вскоре комната наполнилась звуками поцелуев и жарким дыханием. Только сейчас Булгаков понял, как озверел без женской ласки. Скомкав покрывало, он повалил недораздетую Наташу на кровать, кое-как стянул с неё трусики, пристроился сверху, сразу попал куда надо вспухшим пенисом, и, с искаженным от обилия чувств лицом, начал энергично. Девушка зажмурилась, изо всех сил обхватила парня ногами и руками и начала усиленно помогать ему. Неизвестно, была ли она столь же долго лишена мужского общества, но энтузиазма и ей было не занимать.

Сетка кровати затряслась, пружиня, спинка застучала о трубу парового отопления. Излишне громко, но остановиться никак уже нельзя было. За стенкой соседи, до этого оживлённо разговаривающие, дружно, как по команде, смолкли.

«Ничего, потерпят», – стиснув зубы, подумал Антон, ускоряясь. Лицо Наташи вдруг показалось необыкновенно прекрасным, да и вся она тоже – несмотря на всю неэстетичность сцены. Булгаков вдруг почувствовал, что весь мир, вся жизнь сейчас для него – эта девушка.

– Наташенька... – простонал он. – На...та...

«Это и есть любовь? Честное слово, умру ведь сейчас»...

В дверь постучали. Разумеется, ответа не получили, но ритмичные скрип и стук, наполнявшие комнату, были достаточно красноречивы. Там подождали, постучали снова.

– Антон, – послышался осторожный голос Михаила.

Булгаков вынужден был остановиться, и, тяжело дыша, повернул к двери голову.

– Ты извини, – услышал он через дверь, – но там сюда идёт «Комсомольский прожектор», с участковым, с комендантом и с Жориком-председателем студсовета, будут комнаты вскрывать. Они сейчас на лестнице, документы у моей группы проверяют. Мы их пока задержим, но минут через пять будут здесь. Мне придётся открыть им комнату...

Антон что-то прорычал, и, задрвав лицо к потолку, принялся за подругу изо всех сил. Всё блаженство момента было смазано. Обнаружив в 433-ей столь сладкую парочку «в процессе аморалки», комсомольские активисты едва ли проявят понимание и сочувствие! А с Жориком Сыромятинным, председателем студсовета общежития, у Булгакова ещё с лета, с «лагерей», были очень напряжённые отношения (Жорик поступал, уже отслужив срочную, а тогда, нацепив сержантские лычки, начал «разводить дедовщину» среди неслуживших сокурсников, проучившись с ними 5 лет).

Едва дождавшись, пока толчки внутри прекратятся и любовные соки перестанут истекать, Антон, как мог, деликатно сдвинул ножки девушки со своих плеч, вскочил и начал торопливо одеваться.

– Наташа, ты это... извини, – хрипло сказал он, – но нам нужно побыстрее уходить отсюда...

Со стороны лестницы послышался оживлённый шум. На четвёртый этаж уверенно и властно входила большая группа людей. Раздался настоящий стук в соседние двери.

– Здравствуйте, – раздалось оттуда. – Разрешите войти? Так, кто у нас здесь живёт? Паспорта предъявляем...

В дверь опять стукнули. Это снова был Михаил.

– Антон, выходите быстрее, пока в коридоре никого нет, – прошипел он в замочную скважину. – Быстрее!

Одеваясь на ходу, парень с девушкой выскочили из комнаты. Проверяющая орда, разбившись на две группы, в этот момент находилась в соседних комнатах, так что путь дей-

ствительно был свободен. Антон увлёк за собой Наташу и они почти бегом припустили вдоль коридора и успели выскочить на лестницу незамеченными. Булгаков уже собирался перевести дух, когда нос к носу столкнулся с высоким молодым мужчиной в костюме с галстуком – тот поднимался навстречу. Антон что-то пробормотал сквозь зубы, резко изменил направление и собрался миновать встречного. Но тот растопырил руки и не дал пройти.

– Остановитесь, молодой человек, – приказал он. – Длинные волосы незнакомца были зачёсаны наверх, а ля Николай Островский, а охотничье выражение лица выдавало принадлежность его к партийно-комсомольским структурам. – Секундочку, не спешите. И вы, девушка, тоже. Куда направляемся с такой скоростью?

– Тебе какое дело? – буркнул Булгаков.

– Не «тебе», а «вам», – поправил тот, заставляя беглецов сделать шаг назад и подняться на ступеньку вверх. – Я – член Комитета комсомола Чугунов. Вы здесь живёте? Давайте поднимемся.

– Отвали, нам некогда! – вскипел Булгаков. – Дай пройти, я сказал!

– Молодой человек, как вы себя ведёте? Я представился. Вы кто такие? Да пройдёте же!

– Отойди по-хорошему...

– Ну, я же просил мне не «тыкать». И ведите себя корректно...

Мускулисту Чугунову, нисколько не терявшемуся от агрессивности Булгакова, ничего не стоило задержать подозрительную парочку. Он уже ухватил Антона за рукав и сжимал весьма крепко.

– Наташа, беги! – крикнул тот, стараясь обеими руками отцепить от себя невесть откуда взявшегося активиста.

Девушка сыпанула вниз по лестнице, взмахивая руками для равновесия. Чугунов сделал движение остановить её и на долю секунды выпустил рукав Антона. Момент был решающий. Потом, вспоминая его, юноша и сам не мог поверить, что найдёт в себе сноровку нанести столь стремительный и коварный удар носком ноги в комсомольскую промежность.

Булгаков всю жизнь был очкариком, отличником и дрался крайне редко. А если и дрался, то обычно набивали морду ему. Но тут, видимо, его дело было правое. «Маваша-гери», как называли такой пинок среди поголовно увлекающейся запрещённым тогда каратэ молодёжи, получился на славу. Член Комитета комсомола мгновенно охнул, согнулся пополам, схватился за больное место и обмяк.

Антон бросился за подругой, проигнорировав громовое «стоять!!!», прозвучавшее вслед. Кто-то из соратников Чугунова выбежал из коридора на лестницу и бросился в погоню, но было поздно. Беглецы сумели в очень короткий срок спуститься по лестнице и юркнуть в подвальную дверь. Через минуту они уже были на улице.

Наташа, опустив голову и засунув руки в карманы, шла по тротуару. Булгаков шагал рядом и нервно курил. Они подошли к трамвайной остановке и остановились. Нужно было что-то говорить, но оба молчали и не глядели друг на друга. Наташа всё вздыхала и искоса поглядывала на спутника, видимо ожидая, что он разрядит обстановку. Так грубо с ней ещё никогда не обращались. Ей было обидно. А долго обижаться она не могла. Всего несколько слов было достаточно, чтобы глаза её опять засияли, чтобы все неприятности позабылись тут же!

Но минуты уходили, а Антон всё молчал, отворачивался, и ничего не говорил. Она решительно обиделась на него и тоже отвернулась. Булгаков знал, что нужно что-то сказать, и чем быстрее, тем лучше. Тем более, что сейчас Наташу ему было жалко, и он был весь просто переполнен очень сильными чувствами. И она-то ни в чём не виновата! Без лишних разговоров пришла, пошла с ним в общагу, уединилась в комнате... Но нужные слова как-то не приходили, он, может, и произнёс бы их, к тому шло, и ещё как шло... но момент был упущен. А говорить теперь вообще не хотелось. Да и зачем обязательно говорить? Ведь молчание – золото... Собственно, всё, что ему сейчас нужно было, Антон получил, и может, даже хорошо,

что так всё закончилось. Наташа уж точно была не «Она», стоило ли увязать и начинать всю эту канитель снова?

«Может, и хорошо, что набежали эти пид@расы...»

Так что за те несколько минут, что любовники прождали трамвай, взаимное охлаждение стало полным. Оба были рады, когда грохочущий вагон подошёл к остановке.

– Я это... позвоню как-нибудь? – предположил Антон, подсаживая Наташу.

– Можешь не стараться, – бросила она, не оборачиваясь. – Ты и так сегодня хорошо потрудились...

Дверцы сомкнулись, и вагон, загремяв, покатился под горку. Булгаков, вздохнув, повернулся и поплёлся обратно. Выскакивая впопыхах из комнаты, он догадался захватить пропуск, поэтому смело пошёл через вахту. Там уже не останавливали. Кучка добровольцев вместе с Севой-Мюллером, Жориком Сыромятиным, комендантом и участковым милиционером сверяла какие-то списки. Лица у всех были, как говорится, усталые, но довольные. Видимо, проверка на вахте и рейд по общежитию удались, список нарушителей был полон. Теперь сведения о них пойдут по инстанциям в деканат и в «первички», где каждый такой случай будет разбираться.

Антон засмотрелся на них и не сразу услышал, что к нему обращаются. Это был его новый знакомый по спуску с лестницы.

– А, это вы, – как ни в чём не бывало, приветствовал его Чугунов. Он улыбался. – Что ж вы так ушли, не закончив разговор?

– О чём вы? – хмуро спросил Булгаков. – Я вас в первый раз вижу.

– Как в «первый раз»? А на лестнице? Вы выходили с неизвестной девушкой. А я уже всё о вас знаю – вы А. Булгаков, из 433-ей. Хирург-субординатор. Так ведь?

– Слушай, тебе что надо? – утомлённо спросил Антон. Он только теперь ощутил, что устал смертельно. – Ты, кажется, шёл куда-то. Ну так и иди себе прямо...

Благожелательность Чугунова как рукой сняло. Подбородок его задрожал, черты лица исказились, глаза потемнели. Контраст с безукоризненными манерами, которые он так победно демонстрировал, был разительным.

– Я пойду, куда мне надо! – выкрикнул он. – А тебя я очень хорошо запомнил, и шлюху твою запомнил. Не волнуйся, встретимся ещё...

– Тогда в следующий раз яйца покрепче держи, – посоветовал Булгаков, и, оттолкнув преграждавшего ему путь активиста плечом, начал подниматься по лестнице.

Общежитие гудело, как растревоженный улей. Похоже, набег активистского отряда наделал здесь дел. Антон поднялся на четвёртый этаж, вошёл в комнату. Первокурсники уже разошлись, но Миша всё равно сидел над открытыми атласами. Шестикурсник начал раздеваться и готовиться ко сну. Мучительная зевота начала напоминать о том, что почти всю предыдущую ночь он не спал, а день прошёл очень напряжённо и хлопотно.

Вынимая из внутреннего кармана куртки футляр для очков, Антон случайно нашёл ту бумажку, которую ему всучил Ломоносов. Он совсем про неё забыл. Миша сидел отвернувшись и не смотрел в его сторону. Антон тоже отвернулся и осторожно, точно боясь обжечься, развернул купюру. Это был Государственный кредитный билет 100-рублёвого достоинства – «стольник», с водяным профилем Ленина.

Не развернув его до конца, Булгаков торопливо сложил денежку и спрятал поглубже.

«Не фига себе, – подумалось ему, – если столько стоит ассистенция, то сколько же получил сам Виктор Иванович? Почти месячная зарплата интерна! Пара таких операций – и о деньгах можно месяц не думать. А впрочем, это так мерзко всё»...

XXI

«Зрители аплодировали, смеялись, скандировали- в общем, вели себя так, как и обычно на рок-концерте. Но вот солист группы Валерий Сюткин объявил: «...этот эксперимент пройдёт в один из вечеров 1986 года, объявленного ООН Годом мира, – все люди доброй воли выйдут из дома со светящимися предметами в руках. Их мирные сигналы зарегистрируют спутники, чтобы сторонники войны поняли, как их ничтожно мало». А потом была песня, и семь огоньков зажглись на тёмной сцене. И тут же десятки вспыхнули в затихшем зале»

(Советская печать, октябрь 1986)

Город К... был обычный город, каких в Европейской части СССР было множество. История его уходила корнями вглубь веков, куда-то в былинные времена богатырей, татаро-монгол, удельных княжеств. Ничего конкретного, однако, история не сообщала. Ничем таким К... не прославился – никогда не выдерживал осад, не имел боярской оппозиции, не подвергался разгромам опричников. В новое время тут тоже ничего примечательного не происходило, кроме периодических эпидемий холеры и оспы.

Гражданскую войну город тоже особо не запомнил, находясь в пределах той самой 1\5 прежней Российской империи, которые занимала молодая Советская республика. В 1919-м году его ненадолго захватили белые. Очень скоро белых прогнали красные. В городском парке о том мрачном месяце разгула белогвардейщины напоминала братская могила с Вечным огнём, могила, в которой были похоронены расстрелянные коммунисты.

Великая Отечественная война оставила более глубокий след. Осенью 1941 К... прославился упорной обороной, правда, недолгой. Оборону проломить немецкие полчища не смогли, поэтому взяли город обходным манёвром вероломно, как всегда в 41-м, с тыла, многотысячными массами тяжёлых танков. Но оборона была героической, о ней упоминалось вскользь во всех военных мемуарах. В 1943 К... брали обратно, и город вновь вписал горделивую страницу в летопись Великой Отечественной, и о 43-ем полководцы уже вспоминали гораздо больше, чем о 1941-м. Именно об этих временах и напоминал танк Т-34, установленный к 25-летию Победы.

В городе ещё имелся музей Великой Отечественной войны, где каждый мог ознакомиться с военной экспозицией. Там принимали в пионеры, там собирались ветераны, туда водили молодёжь на уроки Мужества.

Потом был период восстановления народного хозяйства, затем мирная жизнь. В описываемое время К... был довольно большой город, с почти миллионным населением. Главная улица была конечно же, улица Ленина, единственная улица, где имелось четырёхполосное движение транспорта. Она являлась как бы лицом всего города, и её старались содержать в порядке. На ней располагались административные «органы» – исполком, горком, обком, милиция и прокуратура. Здесь же был Дворец пионеров- ветшающее здание почтенного возраста, новый стадион "Трудовые резервы», Центральный универмаг, Драматический театр, несколько завитриненных гастрономов, в которых в которых хоть изредка «выбрасывали» колбасу, книжный магазин и парк с уже отмеченной могилой коммунистов.

Вдоль Главной улицы были проложены широкие тротуары, через равные промежутки в них были решётки со зрелыми тополями, засыпающими город пухом каждый июнь, и фонари. Для полноты картины нужно добавить сюда две гостиницы и ресторан «Витязь». Вот и всё, кажется, ничто не забыто. Но и ничего тут не было лишнего, сомнительного – такого, что

мешало бы достигать нашей цели. О том, что она есть коммунизм, громко напоминали метровые буквы на фасаде Центрального универмага.

Но улица Ленина была скорее не лицом, а визитной карточкой К... Всякий, кто бывал в областных городах, знает, насколько обезличены и разранжирены их центры, что Калугу не отличить от Рязани, а Курск от Орла. И если Мурманск трудно спутать с Новороссийском, то это не потому, что каждый город имеет свой неповторимый облик, а в силу сугубо географических причин. Ни новые районы со стандартными панельными домами, ни многочисленные предприятия, старающиеся перевыполнить план, ни колхозные рынки, на которых всё же можно купить кусок приличного мяса, пусть и по баснословной цене, ни сами люди, довольно плохо и бедно одетые, настолько, что и сами на это не обращали внимания – ничто не помогло бы в идентификации города, говоря заезжему москвичу лишь о «глубинке», о том, что заехал ты далеко от дома, что асфальт вот-вот закончится и начнётся такое Нечерноземье, что станет очень не по себе.

Но, как справедливо был назван один исторический фильм того времени, «и на камнях растут деревья». Русская провинция имеет в себе что-то неистребимо-прекрасное, неброское, прячущееся, но такое, что всегда способно сильно подействовать на воображение и разбудить мысль.

Помимо некрофага Гражданской войны, боевой машины победного 43-го, стреноженной на постаменте, помимо лозунгов, плакатов, наглядной агитации эпохи развитого социализма, помимо заводов и новостроек, в К... были и достопримечательности. Одной из главных был кинотеатр «Рассвет», расположенный в конце улицы Ленина. Это был кинотеатр как кинотеатр, с билетами и с дополнительными программами, с заурядным репертуаром, не считая того, что располагался в помещении бывшего кафедрального собора. Последний был возведён в середине XIX века в честь погибших при обороне Севастополя. Собор был огромен, даже сейчас оставаясь самым большим зданием в городе. Золочёный купол с него сняли ещё в 20-е, сначала хотели вообще снести, но потом одумались и превратили поповскую лавочку в храм важнейшего из искусств.

Имелось в черте города и старое кладбище, называемое «Купеческим». Там при царях хоронили только уважаемых людей, возводя им массивные гранитные памятники и чугунные ограды. Надписи с ятями и твёрдыми знаками до сих пор читались легко, пробуждая лёгкую иронию и смутное любопытство. В то, что под ногами лежат именно наши предки, верилось плохо.

Наверное, о многом могли бы рассказать и участки старой крепостной стены, некогда окружавшей центр города и кое-где сохранившейся, и бывшие особняки почётных граждан, почивающих в мире на Купеческом кладбище. Эти двух- и трёх этажные дома капитальной постройки с фигурными фасадами встречались по городу в больших количествах. Все они были заняты под какие-нибудь мелкие конторы и набиты служащими, являясь оплотом бюрократии, которую постоянно критиковали в «Крокодиле» и в «Фитиле», но уважали и не трогали.

Ещё одна достопримечательность имелась не в самом К..., а в окрестностях. Подростки и некоторые граждане постарше находили удовольствие в том, чтобы отъехать подальше и начать рыться в земле. Там можно было найти порядком заржавевшие патроны, мины, снаряды – то, что осталось от отгремевшей войны. Находили детали ручного стрелкового оружия, а то и само оружие – пистолеты, винтовки без прикладов, автоматы. Всего этого было в изобилии, схватка за К... велась не на жизнь, а на смерть. И ни наши, ни немцы не жалели материальных ресурсов. Не жалели и людских, ибо в особом изобилии откапывались человеческие кости, черепа, и даже целые скелеты.

В какой-то мере К... являлся и научным центром. Из высших учебных заведений в нём имелись обязательные для каждого областного города Пединститут и Политех. Это были ничем

не примечательные вузики, ежегодно выпускающие стандартное количество учителей и ИТРов. Самым престижным в К... считался Мединститут. Он был открыт в 50-е годы, и одним фактом своего существования сразу повысил статус всего города. Окрестные области своего мединститута не имели, поэтому поступать и лечиться все ехали в К...

Поступить становилось всё труднее. Конкурс с каждым годом повышался и повышался, но количество абитуриентов не уменьшалось. Это было странно, ибо все знали, насколько тяжела учёба, трудна работа и мала зарплата. Более того, все мало-мальски приличные места в городских больницах были заняты, и выпускникам предстояло распределяться в районы. Ежегодные выпуски 200-300 молодых специалистов делали распределение всё более трудным, поскольку и в районах, особенно близлежащих, вакансии постепенно заполнялись. Оставались районы совсем отдалённые. Там был уже как бы не СССР, не РСФСР, и уж совсем не Европа. Там начиналась, как говаривал герой Достоевского, «страна Макара и его телят». Любой выпускник мединститута испытывал перед отдалёнными районами чисто животный страх, как перед любыми местами, даже не столь отдалёнными. Из-за отсутствия элементарных удобств и снабжения в них не то, чтобы заниматься медициной, а жить было невозможно.

XXII

«Свобода слова...» По разному понимают её в Советском Союзе и в Соединённых Штатах. Те в Америке, кто сегодня бредит идеей краха системы социализма, хотят такой «свободы слова» в СССР, которая сводилась бы к охаиванию всего советского, способствовала бы разрушению государственных и социальных устоев».

(Советская печать, октябрь 1986 года)

Утро среды выдалось совсем тоскливым. Осень наступила уже не на шутку. Было пасмурно, лил упорный ледяной дождь, причём как-то косо, так, что капли то и дело норовили соскользнуть за ворот, в рукава, в глаза. Последний лист с деревьев облетел, намок под дождём и втоптался в землю. Стены домов набухли за ночь от влаги. Городские голуби сидели под крышами нахохлившись и старались не высовывать клювы, куда-то попрятались все бездомные собаки и кошки. Дождевой червь, обычно радостно реагирующий на осадки массовым выползанием на поверхность, тоже не показался этот раз.

В такое ненастье просыпаться, выбираться из-под одеяла, умываться и покидать помещение смертельно не хочется. Но долг перед страной и всем прогрессивным человечеством – сильнее. Надя Берестова очень любила поспать. Если предоставлялась возможность, она спала не меньше 12 часов, просыпаясь только к обеду. Утром снятся такие замечательные сны! Тем более, что вчера вернулась она домой очень поздно, в двенадцатом часу, а легла ещё позже.

Домашние знали об этом и оберегали её сон как только могли, ходя на цыпочках и разговаривая шёпотом, пока Надя не встанет. Но соней или лентяйкой она себя не считала, никогда не злоупотребляла этой своей способностью, и, как бы ни были сладки объятия Морфея, она легко выбиралась из них, если нужно.

Так и сегодня. Будильник зазвенел в полседьмого, через две минуты будущий доктор-гинеколог уже принимала энергичный контрастный душ, через десять – торопливо завтракала (бабушка вставала вместе с нею, кипятила чай и жарила картошечку с яйцом, так что тратить время на готовку не нужно было), через двадцать – одевала плащ и шапочку перед большим зеркалом в прихожей, а через двадцать семь, то есть в 06.57 (как показывали её наручные часы марки «Электроника 55») Надя стояла уже на трамвайной остановке.

Остановка была конечная, так что можно было без помех войти в пустой вагон и занять место у окошка. Ехать предстояло почти через весь К... На окраинах трамвай ещё успевал

разогнаться от остановки к остановке, а через центр тащился медленно, останавливаясь перед бесчисленными светофорами и то и дело пропуская лихих перебежчиков всех возрастов, плюющих на все правила и лезущих под колёса очертя голову.

Народу в трамвай от остановки к остановке набивалось всё больше. Половина была работники КМЗ, большого механического завода, производившего комбайны и, как говорили всё громче, ракетные комплексы; другая половина была медицинские студенты, едущие на свои клинические базы. Особенно много медиков садилось у Танка, где была ближайшая к общежитию остановка.

Булгаков и Агеев еле втиснулись в задний вагон трамвая. Утром можно было смело ехать зайцами – никакому контролёру не под силу было протискиваться через плотно утрамбованную людскую массу. Если что, то можно было валить всё на эту давку, в которой невозможно ни в карман за мелочью залезть, ни руку за билетом протянуть.

Одноруппникам удалось затолкаться в самый угол и продолжить начатый разговор. Он был о вчерашнем «шмоне». Ваня и его непосредственные соседи оказались в числе тех, кого вчера «отловили». Как уже говорилось, вся их серьёзная компания старшекурсников вела себя тихо, в основном проводя время за преферансом, сигаретами, водкой в стабильно-умеренных количествах, песнями Розенбаума, гитарой и женским обществом. Последние, две или три свои же медички, жили здесь же в общежитии и дружили с этими ребятами с первых курсов.

– Они вчера заходят толпой и спрашивают: «Почему в карты играете»? – повествовал Агеев своим монотонным, начисто лишённым интонаций голосом. – Мы им – «а что, нельзя»? Они – нет, вы что, азартные игры в общественном месте запрещены. Мы им – вообще-то мы у себя дома, а вы вошли, даже не постучались. Они – имеем право, мы комсомольский патруль, с нами участковый и председатель студсовета, а общежитие находится в ведении АХЧ института и ничьим домом не является...

Дальше Агеев поведал, как проверяющие заставили девчонок покинуть комнату и перешли к проверке паспортов. Кто-то обнаружил за шкафом несколько пустых водочных бутылок.

– А, распиваете, значит, всё с вами ясно. Вася Иванов им – нет, это мы на улице собираем, чтоб потом сдать, деньги нужны. Те нам – а ну, дыхните. Да пожалуйста. Хорошо, мы ещё не начинали, за водкой Толик как раз перед этим пошёл. А Мюллер нам, такой – нет, вы все пьяны! Мы – почему? А Жорик, такой, нам – запах алкоголя изо рта! Мы – нет у нас никакого запаха. Если так, то давайте на экспертизу, мало ли, что вам покажется. Вы вот сами с запахом! Шумели, шумели, всё равно всех переписали...

– Надо было дверь не открывать, будто вас дома нет, – посоветовал Антон. – Взламывать не имеют права!

– А толку-то, – уныло произнёс Агеев. – Соседи вон, Костик и Митяй, так и сделали. У них как раз баба была посторонняя. Сидели тихо и не открывали. Так они что сделали – двери им опечатали. Теперь не выйдешь. А если дверь тебе опечатали, то открывать можно только с комендантом или с председателем студсовета. Так утром Митяй с Костиком по пожарной лестнице в окно вылезли вместе с бабой... А ночью ссали в банку по очереди...

– Чёрт знает что делается, – скривился Булгаков. – Комсомольский произвол. Жаловаться надо...

– Кому? Валить надо с этой общаги, пока не поздно. Пока её в казарму не превратили. Жениться, что ли? Достало всё это, хочется покоя и тишины, – вздохнул Ваня. – Первый курс ещё ладно, но когда до диплома всего ничего, ещё влипнуть не хватало... Ты-то как, не попался «Комсомольскому прожектору»?

Антон ответил отрицательно. Рассказывать о стычке с Чугуновым не хотелось, вспоминать о вчерашнем приключении с Наташей тем более. Да и что тут такого, особенного – из таких эпизодов в основном и состояла жизнь.

Дальше ехали в полном молчании. У Десятой больницы была конечная, и оба вагона довольно дружно саморазгрузились. Тут были уже одни медики. Многие оглядывались в поисках своих, узнавали друг друга, улыбались, соединялись по несколько человек, на ходу делясь новостями, заряжаясь друг от друга оптимизмом и весёлостью.

Надя в общей массе выдавилась из трамвая, огляделась вокруг и увидела Галку Винниченко, та ехала в хвосте вагона. Подруги радостно улыбнулись, посетовали на давку, поправили причёски, подкрасили губки и пошли по широкой аллее к больничному корпусу. Галя спросила, предварительно оглянувшись по сторонам хорошенько, чем закончилась вчера её история с Говоровым. Надя вздохнула и многозначительно взглянула на подружку.

– Жалко его стало, – с неохотой призналась она. – Я, конечно, не вчера родилась, и на такие крючки меня не поймаешь, но...

– Так вы чё делали-то? – сгорая от любопытства спросила Галя. Они с Валькой Кравцовой вчера успели втиснуться в трамвай и уехать, оставив Надю на остановке со столь навязчивым молодым человеком.

– Пошли в кино, – пожала Надя плечами. – «Письма мёртвого человека». Ушли с середины, поехали к нему на дачу. Потрахались. Он меня домой проводил. Вот, всё, ничего не забыла.

– И что теперь? Ведь он же...

– Женится, женится, – закивала головой Надя. – Я твёрдо дала ему понять, что у нас это было в последний раз, и чтобы он теперь от меня подальше держался, если не хочет, чтоб его невеста об этом узнала.

– А зачем тогда с ним ехать-то было? Если знаешь, что ничего больше не будет. С перспективным таким...

Галя была несколько наивнее и, как она считала, «порядочнее» подруги. С одной стороны она завидовала Надиной свободе распоряжаться собой и не терять зря времени, если рядом есть тот, кто нравится. С другой стороны, она осуждала Берестову за легкомысленность, за то, что ей не хватает самоуважения. Какое чувство было сильнее из этих двух, она не знала, но смутно чувствовала, что, как только поймёт, дружба с Берестовой сразу прекратится.

– Да так... Над благоразумием верх взяла романтическая сторона моей натуры, – ответила Надя какой-то цитатой из какой-то классики. – Вот и устроила ему небольшой мальчишник. Ты-то как, подруга? Что твой-то, встречаетесь?

Галя последний год сильно увлеклась Виктором Козловым, студентом Политехнического института, кандидатом в мастера спорта по фехтованию. Они встречались почти каждый день, были вхожи друг к другу в дом, нравились родителям. В следующем году молодые люди заканчивали учёбу в своих институтах и получали дипломы, потом предстояло распределение и трудоустройство. Обстоятельства складывались так, что нужно было на что-то решаться именно сейчас.

– Молчит пока, – отозвалась Галя и посмотрела в сторону. То, о чём пока молчал её парень, видимо, было очень важным.

– Что-то Витюша твой, я смотрю, настроился в молчанку играть всерьёз и надолго, – проницательно заметила Надя. – Сама с ним поговори.

– Я? Первая? Ты чего, Надь. С каких это пор девушка первая...

– Ой, Винниченко, ты давно такая принципиальная? А кто за Климом по всему институту бегал? Записочки кто писал?

– Надь, ну ты тоже сравниваешь... Кто Клим, а кто Витя? И не бегала я за ним...

– Не вижу особой разницы. Надо уже подводить коня к водопою.

– Почему «уже»?

– Скоро распределение, времени всё меньше остаётся. Сама смотри- тебя, конечно, в городе оставят, минимум в консультации, а может, и в отделении у Сумароковой...

– С чего ты взяла?

– У тебя же тётушка в ЦУМе. Уж кого-кого, а гинекологов она тут всех знает. Не так?

– Ну, не до такой прям степени.

– Ну, неважно. В любом случае, ты в городе останешься. Приткнут тебя куда-нибудь на первых порах. А его как раз и распределят куда-нибудь на БАМ или на любую комсомольскую стройку в районах Крайнего Севера. У Козлика ж родители простые советские, живут на зарплату и очень этим гордятся, блата нет. С ним же не поедешь?

– Может, и не распределят ещё. Он спортсмен...

Надя вздохнула покровительственно.

– Винниченко, ты газеты читаешь? Хотя бы на политинформации ходишь? Ты вообще слышала, куда наших хотят отправлять в этом году? В Узбекистан!

– Да ну.

– Баранки гну. Так что думай сама быстрее, на него надежда плоха. Скажи ему, что залетела...

Тут подружки поднялись по лестнице в обширного вестибюль больницы и прекратили рискованный разговор.

Иконописный рабочий на плакате всё с таким же искренне-комсомольским выражением лица всё так же мечтал об оправдании доверия XXVII съезда.

XXIII

«Со времени апрельского Пленума ЦК КПСС, когда на партийных собраниях разговоры стали посерьёзнее, принципиальнее, когда все чаще тот или иной коммунист встаёт и спрашивает- «почему?»- работники обкома с этих пор и перестали ходить к нам на партийные собрания»

(Из советской печати, октябрь 1986 года)

В 8.30, как уже говорилось, по всем четырём хирургическим отделениям клиники проходили свои пятиминутки, когда отчитывались ночные сёстры и дежурные врачи. Решив наскоро внутриотделенческие проблемы, хирурги к 9.00 собирались в конференц-зале для проведения общеврачебной кафедральной конференции. Антон Булгаков не стал подниматься во 2-ю хирургию, а сразу пошёл в зал. Он принципиально решил первым занять вчерашнее место. Своему утреннему туалету он тоже уделил больше внимания, чем обычно, тщательно побрился и даже опрыскался одеколоном «One man show».

Одеколон был импортный, страшно дефицитный, дорогой – этот флакон родители привезли из Москвы больше года назад, где купили его у спекулянта за 10 рублей. Пах одеколон здорово, не идя ни в какое сравнение ни с «Шипром», ни с «Тройным», ни с «Горной лавандой». Антон тщательно экономил его и пользовался чрезвычайно редко.

«Крупскую» со своей коротконогой подружкой (нужно сказать, что Галя Винниченко была несколько неуклюже сложена и сильно проигрывала Наде, у которой не было проблем со своей внешностью. Впрочем, одевалась первая намного лучше) он заметил ещё в трамвае, потом те вышли, встретились, начали охать, ахать, и остались далеко позади их с Агеевым, так что он уверенно опережал гинекологов. Вскоре те показались в дверях, осторожно пробрались по тесному ряду и сели.

Булгакову был подарен надменный и недоуменный взгляд, не более.

«Что же это со мной? – подумал Антон. – И куда меня ведёт подсознание? Чего это я сел сюда, вдали от группы? Вчера мест не было, а сегодня?»

Он боковым зрением оглядел сероглазую студенточку, сидевшую слева. Берестова была не из тех девушек, которые сражают воображение сразу. Ничего такого рокового или трагиче-

ски-магического, ничего таинственного и особо загадочного в ней не было. Это была вполне обыкновенная советская девушка – весёлая, жизнерадостная, компанейская. Ей очень шло быть студенткой мединститута и носить белый халат с белой шапочкой, из-под которой слегка выбивалась каштановая чёлка. На коллективных снимках группы и курса она ничем не выделялась из массы других медичек. Берестова не чуралась компанейских застолий, курила, смеялась анекдотам «про поручика Ржевского», употребляла нецензурные слова, никогда не была активисткой и в комсомоле состояла так сказать, для статистики. Училась она сильно, но и отличницей никогда не была, и выше твёрдой «хорошистки» не поднималась.

Всё это Антон знал, со всем был согласен, и ничего хорошего, кроме плохого, к портрету однокурсницы прибавить не мог.

«На что я рассчитываю? – спросил он себя. – Аутоспермотоксикоз замучил? Так, вроде, вчера разгрузился...»

Нужно было хоть поздороваться, хоть что-то сказать – в конце концов, у них нет никакой причины быть врагами – но решиться на то, чтобы издать хоть звук в адрес беззаботно смеющейся соседки Булгаков ни за что не смог бы. Он вздохнул и решил больше никогда сюда не садиться.

Время подходило к девяти часам, и зал быстро заполнялся. Протиснулся в дверь и уселся на второй ряд массивный Гиви Георгиевич. Не торопясь пробрался в середину четвёртого ряда клинический ординатор Горевалов. Открытое лицо его говорило о полном довольстве жизнью и о скрытых возможностях, которые будут обнаружены в своё время. По пути на место он пожал несколько рук, их тянули к нему со всех окрестных рядов. Антон ещё раз удивился – клинический ординатор всегда был ненамного выше, чем студент, штатные хирурги относились к ним свысока и никогда не спешили с приветствиями. Пётр Егорович и сидел среди хирургов как равный, хотя в должности был всего три месяца, а другие клинординаторы, даже второго года, занимали места намного дальше от сцены.

Показался Самарцев и сразу юркнул на первый ряд. Булгаков вспомнил его совет извиниться и нахмурился. Антон всё не видел среди собравшихся своего «сэнсея» и очень волновался. Тот появился одним из последних, его высокая сутулая фигура протолкалась сквозь остановившихся нерешительно у двери новеньких пятикурсников и заняла место в седьмом ряду. Булгаков вздохнул с облегчением.

XXIV

«Мы часто говорим о том, насколько могущественными сделала людей изобретённая ими техника. И упускаем из виду, что та же техника придала разрушительную силу и их ошибкам. Халатность или неумение даже одного человека могут привести к таким непредсказуемым последствиям, ликвидация которых потребует героических усилий сотен специалистов и колоссальных материальных затрат»

(Советская печать, октябрь 1986 года)

Наконец на сцене появился профессор Тихомиров, член-корреспондент АМН СССР, и шум в зале сразу же стих. Надя с любопытством смотрела на этого «корифея», которого положено теперь было называть «академик», хотя сам Тихомиров терпеть этого не мог и всем говорил, что академик – это Действительный член. Но всё равно, во всём К... он был единственный учёный, удостоенный этого звания, и он преподавал в мединституте. Каждый первокурсник знал о том, что среди профессорско-преподавательского состава есть членкорр и преисполнялся гордости за свой вуз.

Всеволод Викентьевич был седой, очень благообразный, но и очень старенький. Даже с задних рядов были видны глубокие морщины и та особая прозрачность век и щёк, с появлением которой пол уже не является чем-то важным для человека. Тихомиров был среднего роста, сухонек, худенек, имел ещё все волосы, но зубы уже носил явно искусственные. Взгляд его был нетороплив, глубок, и пронизателен; его мало кто из нижестоящих выдерживал долго. Двигался и держался профессор довольно бодро.

– Здравствуйте, товарищи. Начнём, пожалуй, – объявил он довольно тихо, но так, что услышали все. – 1-я хирургия.

На трибуну (так и хочется сказать- на сцену) вышел огромного роста доктор с буйной шевелюрой и волосатыми ручищами. Толстые щёки и выдающийся вперёд маленький, но твёрдый подбородок делали его внешность заметной и запоминающейся с первого взгляда. Вообще, многие хирурги выглядели даже колоритнее самых известных киноактёров советского экрана. Приятные издержки профессии – быть всё время «на людях»... Неторопливо озирая зал и изредка оглядываясь на профессора, дежурный хирург сочным, рокочущим голосом начал докладывать. Надя толкнула Галку.

– Вот ядрёный мужик, – прошептала она. – Такому бы в опере петь или проповеди читать.

Серёжки Говорова не было сегодня впереди, да и никого знакомых вокруг не было, поэтому она решила спросить у Булгакова:

– Слышь, а кто это? Ты тут всех знаешь...

– Крамаренко, – поперхнулся тот от неожиданности, – дежурант из 1-й хирургии. Так себе хирург, ничего особенного...

– ...была проведена инфузионная терапия. К утру появилась перистальтика, отошли газы, – вещал Крамаренко, очевидно, сам первый с удовольствием слушая свой раскатистый баритон. – Наутро: состояние удовлетворительное, жалобы на лишь периодически возникающие боли в мезогастрii...

– Чем было продиктовано решение вести больную консервативно? – вдруг раздалось из-за спины хирурга. Голос профессора был начисто лишён обаяния и на фоне впечатления от речи Крамаренко прозвучал грубо и резко.

Черноволоксы дяденька замолк и всем корпусом повернулся к Тихомирову.

– В процессе динамического наблюдения и лечения *ex juvantibus*, – мягко ответил он, – имела место положительная динамика. Эпизод кишечной непроходимости удалось разрешить и восстановить пассаж...

– Из вашего рассказа, Сергей Михайлович, так не следует. Наоборот, у меня сложилось впечатление, что вы лишь временно нормализовали состояние поступившей тем, что назначили ей инфузионную терапию. Благополучие, о котором вы сейчас говорите- мнимое. Контрольный барий давали?

– Давали...

– Когда?

– В полночь...

– То есть?

– В 24.00...

– Тогда где же контрольный снимок брюшной полости?

– При мне делали, Всеволод Викентьевич.

– А почему результатом не поинтересовались?

Крамаренко пожал широкими плечами, улыбнулся в зал, приподнял одну бровь.

– Вы же знаете наши проблемы, Всеволод Викентьевич. Санитарок в отделениях нет, сестра хорошо, если есть одна на два поста, по уши занята сдачей смены... нам послать за снимком некого, им со снимком прислать некого. Рентгенлаборант на всю клинику один. А

утром, перед пятиминуткой, дежурный хирург настолько загружен, что самому сходить просто некогда. Разумеется, я понимаю, насколько важен нам снимок. Сразу после конференции...

– Сергей Михайлович! – возвысил голос Тихомиров, не давая себя убаюкать. – Речь идёт о жизни и смерти человека. В экстренной хирургии всё решают порой минуты. Вы сдаёте дежурство и даже не знаете результатов контрольного исследования!

– Санитарки...

– Ну мы же не дети. За свою больную отвечаете именно вы. Я не могу принять у вас дежурство без результата снимка.

Крамаренко снова улыбнулся. Улыбка, которая столь шла ему, получилась несколько асимметричной – было видно, что хирург раздражён придирами Тихомирова.

– Хорошо, раз так, – сдался он, высмотрев кого-то в зале, – Игорь, будь добр, сбегай в рентген, принеси нам снимок. Пусть все посмотрят...

Один из молодёжи, сидевший в ряду клинических ординаторов, снялся с места и исчез за дверями. В зале зашептались. Крамаренко покинул трибуну и спустился со сцены. Чувствовалось, что этот большой человек сильно задет.

На трибуну поднялся пожилой доктор Пашков из 2-й хирургии. Он сильно волновался, докладывая. По сторонам не смотрел, не отрывался от историй. Тихомиров лишь что-то неразборчивое спросил его о каких-то лейкоцитах в два часа ночи. Пашков, лысый, крепкий, бульдожьего вида ветеран, моментально покраснел и начал копаться в историях, ища анализ. Тот всё не находился, дежурный хирург нервничал. Ему на помощь пришёл Гиви Георгиевич. Он поднялся с места и сам ответил на вопрос профессора. Тот кивнул, наконец принимая дежурство.

Пашков, вытирая лысину платочком, покинул трибуну, уступая место представителю 3-ей хирургии.

Напряжение в зале нарастало. Член-корреспондент вёл конференцию совсем не так, как вчера Самарцев. Тихомиров удобно посиживал за столом, посматривал то в зал, то на выступающего. Вид его был исполнен благожелательности и спокойствия, даже лёгкой дремоты. Но ясно было, что видит профессор всё в зале, слышит каждый звук, держит под контролем происходящее, что именно он по праву является мозговым центром клиники, что напоминает он сейчас собою старого полководца на поле боя, к которому периодически подскакивают адъютанты. Торопливо отдав честь, они докладывают обстановку и ждут распоряжений. Получив их, они тут же срываются с места и спешат в самое горнило сражения, неся войскам приказы, директивы, диспозиции. А самое главное – уверенность в победе.

3-я хирургия отчиталась быстрее. Там «сдавался» какой-то молодой и толковый, речь шла всего о двух больных, поступивших у него на дежурстве, те были простенькие, не «дискутабельные», профессору, видимо, лень было тратить порох на такие пустяки, и дежурство было легко принято. Издав слышный всему залу вздох облегчения, молодой хирург подхватил истории, и, не чуя ног от радости, сбежал со сцены. Соседи всерьёз поздравляли его, пожимали руки, хлопали по спине.

На 4-й хирургии конференция опять застопорилась. Там поступал какой-то сложный гнойник. Хирург, докладывая, сильно волновался, что-то мямлил, так, что никому ничего слышно не было. Тихомиров несколько раз переспрашивал. Потом начал задавать вопросы. Ничего, на взгляд Нади, особо каверзного в них не было, на половину она и сама бы точно ответила. Но мямля совсем струхнул, растерялся и долго собирался с мыслями. Ему на помощь пришёл заведующий, но профессор теперь так легко не отпускал, задавая дополнительные вопросы, этот раз очень сложные. Аудитория начала шуметь. Разговор на сцене уходил куда-то в сугубо теоретическую область и терял актуальность. Тем более, что посланец уже вернулся из рентгенкабинета и стоял в дверях с мокрой «брюшной полостью» на рамке. Его уже все увидели и смотрели только в его сторону, не обращая внимания на профессора.

Тихомиров увидел это и сам, отпустил 4-ю и пригласил Игоря на сцену. Зал моментально затих, абсолютно все взоры устремились туда. Сидевший до сих пор неподвижно Крамаренко занервничал, несколько раз шумно повернулся на стуле. И лицо, и шея его стали багроветь, хотя он изо всех сил старался этого не показывать. Клинический ординатор пристроил снимок на экране негатоскопа- это такой прибор типа лампы дневного света, предназначенный для изучения рентгенограмм в его лучах.

Всеволод Викентьевич встал с места, сам воткнул вилку в розетку и щёлкнул выключателем. Экран засветился, и на снимке стало видно всем переплетение кишок, чередование белых и тёмных пятен. Наде с заднего ряда было плохо видно, да и не ориентировалась она в снимках. Зато Булгаков изо всех сил вдавил в переносицу дужку очков, сощурился и максимально вытянул вперёд шею. Зал громко загудел. Многие привстали.

– Итак, кому непонятно, – зазвучал ровный голос Тихомирова, – показываю. Вот уровни жидкости. Вот две чаши Клойбера. Вот основная масса бариевой взвеси, скопившаяся перед препятствием. Вот паретичная петля двенадцатиперстной кишки. Всем видно? Я думаю, на этом можно закончить. Вопросы? Что, нет вопросов? Да, полагаю, всё ясно по этой больной. В одиннадцать – обход во 2-й хирургии, – возвысил он голос. – Приглашаются все желающие. Всё, товарищи, расходимся по рабочим местам...

Зашумевшая во весь голос масса хирургов и студентов повалила на выход. На заднем ряду все встали и терпеливо ждали, пока освободится проход.

– Слышь, – тихо спросила Надя у Булгакова, – а что такое «чаши Клойбера»?

– Стопроцентный рентгенологический симптом кишечной непроходимости, – ответил тот. – Там плохи дела, Крамаренко-то «зевнул непроход». Больную ещё при поступлении «брат» надо было...

– Так там что – всё же непроходимость? И не диагностировали?

– Она самая. Тихомиров ещё по его рассказу заподозрил. А обул-то Михалыча как! Как пацана. Хоть тот двадцать лет работает. Вот так – фирма веников не вяжет...

XXV

«Бюро горкома ВЛКСМ отметило, что в статье поднят вопрос о неудовлетворительной организации досуга молодёжи в городе Ржеве, бесконтрольности и отсутствию воспитательной работы со стороны комитетов комсомола в подростковых клубах по месту жительства»

(Советская печать, октябрь 1986 года)

После столь бурно прошедшей конференции Аркадий Маркович собрал обе свои группы. Быстренько сделал переключку. Присутствовали все. Судя по лицам, взбудоражены. Да, умеет Всеволод Викентьевич произвести эффект. Дешёвый эффект...

– Так, доктора... – привычно начал Самарцев. – Во- первых, по поводу этой кишечной непроходимости...

Он помедлил. Лица студентов были обращены к нему тревожно. Что делать? Тихомиров – его руководитель. Но и так больше нельзя. Сегодня он топчет Крамаренко, а завтра? Сколько можно отмалчиваться...

– Вот такое это коварное заболевание, – решил он, поправив пальцем очки.– Встречается очень и очень часто, но распознаётся с трудом. Иной раз даже специалистами со стажем. Я думаю, что те, кто присутствовал на конференции, вынесли сильное впечатление. Настороженность всегда должна иметь место, и это наглядно показывает, насколько трудна и ответственна работа хирурга. Это один аспект. Второй...

Самарцев снова помедлил. Он ещё никогда не позволял себе высказывать разногласия с шефом. Тихомиров был слишком крупной величиной, чтобы хоть посметь усомниться в его всегдашней правоте. Правоте во всём. Да, диагност он мощный, но нельзя же так обращаться с коллегой. Его высокомерные штучки в многолюдной аудитории совершенно нетерпимы. Иллюзионист, старый циркач. Как говорится, доколе? Ведь сегодня ещё и обход. А там этот огнестрельный... В конце концов, ведь плюрализм...

– Второй аспект, – сглотнув слюну, заговорил Самарцев, не глядя на студентов, – это аспект медицинской этики и деонтологии. То, о чём мы вчера здесь говорили. Ошибки возможны у каждого. Ни один практикующий хирург не застрахован от них. Никогда не застрахован. Ошибки в экстренной хирургии особенно досадны, и, как справедливо заметил Всеволод Викентьевич, могут стоить больному жизни. Это общеизвестно.

Самарцев снова помолчал. На этом можно было закончить комментарий. Пожалуй, он достаточно ясно дал понять, что весьма сочувствует Крамаренко. Осталось отделить свою позицию от позиции шефа. На глаза Аркадию Марковичу попался Булгаков. Он сидел прямо и пристально глядел на преподавателя. Лицо студента было напряжено, а взгляд осмыслен до предела. Казалось, тот очень хорошо понимает, о чём пытается сказать – или умолчать – доцент. Это особо контрастно чувствовалось на фоне всех остальных 25 человек. Те тоже прилежно следили за Самарцевым, кое-кто даже записывал, но и лица, и позы у всех были вполне ученические, не критичные.

– Разумеется, любая ошибка врача – повод для серьёзного разговора, – решил он продолжить мысль. – И никто тогда не бывает беспощаднее, чем коллеги. Нам всем здесь чужды мягкотелость и сюсюняйство. Те, кто уже участвовал в кафедральных клинразборах, знают, каково на них приходится тому, кто допустил оплошность. Так что здесь вопрос не в том, подлежит ли врачебная ошибка гласности. Она однозначно подлежит, и не только в хирургии. Сейчас наступает такое время, когда...

Самарцев снова остановился. Кажется, сейчас его понесёт на просторы политинформации, и он начнёт долго и красиво говорить о перестройке, демократии, новом мышлении. Группы его внимательно выслушают, Булгаков тоже выслушает или сделает вид, но ухмылнётся иронично. Он и сейчас сидел весь на грани сарказма.

«Что, – казалось, говорил весь его вид, – только вчера говорили об искренности, о деонтологии, а сегодня? Слабо пойти против шефа?»

Чёрт, этот Булгаков – препротивная личность...

– Но для всего есть и время, и место, – вступил, наконец, на опасную стезю Самарцев. – Любую работу можно раскритиковать и вывернуть наизнанку. Доктор ясно ответил, что вовремя взглянуть на контрольный снимок ему помешала занятость, что при нашей недоукомплектованности средним и младшим медперсоналом неудивительно. Доктор опытный, работает давно, сложившийся хирург. Ничего страшного в том, что утром приходится резко менять тактику и брать больную на стол, не случилось. Разобрать ошибку – не роковую ошибку – можно было и после, по результату. А так, – Самарцев, не в силах сдерживаться, резко встал со стула и отвернулся к окну, – в ярмарочно-балаганном стиле, на бегу, походя, при всех...

Он осёкся. Дружное сопение сзади на фоне общей панической тишины показало, что мысль до всех дошла и всех потрясла. Студенты сидели нахмурившись, уткнувшись в тетради или учебники, и старались не глядеть ни на Самарцева, ни друг на друга. Всем было ужасно неловко.

Аркадию Марковичу тоже стало не по себе. Вот так высказался! Как ни крути, а сравнение член-корреспондента АМН СССР с ярмарочным шутком было чересчур сильным. Если Всеволод Викентьевич узнает, может не поздоровиться. Впрочем, откуда он может узнать? Нет, едва ли. Но всё равно, крайне неразумно было так желчно отзываться о стиле его работы.

Ладно, были бы все свои, оценили бы. А эта молодёжь? Нет, нужно брать себя в руки. Совсем нервы стали ни к чёрту... Ещё и обход сегодня... тяжёлый денёк.

– Через сорок минут начнётся профессорский обход, – вернул всех к действительности Самарцев, отходя от окна. – Все должны присутствовать. Сделаем так: будущие хирурги сейчас расходятся по своим палатам и помогают лечащим врачам готовить их к обходу. У всех ведь есть палаты?

Аркадий Маркович внимательно оглядел свою группу.

– Девяткина, Говоров? Булгаков? Кстати, Булгаков, надеюсь, вы помните о нашем вчерашнем разговоре. Встретимся на обходе. А будущие гинекологи раскрывают тетради и записывают тему нашего сегодняшнего занятия: «Атипичные и редкие проявления острого аппендицита»...

XXVI

«Весть о том, что через мост дружбы, связывающий СССР и Афганистан, пройдут советские воины, с честью исполнившие свой интернациональный долг в соседской братской стране, молнией облетела Термез. И уже с утра сюда направились тысячи жителей Сурхандарьи с букетами, с дарами природы, со свежееиспечёнными лепёшками... Людской поток растянулся на несколько километров»

(Советская пресса, октябрь 1986 года)

Антон первым выскочил из учебной комнаты и побежал искать Ломоносова. В ординаторской его не было, в палатах тоже, отыскать его удалось только в отделении реанимации, где хирург осматривал оперированную вчера Леонтьеву. Та провела там первые сутки после удаления желчного пузыря. Чувствовала себя Марина Владимировна неплохо, улыбалась, ворочалась на койке и на Ломоносова смотрела с абсолютным обожанием.

– Ну-ка, язык покажи, – требовал он. – Да не кончик, весь высунь. Гм. Пульс дай... Урчит в животе? Теперь вверх посмотри, – Виктор Иванович оттянул её нижнее веко, посмотрел на белок глазного яблока.

– А ничего в целом. Эктеричность ушла, – он обернулся, увидев подходящего Антона. – На-ка сам посмотри.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.